
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 15 АПРЕЛЬ 1975
4 АПРЕЛЯ — 30-летие
ОСВОБОЖДЕНИЯ ВЕНГРИИ
ОТ ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 15 (2492)

5 АПРЕЛЯ 1975

ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК ВСРП ЯНОШ КАДАР

ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ «ОГОНЬКА»

ВОПРОС. Какими успехами в социалистическом строительстве венгерский народ встречает 30-летие своего освобождения!

ОТВЕТ. В этом году, 4 апреля 1975 года, исполняется тридцать лет с того дня, когда Советская Армия, изгнав с территории нашей родины фашистских оккупантов, освободила венгерский народ и открыла перед ним путь самостоятельного, независимого национального развития. Теперь мы уже можем сказать: венгерский народ сумел воспользоваться возможностями, предоставленными освобождением. Величайшим историческим завоеванием венгерского рабочего класса, венгерского народа является свободная и независимая Венгерская Народная Республика, строящая социализм.

Обозревая путь, пройденный за тридцать лет, видишь, что родина наша пережила перемены, коренным образом преобразовавшие политический, общественный, экономический и культурный облик страны. Рабочий класс, народ Венгрии ликвидировали буржуазно-помещичий строй и установили ставшую непоколебимой власть рабочего класса, диктатуру пролетариата.

Венгерские трудящиеся не только подняли страну из развалин, но своим самоотверженным трудом создали новое, социалистическое народное хозяйство, наш национальный доход в 1974 году почти впятеро превысил уровень 1938 года. Развернута социалистическая индустрия, которая за этот период удесятерила свое производство. Построено множество новых заводов и фабрик; родились новые социалистические города. С ликвидацией полуфеодальной системы крупных поместий земля стала принадлежать тем, кто ее обрабатывает. 15 лет тому назад с созданием производственных кооперативов наше крестьянство стало на путь социалистического развития, и достижения кооперативов красноречиво свидетельствуют о превосходстве социалистических крупных хозяйств. Располагая вдвое меньшим количеством рабочей силы, чем в 1938 году, венгерское сельское хозяйство дает ныне продукции на 60 процентов больше. Важнейшим результатом нашей работы по хозяйственному строительству, осуществлявшейся в течение тридцати лет с момента освобождения, является то, что Венгрия из среднеразвитой аграрной страны стала страной, располагающей социалистической промышленностью и сельским хозяйством, и в обозримой перспективе выйдет в ряды экономически развитых государств.

Культурная революция, осуществленная за тридцать лет, широко открыла перед массами трудящихся двери учебных заведений и культурно-просветительных учреждений. В наших институтах и университетах ныне учится более ста тысяч студентов, в то время как до освобождения эта цифра едва достигала десяти тысяч, и 40 процентов студентов составляют дети рабочих и крестьян. За год мы издаем в два с половиной раза книг больше, чем в 1938 году, а тираж их увеличился в семь раз.

Благодаря экономическому и культурному развитию коренным образом изменились условия жизни нашего народа. Немногим более тридцати лет тому назад, в период фашистской диктатуры Хорти, Венгрия была одной из самых отсталых стран Европы; лишения и нужда косили трудовой народ, нашу родину называли «страной трех миллионов нищих». Вслед за освобождением жизнь неузнаваемо изменилась и быстрыми темпами улучшается с тех пор. В период между 1950 и 1974 годами реальный доход на душу населения вырос почти втрое. С момента освобождения и до наших дней около полутора миллионов семей — более 40 процентов населения — переселились в новые квартиры. Социальное обеспечение, в 1938 году распространявшееся лишь на 38 процентов населения, ныне предоставлено всем гражданам. Прекрасным результатом работы за тридцать лет мы можем назвать то, что условия жизни венгерских трудящихся постоянно улучшаются, они с уверенностью смотрят в будущее.

Социалистическая Венгерская Народная Республика заняла подобающее место в международной жизни, пользуется уважением прогрессивных людей. В результате внутреннего развития и своей принципиальной внешней политики Венгрия, как член содружества социалистических государств, на международной арене активно борется за социализм и за мир. Все более широкие связи осуществляет она с различными государствами. В своей международной деятельности мы и впредь будем стремиться к служению делу социализма и коммунизма, к поддержке демократических освободительных движений народов, к упрочению мира.

4 апреля 1975 года, в тридцатую годовщину освобождения, венгерские коммунисты с чистой совестью могут смотреть в глаза собственному народу и международному рабочему классу. Тридцать лет тому назад наша партия была организующей и направляющей силой возрождения, и сегодня она идейный и политический руководитель общества, слуга народа, самый последовательный борец за его интересы.

Подводя итоги свободного социалистического развития за тридцать лет, без хвастовства, но с уважением и гордостью по отношению к труду венгерского рабочего класса, трудового народа мы можем сказать: за эти десятилетия социалистического строительства наш народ получил больше прав, материальных благ и духовных ценностей, чем за тысячелетнюю историю венгерского государства.

СЛАВНОЕ ТРИ

Когда мы подводим исторические итоги периода, прошедшего с момента полного освобождения нашей родины — с четвертого апреля 1945 года,— первая наша мысль: вечная, непреходящая благодарность к советским героям, отдавшим свои жизни за нашу свободу, и искренняя признательность советскому народу за братскую помощь, оказанную венгерскому народу в боях и в созидательной работе на протяжении всех тридцати лет. Венгерский народ стремится к тому, чтобы советский народ видел: его жертва была не напрасной, свою дружбу он отдал достойному.

ВОПРОС. В марте этого года состоялся XI съезд Венгерской социалистической рабочей партии. Какое значение имеют решения съезда с точки зрения дальнейшего развития Венгрии по пути социализма и коммунизма?

ОТВЕТ. XI съезд нашей партии — большое событие в жизни венгерских коммунистов, всего нашего народа. Съезд подвел итоги работы, проделанной со времени X съезда, дав картину почти пятилетнего развития нашей родины. Исходя из опыта, съезд подтвердил проводившуюся Венгерской социалистической рабочей партией политику, которая и в будущем обеспечит не только для партии, но и для всей страны условия неуклонного социалистического развития на марксистско-ленинской основе.

Съезд определил задачи, стоящие перед партией, перед народом в предстоящем пятилетии. Эти задачи ясно показывают, что и на последующие годы вдохновляющей программой венгерского общества будет продолжение полного построения социализма. Наш народ намерен решительно идти вперед к конечной цели — к коммунизму. В интересах этого мы будем крепить власть рабочего класса, ведущую роль партии, планомерно развивать народное хозяйство, усиливать влияние марксизма-ленинизма, укрепляя тем самым социалистический характер нашего общества, и будем еще активнее действовать в интересах осуществления нашей интернационалистической внешней политики. Наша партия в качестве боевого отряда международного коммунистического движения, а родина наша, Венгерская Народная Республика, в качестве члена Организации Варшавского Договора, СЭВа, содружества социалистических стран, плечом к плечу, в тесном единстве со своими подлинными друзьями будут и впредь бороться за великое дело прогресса, социализма, мира.

Съезд выполнил свою миссию: наметил главный курс нашей политики; на основе его указаний мы уверенно можем продолжать идти вперед по ленинскому пути.

ВОПРОС. Что бы Вы хотели передать советскому народу?

ОТВЕТ. По случаю величайшего нашего национального праздника — четвертого апреля — я приветствую нашего освободителя, братский Советский Союз. С искренней любовью и уважением приветствую наших друзей, советских тружеников, от чистого сердца желаю им новых больших успехов в строительстве коммунизма.

Закаленная в боях дружба наших народов — бережно хранимое сокровище для каждого венгерского коммуниста, для всего нашего общества. Наши партия, правительство, народ постоянно стремятся еще больше упрочить братскую дружбу и сотрудничество между Венгрией и Советским Союзом, между Венгерской социалистической рабочей партией и Коммунистической партией Советского Союза. Самым надежным залогом достижения целей венгерского народа является то, что под знаменем наших общих марксистско-ленинских идей мы вместе с советским народом идем по столбовой дороге истории к социализму и коммунизму.

Пользуюсь случаем, чтобы выразить мою искренною благодарность редакции журнала «Огонек» за систематический показ жизни венгерского народа, за выдающуюся работу, которая служит делу упрочения венгеро-советских интернационалистических связей, и тепло приветствовать читателей журнала.

Kádár János

ДЦАТИЛЕТИЕ

ДРУЖЕСТВЕННЫЙ ВИЗИТ

По приглашению Президиума Верховного Совета СССР с 24 по 29 марта 1975 года в Советском Союзе с официальным визитом находился председатель ЦК Конголезской партии труда, Президент Народной Республики Конго, глава государства, председатель Государственного совета Мариан Нгуаби.

Во время пребывания в Москве Мариан Нгуаби имел плодотворную беседу с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым.

М. Нгуаби рассказал о борьбе конголезского народа под руководством Конголезской партии труда за укрепление экономической самостоятельности страны и ее развитие по пути социалистической ориентации. Он поблагодарил за помощь, которую оказывает КПСС и советский народ конголезскому народу в строительстве новой жизни.

Л. И. Брежнев выразил чувства глубокого уважения к народу Конго, завоевавшему национальную свободу и независимость, пожелал Конголезской партии труда и народу НРК успехов в их борьбе за осуществление прогрессивных социально-экономических преобразований.

Стороны подтвердили стремление к дальнейшему расширению и углублению советско-конголезских отношений, к развитию межпартийных связей, что отвечает интересам народов обеих стран и укреплению международного мира и безопасности.

В ходе беседы был подвергнут обсуждению ряд актуальных международных вопросов.

Беседа прошла в теплой, дружественной обстановке.

Между членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным, членом Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазуровым, членом Политбюро ЦК КПСС, министром иностранных дел СССР А. А. Громыко и Президентом Народной Республики Конго, главой государства, председателем Государственного совета М. Нгуаби состоялись переговоры.

В ходе переговоров, проходивших в сердечной, дружественной обстановке, состоялся обмен мнениями по широкому кругу вопросов дальнейшего укрепления и развития советско-конголезских отношений. Были обстоятельно рассмотрены состояние и перспективы развития двустороннего сотрудничества в экономической, научно-технической, культурной и других областях. Подтверждено обоюдное стремление к дальнейшему укреплению отношений между Советским Союзом и Народной Республикой Конго.

Были также обсуждены представляющие взаимный интерес актуальные вопросы международного положения, в том числе касающиеся африканского континента.

На снимке: во время встречи.

Фото А. Гостева

БЕСЕДА В КРЕМЛЕ

26 марта Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин принял в Кремле находившегося в Советском Союзе с официальным визитом министра труда временного правительства Португалии Жозе да Кошта Мартинша.

В ходе беседы, прошедшей в дружественной обстановке, состоялся обмен мнениями по вопросам дальнейшего развития советско-португальских отношений.

На снимке: перед началом беседы.

Фото А. Гостева

СЕВ ГОДА ЗАВЕРШАЮЩЕГО

Весна. Скинула земля снежное покрывало, зазвенели ручьи, и, как каждой весной, снова звучит по стране волнующее слово сев. А нынче год особый и сев особый — последний в девятой пятилетке.

Тысячи посевных агрегатов уже вышли на поля. В весеннюю страду вступают все новые районы. В ответ на Обращение ЦК КПСС к партии, к советскому народу в совхозах и колхозах ширится социалистическое соревнование за высокий урожай, за успешное завершение планов нынешней пятилетки. Правофланговые соревнования обратились к земледельцам страны с призывом развернуть массовое движение под девизом: «Сегодня — рекорд новатора, завтра — норма для всех».

Весенние работы на полях — первая проверка выполнения обязательств, принятых земледельцами в завершающем году пятилетки. Труженики полей не жалеют сил, чтобы провести сев быстро, качественно, обеспечив прочный фундамент грядущему урожаю.

С полей идут все новые и новые добрые вести.

Казахстан. Хлеборобы республики решили продать государству не менее 15,4 миллиона тонн зерна. В южных районах на многих полях уже появились дружные всходы.

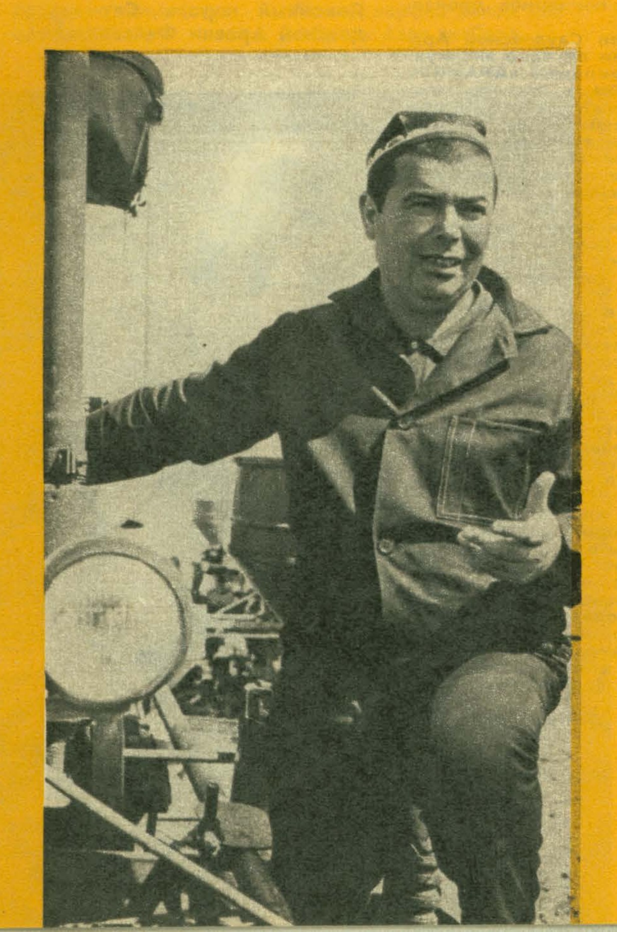
Туркмения. Гул тысяч тракторов висит над плантациями солнечного края. Закончен сев ячменя. Теперь главная забота — хлопчатник. Один миллион 100 тысяч тонн хлопка, 160 тысяч тонн овощей, десятки тысяч тонн зерна и другой сельскохозяйственной продукции намечают собрать нынче земледельцы республики. Такого еще не знали туркменские оазисы.

Кубань. Ширится фронт полевых работ в крупнейшей житнице страны. Идет массовый сев гороха, овса, ячменя, кормовых культур. Многие хозяйства края уже завершили сев ранних зерновых и зернобобовых.

Узбекистан. Все оживленнее становится на полях. Дехкане высевают люцерну, кукурузу, овощные культуры. А на юге республики начался сев хлопчатника. Накануне посевной труженики Пахтачийского района, Самаркандской области, выступили с ценной инициативой: ознаменовать завершающий год пятилетки высокими показателями во всех отраслях земледелия и животноводства. Этот почин был одобрен ЦК Компартии Узбекистана и нашел горячую поддержку у хлопкоробов и животноводов республики.

Таджикистан. Посевная и здесь в разгаре. Идет сев зерновых, разворачивается сев хлопчатника. Вот две фотографии, они сделаны в совхозе имени Турдыева Кулябской области. Сев ведет бригада, возглавляемая Героем Социалистического Труда, заслуженным механизатором республики Шарифом Туробовым.

Фото Н. Мирзоева. ТАСС.

свидетельствует пресса

В ПАНИКЕ БЕГУТ...

Южновьетнамская армия деморализована. Об этом сообщают западные военные специалисты, вьетнамские наблюдатели и армейские офицеры в районах военных действий.

Они также отмечают, что солдаты и офицеры вооруженных сил численностью 1,1 миллиона человек сбиты с толку и унижены неожиданным оборотом событий за последние две недели. «Армия травмирована», — заявило одно осведомленное западное должностное лицо. Еще один западный специалист сказал: «Они пребывают в состоянии страшного замешательства». «Моральный дух армии низкий, и он слабеет уже в течение некоторого времени, — заявил один вьетнамский наблюдатель, касаясь армии Южного Вьетнама. — Армия сталкивается с мрачными проблемами: коррупцией среди командиров дивизий, отсутствием дисциплины и дезертирством рядовых, отсутствием стимула для продолжения боев из-за неумелого руководства, фаворитизмом и низким жалованьем». Один осведомленный вьетнамец сказал: «Оптимистов почти не осталось. Парни решают, что лучше ночью бежать, чем сражаться и умирать в предстоящие дни».

По мнению американских офицеров, изучающих быстро ухудшающееся военное положение, операции в Южном Вьетнаме за последнее время подчеркнули слабость сил Сайгона, в частности склонность верховного командования к самообольщению.

В этих кругах говорят о плохом командовании на уровне корпусов, дивизий и бригад, об отсутствии тактической инициативы. В течение последних двух недель сайгонские войска потеряли вооружения американского производства на общую сумму более 1 миллиарда долларов. Брошенными оказались сотни артиллерийских орудий, грузовики, самолеты, минометы, танки, бронетранспортеры, винтовки и снаряжение. В сочетании с быстрым отступлением армейских частей это рассматривается южновьетнамскими и западными специалистами как ужасный и, возможно, невосполнимый военный и психологический удар для Южного Вьетнама.

ГАЗЕТА «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС»

Камбоджийский владыка Лон Нол требовал, чтобы ему — «спасителю отечества» — целовали руки... Сейчас «спаситель» спасается сам... Созданный им марионеточный режим рассыпается под ударами патриотов.

Вслед за Лон Нолом поспешно бегут его присные — продажные чиновники, бездарные генералы, разбогатевшие на спекуляциях толстосумы...

В ДРЕВНЕЙ СТОЛИЦЕ

Патриоты вступили в древнюю столицу — город Хюэ. Бойцы Народных вооруженных сил освобождения Южного Вьетнама в шлемах, украшенных красной эмблемой, прошли через мост Чангтиен и направились к стратегическим объектам города, включая военный сектор, городской муниципалитет и университет Хюэ.

Восходящее солнце осветило флаги Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам, уже вывешенные на многих домах на улице Чанхунгдао, на другом берегу реки Хыонг.

За марширующими колоннами солдат следовал «джип» с развевающимся флагом освобождения. Группа девушек в белых и фиолетовых кофточках в «джипе» исполняла песню «Хюэ — наш любимый город».

Под мостом Чангтиен моторные катера отвозили назад домой тех, кого марионеточные войска пытались угнать с собой. Они махали своими соломенными шляпами, приветствуя бойцов армии освобождения.

Молодые солдаты, охранявшие мост, вели оживленный разговор с большой толпой жителей Хюэ, среди которых были буддийские бонзы, старики и дети.

Население толпилось вокруг бойцов и расспрашивало об их жизни.

Молодая девушка-диктор, на автомашине в транспортной колонне, украшенной флагом ВРП РЮВ, заявила через громкоговоритель: «...Создан народный революционный комитет города Хюэ, и представители сил Хюэ в защиту мира и национального согласия вышли из подполья...»

Старая женщина взяла за руку одного бойца и проговорила голосом, дрожавшим от волнения: «О, мой дорогой сын, многие годы мы страстно ждали этого дня». Слезы текли по ее щекам.

АГЕНТСТВО ПЕЧАТИ «ОСВОБОЖДЕНИЕ»

Фото ТАСС и журнала «Тайм».

за кулисами событий

ТРИ ВЫС

В первом официальном сообщении об убийстве короля Саудовской Аравии Фейсала оно было названо индивидуальным актом, а убийца, племянник покойного — эмир Фейсал ибн Мусаид — душевнобольным человеком. Однако позже было сообщено, что он признан «психически здоровым и полностью отдающим себе отчет в своих действиях». В прессе появилась его фотография, которую репортеры добыли из американского штата Колорадо, где учился племянник короля. Здесь, за океаном, молодой эмир, сбросив традиционные арабские одежды, отрастил длинные волосы до плеч, надел модный костюм и пестрый галстук. На страницах газет появилась и фотография его «подруги» «американского периода жизни», когда строжайшие законы корана были отделены от принца широким пространством Атлантики. 26-летняя Кристина отзывалась о нем в самых лестных выражениях.

Сейчас появилось сообщение, что убийцу будет судить издавна действующий в Саудовской Аравии религиозный суд. В соответствии с законами шариата он будет публично обезглавлен. Новым королем был объявлен младший брат убитого Халед ибн Абдель Азиз ас-Сауд, а наследником — Фахд ибн Абдель Азиз ас-Сауд. Новые лидеры Саудовской Аравии обещали продолжать политику покойного короля. И занавес, казалось бы, вновь опустился над покоями королевского дворца...

Однако события, которые произошли в этой стране, продолжают широко комментироваться в западной и арабской печати. Высказывается целый ряд предположений относительно причин, которые привели к убийству и вызвали во дворце Эр-Рияда большие изменения. Арабская пресса, например, ливанский журнал «Аль-Лива» и марокканская газета «Опиньон», высказывает предположения, что за событиями, происшедшими в Саудовской Аравии, стоят «внешние силы», которые проводят подрывную деятельность на Ближнем Востоке.

Саудовская Аравия сегодня не только страна строгих мусульманских законов, священных мест Мекки и Медины. Она представляет собой государство, которое владеет колоссальными запасами нефти. Не случайно выстрел, раздавшийся во дворце Эр-Рияда, разрушительно отозвался на нефтяных биржах капиталистического мира, где «вздрогнули индексы» Доу-Джонса и на шкале стоимости акций ведущих мировых концернов произошли резкие изменения.

Проникшие на нефтяные клондайки Саудовской Аравии иностранные нефтяные монополии активно эксплуатируют ее ресурсы. Американскую компанию «АРАМКО» не случайно называют «государством в государстве». Сохранить в связи с угрозой энергетического кризиса свои позиции в Саудовской Аравии — ее важнейшая задача. Тем более, что и в этой традиционно связанной с монополиями стране появилась в последнее время тенденция к проведению более независимой нефтяной политики. По инициативе покойного короля Саудовская Аравия запланировала полностью поставить под свой контроль «АРАМКО». Дискуссии между саудовскими властями и представителями этой компании все чаще возникают в последнее время в связи с тем, что «АРАМКО» упорно скрывает свои прибыли от саудовского государства.

Кроме того, владельцы компании ведут яростную закулисную борьбу, чтобы не допустить национализации «АРАМКО». Поэтому в Бейруте, в этом важном информационном центре арабского мира, сейчас часто высказывают предположения: не связаны ли нефтяные монополии с убийством короля Фейсала. И в этом плане Саудовская Аравия постоянно находится в фокусе «политического перископа», нацеленного на эту богатейшую нефтяную страну. Ее нефтяные поля занесены на карты американского генерального штаба в качестве объектов, которые могут быть захвачены военной силой при «определенной ситуации».

Один арабский журналист сказал: «Нефть, стратегия, политика — вот те компоненты, которые должны быть запущены в компьютеры с тем, чтобы получить ответ на события, которые произошли в Саудовской Аравии. Надо заглянуть не только в покои королевского дворца, но и в кулуары больших нефтяных бизнесменов Запада, а также Пентагона. Американские монополии не оставляют своих планов: сохранить господство над богатейшими нефтяными источниками арабского мира и важнейшими его стратегическими рубежами. Не в этом ли «политический подтекст» выстрелов во дворце Эр-Рияда?»

Леонид КОРЯВИН

Бейрут, по телефону.

Покойный король Саудовской Аравии Фейсал.

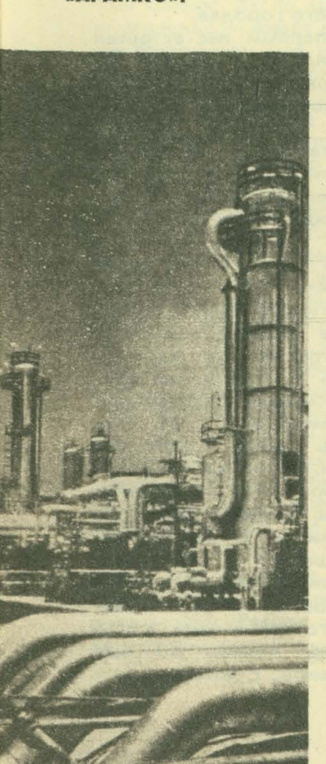
Армия марионетки Тхиеу полностью деморализована. Она покидает провинцию за провинцией, город за городом под натиском освободительных сил. На снимке: солдаты одного из подразделений марионеточной армии отходят на «новые позиции»...

Фото журнала «Тайм», ЮПИ, Камера Пресс.

Южновьетнамские «беженцы»... Марионеточные войска под угрозой оружия сгоняют их с родных мест.

ТРЕЛА

Владение монополии «АРАМКО».

Новый король Халед ибн Абдель Азиз ас-Сауд.

ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Лайош МЕШТЕРХАЗИ,
главный редактор
журнала «Будапешт»

Я принадлежу к тому поколению, которое стало свидетелем самого крупного поворота в венгерской истории. Чтобы в полной мере ощутить его масштабы, мне кажется, нужно немного отступить во времени. Вот почему я позволю себе заглянуть в не столь уж далекое прошлое. В сорок пятом году мне было двадцать девять лет: мое детство, годы учебы и осмысления окружающей жизни проходили в старом мире. А свою писательскую и общественную деятельность я начал после освобождения страны. Мое самое раннее воспоминание детства: лето 1919 года, Советская республика, вступление румынской королевской армии, мы укрываем у родственников красноармейцев. «Экономический кризис» для меня не газетная строка: отец с матерью одновременно остались без работы; позднее, получив диплом, я и сам узнал, каково это, потеряв надежду, возвращаться домой каждый день после бесплодных поисков места. Так продолжалось много месяцев изо дня в день. Наша семья жила в пригородном рабочем поселке, а лето я проводил в деревне и своими глазами видел, как живут крестьяне. Им приходилось тяжелее всех. Я пытался искать научное объяснение того, что видел. Все более интересовала меня политика. В то время в Европе стремительно распространялся фашизм. Это происходило и в Венгрии. Я хотел осмыслить свой, вначале стихийный антифашизм.

В Венгрии тридцатых годов почти сорок процентов населения составляли безземельные сельскохозяйственные рабочие или бедные крестьяне, жившие как в средние века. А ведь мы не ленивый и не бездарный народ! Прибавьте ко всему высокую детскую смертность, туберкулез, другие болезни — спутники нищеты. Кто мог, уезжал за границу в поисках работы.

Венгрия была аграрной страной. Но большая часть земельных владений — огромные латифундии — находилась в руках высшего католического духовенства и маленькой кучки аристократов.

Промышленность развивалась главным образом как придаток иностранного капитала. Огромная армия безработных тоже сильно снижала жизненный уровень трудящихся — в Венгрии были самые дешевые в Европе рабочие руки.

Настало время, когда на арене истории появилась новая сила — рабочий класс! У беднейшего крестьянства появился революционный руководитель. Мелькают листки календаря. 1905 год — демонстрации, забастовки; 1912 год — кровавые уличные бои, в селах одна за другой демонстрации, стачки жнецов; годы первой мировой войны — агитация за мир, стачки; 1917 год — демонстрация солидарности с русской революцией; сотни тысяч венгерских военнопленных участвуют в гражданской войне в России; 1918 год — вторая буржуазная революция в Венгрии, создание партии коммунистов; 1919 год — победа социалистической революции. Венгерская Советская Республика 133 дня героически сражалась на два фронта — против армий интервентов и внутренней реакции. 1919 год был очень трудным годом и для России. Долгожданная встреча двух Красных Армий не могла состояться: венгерская революция была разгромлена, на шею народа снова сели прежние господа. Началось подстрекательство к новой войне. В связях с Муссолини, потом с Гитлером Хорти искал поддержки своего чрезвычайно шаткого режима.

Освобождение нам могла принести только Советская Армия. Советский Союз смел с нашей земли фашизм и открыл возможности для тех давно назревших изменений в жизни страны, которым так ожесточенно препятствовали господствующие классы.

А что это означало? Взгляните на Венгрию 1975 года, тридцать лет спустя. Для истории — небольшой срок, но он равен тысячелетиям. Перед страной открылась возможность свободного развития.

Венгрия — прежде всего с помощью советского сырья и энергии — стала промышленной страной, располагающей развитым сельским хозяйством. Сегодня крестьянство составляет только 15 процентов трудящихся, и они производят больше продукции на своих кооперативных землях, чем давали до войны крупные поместья, где работало 60 процентов крестьян. Количество рабочих утроилось, они стали абсолютным большинством и руководящим классом общества. Венгерская промышленность уже больше не «сборочный цех» германских, английских и прочих капиталистических заводов, а равноправный партнер на международном рынке. Достаточно назвать производство автобусов, тепловозов, станков, электронику. Всеобщее восьмилетнее обучение, социальная обеспеченность всех граждан страны, полная занятость, пенсионное обеспечение, приближение села к уровню города — я мог бы долго перечислять то, что тридцать лет назад казалось утопией. Не так давно мы были отсталой страной. Ныне социалистическая Венгрия пользуется авторитетом в мире, и это показал недавно прошедший XI съезд ВСРП, который стал новым свидетельством великой преобразующей силы социализма.

Наш труд, наши успехи и безопасность в течение тридцати лет охраняет сила Советского Союза. Мы понимаем это. Историческая благодарность связывает нас с народом Ленина, тем народом, сыны которого пожертвовали своими жизнями ради нашей свободы, и потому мы говорим о нерушимости венгеро-советской дружбы.

НЕМЕРКНУЩИЙ СВЕТ

Фридьеш ПУЙЯ,
министр иностранных дел ВНР

Освобождение самым решительным образом изменило всю жизнь нашей страны.

Мое родное село Баттоня было первым венгерским населенным пунктом, который встретил Советскую Армию 23 сентября 1944 года. В моей жизни до освобождения и после нет ничего такого, что сильно отличалось бы от судьбы миллионов трудящихся республики. Отец мой батрачил. Нас у него было девять детей. С раннего детства я помогал родителям, пас гусей, коров, свиней. Мне удалось окончить только шесть классов начальной школы, среднюю я оканчивал самоучкой, частным образом, а высшую — уже будучи взрослым. Тринадцати лет родители отдали меня учиться ремеслу наборщика. До освобождения я работал в типографии.

Мой родной край называли «Вихаршарок» — уголок вихрей. Трудовой люд «Вихаршарока», в особенности двух комитатов — Бекеша и Чанада, был известен своим левым образом мыслей. В конце прошлого века своеобразное венгерское аграрно-социалистическое движение всколыхнуло массы аграрных пролетариев, сельскохозяйственных батраков и мелких крестьян. В 1891 году в Баттоня прогремели жандармские выстрелы.

Затем на повестке дня были стачки косцов и другие выступления.

После подавления первой венгерской пролетарской диктатуры наступил мрачный период хортистского фашизма. Однако реакция не могла убить в людях жажду лучшей жизни, жажду свободы. Из моей памяти все еще не изгладились картины детства, взрывная атмосфера Первого мая, полные решимости толпы сельскохозяйственных рабочих на главной площади села с красными гвоздиками в петлицах...

...Через несколько недель после освобождения страны в Баттоня была создана местная организация коммунистической партии, секретарем которой я стал. В августе 1945 года меня выбрали баттоньским уездным секретарем. Несколько лет я находился на партийной работе, а в 1953 году был направлен в министерство иностранных дел. Был послом, заместителем министра. С декабря 1973 года — министр иностранных дел.

Венгерский народ с чувством уважения и благодарности относится к Советскому Союзу, к Советской Армии-освободительнице. С глубокой признательностью мы вспоминаем солдат, которые отдали за освобождение нашей родины самое дорогое — жизнь. Наш народ всегда будет благодарен ветеранам Великой Отечественной войны, не забудет об их славных делах. Граждане Венгрии внимательно следят за их нынешней жизнью, с радостью слышат об их достижениях в строительстве коммунизма, в том, чтобы сделать жизнь еще лучше, еще прекраснее. От всего сердца желаю им, героям Великой Отечественной войны, дальнейших выдающихся успехов, доброго здоровья, личного счастья и долгой жизни. Благодаря Советскому Союзу Венгрия была освобождена от господства фашистских оккупантов и трудящиеся получили возможность решать судьбу родины. Нам кажется, что мы оказались достойными этого исторического акта. После освобождения страны венгерский рабочий класс в суровых политических сражениях взял власть в свои руки и в союзе с трудящимся крестьянством и прогрессивной интеллигенцией создал страну, обладающую развитой промышленностью и сельским хозяйством. Тот, кто раньше бывал в Венгрии, сегодня не узнает ее.

Венгерский рабочий класс и весь наш народ высоко ценят выдающуюся роль Коммунистической партии и правительства Советского Союза в международной жизни. Наша партия в течение своей более чем пятидесятилетней истории всегда берегла как зеницу ока дружбу с Советским Союзом. Эта политика нашей партии берет истоки в сердцах всего народа. Для нас и сегодня пробным камнем интернационализма является отношение к Советскому Союзу. Мы знаем, как крепка дружба между советским и венгерским народами, как плодотворно наше сотрудничество. Это залог успешного социалистического развития нашей страны.

В заключение я хотел бы обратиться к советской молодежи. Дорогие друзья, самое прекрасное, что я могу пожелать вам, — следовать славному примеру ваших отцов! Они совершили первую в истории социалистическую революцию, победили отсталость и голод, создали современную промышленность и сельское хозяйство, отбили все атаки международного империализма, сделали свою страну могущественной и оказали помощь другим народам в борьбе за свободу. Пусть эти героические, формирующие историю дела воодушевляют вас в учебе, в социалистическом строительстве. Сохраните в своих душах революционность и характерный для советской молодежи захватывающий пафос осуществления великих планов. Завтра от вас будут зависеть судьбы Советского Союза и мира. Вам вместе с венгерской молодежью предстоит еще больше сплотить наши страны, наши народы, продолжать развивать братские связи и нерушимую дружбу.

23 сентября 1974 года. Празднование 30-летия со дня освобождения села Баттоня.

ПЕРВ

В Баттоня, лежащее возле самой румынской границы, из Будапешта можно попасть двумя путями — по шоссе через город Сегед на юге или через Дьюлу и Мезёковачхазу на юго-востоке. Избрав юго-восточный вариант, через шесть часов быстрой езды мы были в селе. Впрочем, селом Баттоня уже не назовешь, и масштабы и обилие каменных домов в три этажа, выстроившихся вдоль прямых улиц с газетными киосками на перекрестках, — все придает ему вид небольшого городка.

В Баттоньском совете первым нас встретил секретарь исполкома Андраш Мольнар. Он рассказал об истории и сегодняшнем дне села. Перед второй мировой войной 85 процентов трудоспособного населения Баттоня батрачило у сельских богатеев. Сеяли свеклу, убирали и сушили табак, ткали, жали рожь. Рады были и сезонной поденщине — косить траву, убирать виноград. Жили — вспоминать не хочется...

Сегодня в селе девять тысяч триста жителей. Большинство из них — члены большого кооператива. Есть свой птицекомбинат, животноводческие и молочные фермы, овощеводческие бригады, мастерские по ремонту полевой техники. Теперь техника и вся продукция — в руках самих сельчан, до освобождения такое было бы немыслимо, и об этом знает каждый, кто здесь живет и работает.

...Восстановить по часам и минутам тот далекий уже день 23 сентября 1944 года, когда Баттоня стало свободным, сейчас трудно. Но запомнили сельчане фамилию старшего лейтенанта Брюкова, появившегося со своим танком на окраине села ранним утром 23 сентября. Тепло вспоминают в Баттоня Филиппа Денисовича Киву, полтавского пенсионера, а в то время капитана Советской Армии. Он был первым советским человеком, с которым бат-

Ф. Д. Кива беседует с пионерами.

Фото Ирэн Ач

ЫЕ ЧАСЫ СВОБОДЫ

тоньцы в тот исторический день долго беседовали по душам. В сентябре прошлого года почетный гражданин Баттоня Ф. Д. Кива участвовал в торжествах по поводу тридцатилетия освобождения села.

— Вот на этих фотографиях,— показывает Мольнар,— запечатлен наш праздник. Было много гостей из Будапешта и из СССР.

Снова возвращаемся к сентябрьским дням 1944 года...

— Самым первым пересек государственную границу венгерский партизан — разведчик Ласло Шош! Он сражался в Советской Армии, и ему была оказана честь вступить первым на родную землю.

Мольнар ведет нас в зал заседаний исполкома и показывает небольшую витрину: под стеклом лежит выцветшая гимнастерка, пилотка, нехитрое походное снаряжение, принадлежавшее Л. Шошу. На стене его портрет: мягкие, почти девичьи черты худощавого лица, задумчивый взгляд.

— Сейчас Ласло Шош на пенсии,— поясняет Мольнар,— живет в Будапеште. Мы считаем его баттоньцем, как и других наших известных земляков... В прошлом году в дни тридцатилетия освобождения села наш министр иностранных дел товарищ Фридьеш Пуйя был в Москве, и Леонид Ильич Брежнев вспомнил в разговоре с ним, что товарищ Пуйя — уроженец того венгерского села, которое первым освободили советские войска.

С нескрываемой гордостью Мольнар называет других баттоньцев — Иштвана Рошку, бывшего посла ВНР в Болгарии, а ныне заместителя министра иностранных дел, Йожефа Дречина, заместителя председателя плановой комиссии. Сегодня на ответственных постах страны и на дипломатической работе — сыновья и дочери бывших бедняков.

На центральной площади села стоит обелиск, увенчанный пятиконечной звездой. Здесь похоронены 60 советских воинов-освободителей, павших в сентябрьских боях. В пятидесяти метрах от обелиска — монумент Победы.

Точную копию монумента, сделанную ребячьими руками, я увидел в школе номер один. Была перемена, и в учительской находились директор Иллеш Энги и несколько преподавателей. Ребята из этой школы неоднократно побеждали на олимпиадах русского языка.

— Пойдемте в восьмой «В»,— предлагает директор — там как раз начинается урок русского языка.

Восьмиклассники Мария Санто и Дьердь Баюс пишут на доске сначала по-венгерски, потом по-русски. Идет закрепление навыков написания адресов. Урок полезный: тысяча школьников Баттоня переписывается с советскими ребятами.

Директор протягивает мне стопку тетрадей с русскими диктантами. Листаю одну, вторую, пятую тетрадь... Ни одной ошибки. Стоит ли удивляться тому, что эти ребята, как и дочь Мольнара Эдит, становятся добровольными переводчиками, когда в село приезжают советские гости! Многие нынешние учителя этой школы в дни освобождения были не старше этих ребят. Что знали они тогда о стране, откуда пришли советские солдаты? Петер Тоот, живший в то время на околице села, вспоминает:

«...Линия фронта проходила вдоль арадской дороги по каналу между поселком Онча и селом, от дома Ласло Вербы до шлюза и далее. Линию, казалось, нельзя было оборонять, и в качестве последней защиты на дороге перед мостом отступающие хортистские части заложили мины. Они хотели выиграть время, чтобы подорвавшиеся танки перекрыли дорогу русским солдатам.

Около часу я заметил шагавшего по шоссе в сторону села солдата. По его форме я понял, что это не венгерский солдат, но и не немецкий. Я рассказал родителям об увиденном. Было мне тогда 14 лет.

Прошло несколько минут, пока русский солдат добрался до минных заграждений и направился к селу. Расстояние уже не превышало двадцати метров, когда отец послал меня к солдату, чтобы предупредить его о минах. Тот посмотрел на меня с недоумением и заговорил по-русски. Я повторил свое предупреждение, но он снова не понял, хотя, видно, почувствовал опасность. Отец послал меня за помощью к Михаю Мочари. Мы думали: он румын, может, они поймут друг друга? Через несколько минут в нашей кухне с помощью дяди Михая мы пытались предупредить солдата об опасности. Видимо, русский понял, что мы хотим сказать. Он подошел к печке и, взяв несколько угольков, поспешил на улицу — мы за ним. На стене хлева солдат написал большими буквами два слова (позднее мы узнали: «Здесь мины»). Потом, спокойно улыбаясь, солдат дружески пожал нам руки и уверенно зашагал по шоссе к селу, взяв на плечо винтовку. Наступающие танки обходили этот участок дороги. Взрывов не было...»

Перед отъездом мы разговаривали с товарищем Лайошем Палко, первым секретарем Баттоньского комитета ВСРП. Бывший слесарь в шахте, он был направлен партией в Баттоня для организации машинно-тракторной станции, с 1963 года — секретарь райкома.

— Основное сражение развернулось северо-восточнее села, на виноградниках. Там стояли фашистские самоходки. Бой длился с перерывами около двух дней. Немцы бомбили наступающие войска с самолетов. С южной стороны в Баттоня вошел Филипп Денисович Кива со своей частью...

Товарищ Палко рассказывал, как тепло встречали советских бойцов жители Баттоня, как делала первые свои шаги новая, народная власть. Прощаясь с нами, он сказал:

— Будете писать в «Огоньке» о нашей жизни, пожалуйста, передайте от имени всех жителей Баттоня нашу глубокую благодарность всем советским ветеранам войны, участникам освобождения Венгрии, будем помнить их вечно!

...Возвращались мы в Будапешт южной дорогой, через Сегед. Водитель завернул на бензоколонку, и мы вышли ненадолго из машины. Где-то далеко на Тиссе прогудел буксир. Мирная, спокойная, деловая жизнь.

А тридцать лет назад здесь гремели ожесточенные бои, когда части 37-го корпуса 46-й армии генерал-лейтенанта И. Т. Шлемина выбивали арьергарды фашистской группировки с укрепленных позиций вдоль западного берега Тиссы... Но все это было уже развитием большой операции, все это случилось две недели спустя после того, как было положено начало — в семидесяти километрах к востоку от Сегеда, в селе Баттоня появились первые советские солдаты.

Ю. НОВИКОВ,
спецкор «Огонька»

Баттоня — Москва.

Аурель Бернат с внуком Яношем

ВСТРЕЧА С АУРЕЛЕМ БЕРНАТОМ

Н. ИВАНОВА

Старинный дом на берегу Дуная. Обыкновенный будапештский дом с двором-колодцем, гулким от шагов, и неизменной галереей вдоль каждого этажа. У одной из двёрей — табличка «Аурель Бернат». Звоним, и дверь тотчас распахивается. Пожилая женщина по-домашнему в переднике приветливо улыбается на пороге.

— Вы из Москвы? Входите скорее, он давно ждет вас...

Полумрак просторной комнаты с высоченным потолком. Окна во всю стену. Книжные полки и картины, картины, картины. В старинном кресле сидит человек. Мягкий свет настольной лампы, оставляя в тени лицо, падает на руки. Руки прославленного живописца, которого называют одним из патриархов венгерской живописи.

С легкостью, неожиданной для его восьмидесяти лет, художник устремляется навстречу гостям — высокий, прямой, седоголовый. Он ждал нас — на низком столике расставлены кофейные чашечки.

— Я знаю, в Москве все пьют чай. Когда я бывал там, меня непременно потчевали вкусным чаем. Но сегодня вы — мои гости, а у нас в Будапеште все пьют кофе!

Голос художника звучит с усталостью, приглушенный годами, но в движениях, в остром, проницательном, чуть ироничном взгляде — энергия жизни, и потому Бернат кажется много моложе своих лет.

— Увы, мне действительно почти сто лет,— шутит он.— Если бы было поменьше, я ни за что не отказал бы себе в радости снова побывать в Москве — особенно сейчас, когда там выставка моих работ!

Он заинтересованно принялся расспрашивать нас о том, как встретили москвичи его выставку. Что писала о ней пресса? Какие из его картин появятся в «Огоньке» и на какой бумаге они будут напечатаны...

— Ну, а теперь,— чуть торжественно сказал художник, возвращаясь в свое кресло,— я весь в вашем распоряжении. С чего мы начнем?

— С литературы — все шесть книг, написанных вами, популярны не только среди художников Венгрии. Самая первая — «Так мы жили в Паннонии». Это автобиография или книга о национальном искусстве?

— И то и другое! Моя жизнь неотделима от искусства, и когда я пишу о своей жизни, я рассказываю об искусстве, о живописи.— Аурель Бернат помолчал и продолжил в раздумье:— Да, так жили мы тогда в Паннонии... В древности это было название той части Венгрии, что лежала за Дунаем на запад. Там я родился и вырос, и с тех пор она всегда рядом со мной. Взгляните в окно — видите, Будайские горы по ту сторону Дуная? Это уже Паннония! Чудесный вид, правда?

Двадцать лет тому назад вот у этого окна он написал «Заход солнца над горами Буды». Последняя его работа, законченная совсем недавно, стояла рядом, на широком комоде. В своеобразной манере, характерной для всех его пейзажей, ярко и солнечно, художник изобразил на небольшом полотне Будайскую крепость на берегу Дуная.

— Да, да, снова Буда! Но только такая, какой она была пять веков назад. Мне попалась на глаза старинная гравюра, я смотрел на нее и вдруг ясно увидел — темные, почти коричневые бока крепостных стен, отблеск лучей на зубчатых башнях, прохладную глубину Дуная. И вот я уже стоял перед начатой картиной, и мой оптимизм нашел выражение в простой мысли: друзья мои, живописцы, все не страшно, пока живет в человеке страстное желание трудиться! Пока оно упорно толкает нас к мольберту, художник живет, и живет искусство!

Слушая его взволнованную речь, трудно было представить себе, что творческая биография этого человека началась еще в первые десятилетия нашего века. Простым солдатом прошел он первую мировую войну, познав ее тяготы и страдания. Позднее, молодым художником, ему довелось пережить все потрясения идейных и социальных схваток тех времен. На его глазах шел процесс распада духовных и общественных ценностей как во Франции, где он прожил немало лет, так и на родине. Как же удалось ему сохранить свое художественное кредо, основанное на продолжении традиций национальной живописи и принципиальное в своем следовании натуре?

Аурель Бернат достает с книжной полки свою книгу «При дворе Музы», долго листает ее и, наконец, находит нужные страницы:

«...Пусть послужит здесь признанием, что работа в области теории искусства была тяжелым бременем, но и неизбежным долгом в моей жизни. Понятно, почему: в первой половине двадцатого века мир искусства пошатнулся. За этим событием в Европе следили скорее с напряженным вниманием, чем с долей критического подхода. В то время каждый стоящий художник должен был в теории искусства черпать силы для того, чтобы выдержать этот кризис и найти из него выход».

Он отложил в сторону книгу, испытующе оглядел нас, словно проверяя на прочность.

— Я всегда с обостренным вниманием слежу за всяким движением в искусстве, предлагающим себя в качестве «нового», потому что целых семь лет своей молодости пожертвовал экспериментам абстракционизма... Да, так было! Но в 1923 году я сказал себе: хватит, это ложный путь, и он ведет в тупик! И тогда я создал свою первую реалистическую вещь — натюрморт «Скрипка».

— Почему именно скрипка?

— Насколько я знаю, речь шла скорее не о скрипке, но о человеке, который своим талантом и вдохновением дает скрипке жизнь!

Человек, живущий в гармонии с природой, образ творца всегда привлекал внимание Берната. Он пишет «Скрипачку», «Художницу», «Живописца», мудрые и проникновенные автопортреты...

— Человека, как и природу, невозможно исключить из мира художника,— горячо продолжает он.— Если же это случается — искусство умирает. К чести советских художников, они поняли это намного раньше, чем в Париже. Правда, теперь и там, кажется, начинают это понимать...

Разговор незаметно переходит из области творчества в область педагогики. В сорок пятом, едва смолкли пушки, Аурель Бернат начал преподавать в Высшей школе изобразительного искусства. Двадцать семь лет изо дня в день приходил он в классы рисования. Многие видные мастера современной венгерской живописи получили у него образование. Два года назад он провел свой последний урок.

— Рассказать о молодом поколении наших художников? Но это же ничуть не легче, чем ответить, что я думаю об Антильских островах! У нас тысячи молодых художников, и среди них несколько сотен моих учеников. Главное, мне удалось, по-моему, укрепить в них стремление постоянно трудиться, постоянно пополняя свой «собственный духовный музей».

Знаете, когда я был начинающим художником, в среде молодых были и такие взгляды, что художнику не нужно профессиональное образование. Это были так называемые «дикие» таланты. Обычно они писали картины в течение часа, неистовствуя, всаживая кисть в полотно, пачкая свое платье и лицо. Увы, мне известен лишь один гений, который по крайней мере отчасти удовлетворял этим требованиям,— Ван Гог. Он писал, неистовствуя, но был образован!

Ранние сумерки за окном незаметно перешли в немую темноту. На какой-то миг показалось, что время остановилось и замерло в тишине этой комнаты, где старинные уютные вещи так и не уступили места модному, безликому «модерну». Но вот там, за Дунаем, в Паннонии, разом вспыхнули, заморгали веселые огоньки-светлячки и, словно приветствуя их, где-то совсем рядом тонко и нежно запела флейта...

Аурель Бернат молча вслушивался в мелодию.

— Янош играет... Это мой старший внук, ему четырнадцать.

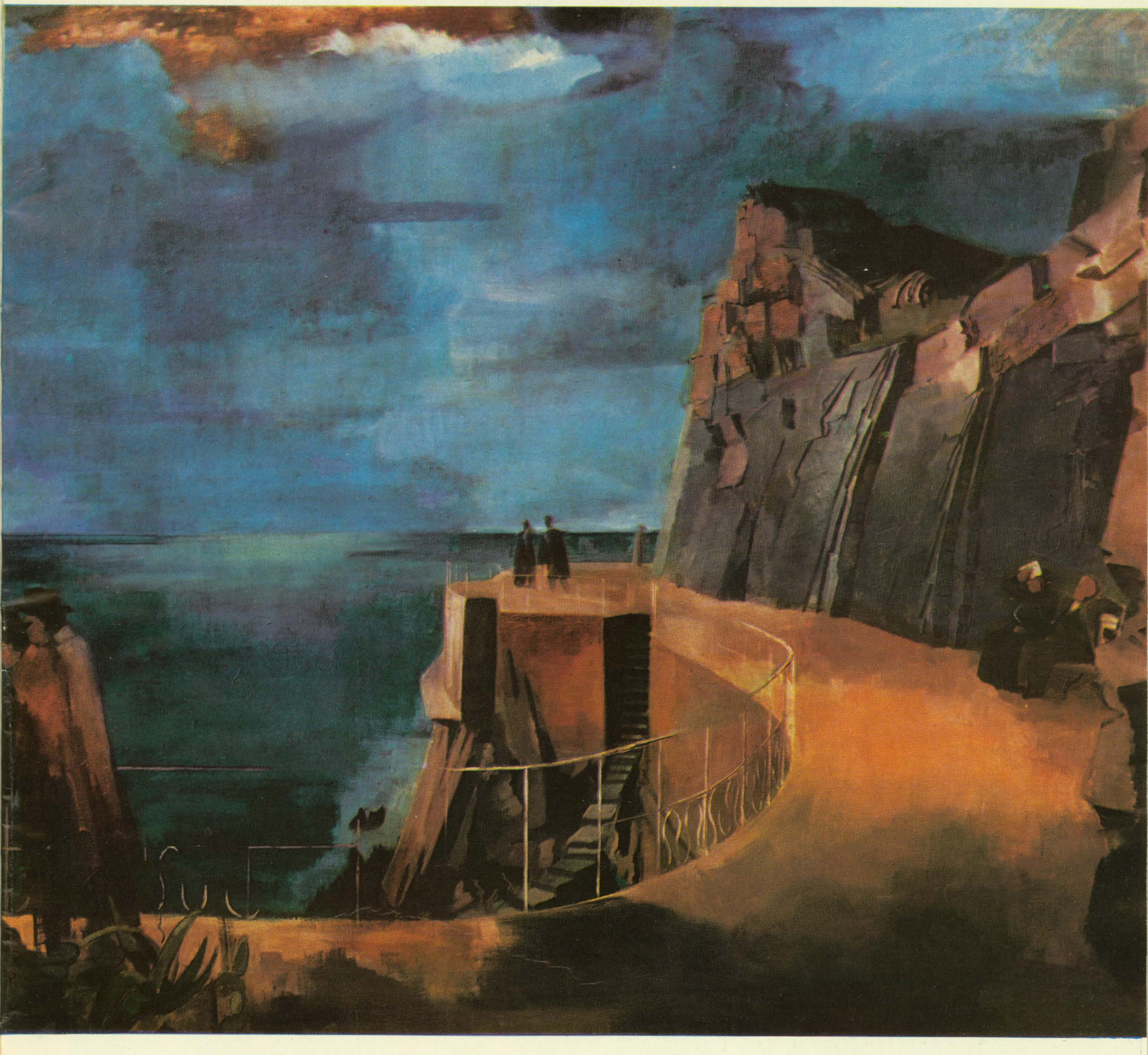
— Наверно, увлечен рисованием?

— Вовсе нет!— Аурель Бернат даже замахал руками.— Он станет музыкантом! Янош!— позвал он.— Иди к нам сюда!

В комнату вошел высокий мальчик, очень похожий своей прямой походкой на деда.

— Сын моей дочери,— лаская внука взглядом, произнес Аурель Бернат.— Она где-то задержалась сегодня и будет огорчена, что не встретилась с вами. Дочь искусствовед. Слышать не может равнодушно, когда из-за рубежа сюда доносятся голоса, с апломбом утверждающие, что якобы реалистическое искусство доживает свой век, и предлагающие всякие рецепты. А рецепт, по-моему, один — быть верным самому себе!

Он всегда оставался верным самому себе и своим принципам. Именно поэтому в годы фашизма Аурель Бернат выступает вместе с группой прогрессивных художников и действует в кругу левой интеллигенции.

Аурель Бернат. Род. 1895. РИВЬЕРА. 1926—1927. Венгерская Национальная галерея.

Аурель Бернат. ЖЕНЩИНА С РЕБЕНКОМ. 1938—1939.

Аттила ЙОЖЕФ

11 апреля этого года исполняется 70 лет со дня рождения Аттилы Йожефа (1905—1937), одного из основоположников венгерской социалистической литературы.

АКАЦИЯМ

Вцепиться в почву чахлых деревень
связующими пальцами акаций,
держать, держать ее—и не склоняться
под бурей барства в этот черный день.

Всем стонам внемли, кроной шевеля,—
нелегок этот горький труд марксистов...
Но мы стоим, не молкнет шелест листьев!
Песок сбежит — останется земля.

Пусть я — лишь остов, пусть обгрызен
ствол;
судьба людей—не участь единицы.
В моих объятьях теплый грунт хранится,
чтоб край мой добрый набухал и цвел.

...По деревням гнетущую грозу
разбрасывает небосвод гремучий,
уносит наши листья, наши сучья,
но корни держат землю — там, внизу.

1929

Перевел Валентин КОРЧАГИН.

Ласло БЕНЬЯМИН

СРЕДИ ЗАДЫМЛЕННЫХ КАМНЕЙ

Наведи, наконец, в своих чувствах порядок,
чтоб шагалось легко и дышалось легко.
Одинокому вкус лучшей доли несладок.
Он без цели бредет, и бесплодные мысли
миражом над дорогой опасно повисли,
а до города детства еще далеко.

Далеко этот город, где был ты унижен
и возвышен и молодостью и мечтой.
Ты бежал, но, победою мрачною движим,
ты берег свою жизнь, в камышах,
в глухомани
выжидал потаенно, предвидя заране,
как вернешься ты к этой купели святой.

Чтоб достигнуть вершины, где город
прекрасный,
ты шагаешь среди задымленных камней.
Там строители хмурые в дымке неясной
копошатся и машут тебе... Ты припомнил,
сколько с ними на плечи и принял
и поднял
окровавленных, грязью забрызганных дней.

Никому ты не нужен, лишь этим рабочим
среди рухнувших стен, в топях боли и слез.
Этот взгляд был судьбою твоей озабочен,
эти руки, нашедшие в месиве века
твое сердце, согрели в тебе человека.
Твой народ... Что сегодня ему ты принес?

Ты рожден для борьбы, как она ни сурова.
Не пустая ладонь, а кулак нужен ей.
Ты оружием выбрал своим труд и слово.
Строй, как строят они. Стань их голосом.
Люди
верят: город их выстроен будет!—
в бездне горя, среди задымленных камней.

1946

Перевела Римма КАЗАКОВА.

Дюла ШИПОШ

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Да, для меня это было освобождение.
И кто теперь со мной лукавит
и говорит: после сорок пятого,
после фронта,—
или, еще яснее обнажая тайники
своей души: со времени краха,—
того подводит память.
Да, я ждал русских.
Не англичан. И верил не в непобедимое
оружие.
Одни они,
только они могли вернуть нам воздух.
—Начнут разглядывать у всех ладони...
Мои ладони и тогда не ведали мозолей
и не могли бы прилепить звездочку
к звезде, горевшей в душе.

Но когда я обнял первого солдата,
да, я невольно прослезился.
Потому что для меня это было
освобождение.
И революция. Тогда, в сорок пятом.

Перевела Римма КАЗАКОВА.

Дьёрдь ШОМЬО

«ЧИЛИ, КОГДА ЖЕ?..»

Cuando de Chile
ay cuándo
ay cuándo y cuándo
ay cuándo...

Pablo Neruda

Нет переправ, ни лодок, ни паромов,
Но хватает заговоров и погромов.

Нет гула торгового и под праздник,
Но гудит океан об убийствах и казнях.

Нет планов новых в проектных конторах,
Но сверхпланово расходуются пули и порох.

Так далеко и так близко все это,
Что стал вопрос долговечней ответа.

Спрашивает сама история даже:
Куандо де Чиле?
Чили, когда же —

Освобожденье от давних болей,
От грабежа и от монополий,

От мещанского визга, от разбойного бунта,
От фашизма, которым чернит тебя хунта?

Когда ж она сгинет, вся эта банда,—
Куандо де Чиле,
ай куандо,
ай куандо и куандо,
ай куандо?!

Перевел Валентин КОРЧАГИН.

Иштван ШИМОН

НАПУТСТВИЕ

Художник, не жалея сил, твори,
В огне души переплавляя строки!
Твоей земли они впитали соки,
От имени ее и говори.

В работе весь—ты знаешь цену дням.
А за твоей спиной шипят кликуши.
Их комариный писк ты реже слушай,
Зачем тебе их глупая возня?

Пусть не был ты в тот шумный миг отмечен.
Смешон и глуп, кто случаем рассвечен,
Он спесью прикрывает пустоту.

И с ужасом глядит потом, бездельник,
Словно с вершины хилый можжевельник,
На царственную сосен красоту.

Перевел Евгений АНТОШКИН

— Это правда, что вы помогали изготавливать документы для подпольщиков?

— Верно, у меня были отличные связи среди типографских рабочих и мне приходилось даже доставлять эти документы. Об этом, конечно, пронюхали полицейские ищейки — ведь я еще до войны был им известен как «левый». И, чтобы избежать ареста и казни, пришлось скрываться вдали от Будапешта в доме одной милой девушки, моей ученицы. Ей обязан я своей жизнью и спасением моей семьи, тем более что в это время и наш дом и моя мастерская со всеми картинами были разрушены...

Устало откинувшись в кресло, он долго молча смотрит на фотографию женщины с озорными глазами.

— Моя жена была врачом. Она умела поддерживать меня в трудные минуты... Ох, сколько же их было, трудных минут!

Но вот он снова оживляется.

— Когда в 1945 году русские пришли к нам в подвал, один из них спросил у меня, каков мой род занятий. У меня был плохой переводчик, который не знал, что означает по-русски слово «художник», и перевел его как слово «артист». «О, артист»,— сказал русский, и глаза его заблестели.

Позднее я узнал, что надо было сказать «художник». До сих пор этот случай вызывает у меня досаду. Русский солдат не понял, кто я есть, а мне бы хотелось увидеть, как заблестят его глаза при слове «художник». Ведь по этому блеску я хотел узнать отношение русского народа к живописи. Теперь я это знаю.

Он поправил на лацкане пиджака наш красный огоньковский значок и размашисто написал на обложке проспекта-каталога своей выставки:

«Читателям «Огонька» моя любовь и сердечный привет! Бернат АУРЕЛЬ».

Чепельский порт — главные водные ворота страны.

Ю. ВАСИЛЬЕВ.
Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

Ну, расскажи, как живешь, товарищ Чепель, собрат Кировского завода, «Уралмаша», Магнитки и Запсиба? Ты похож на них, Чепель, своей мощью, трудовым ритмом цехов, крепкими руками твоих рабочих. Ты похож на них своей судьбой. Я рад нашей встрече, Чепель...

Этот монолог звучал во мне, когда, миновав по мосту рукав Дуная, мы въезжали на остров. Тут нет старинных особняков, как в центре Будапешта. По сравнению с ним Чепель молод, совсем, можно сказать, дитя (остров начал заселяться по-настоящему только в конце прошлого века). Но это не тот случай, когда можно сказать: молодо-зелено. Нет, Чепель зрел и мудр не по годам.

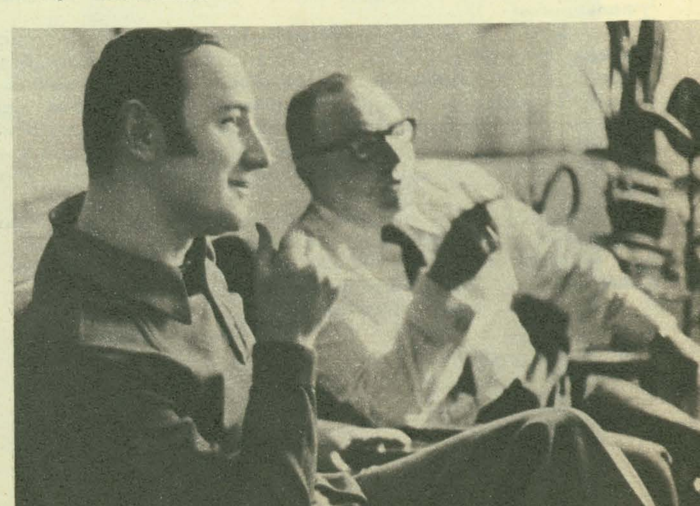
— Кстати, почему его называют «Красный Чепель»? — спросил я первого секретаря Чепельского райкома партии Роберта Рыбаньски.

— Заслужил он это право,—ответил Рыбаньски.— Чепель—цитадель рабочей власти, рабочей солидарности. Именно его рабочие первыми начали борьбу за пролетарскую диктатуру в памятном

Десятки костюмов можно сшить из ткани, сотканной Й. Жотер за смену.

ТОВА

Отец и сын Рошта.

РИЩ ЧЕПЕЛЬ

Здесь живут металлурги.

В этом музее — история становления Чепеля.

девятнадцатом году, всегда сплоченней и дольше всех бастовали. В конце второй мировой войны, когда фашисты хотели вывезти станки и оборудование завода в Германию, рабочие Чепеля сорвали этот замысел. В западной части страны еще шли бои, когда чепельские коммунисты обратились ко всем партийным организациям столицы, к рабочим заводов с призывом развернуть трудовое соревнование во имя борьбы против фашизма и внутренней реакции, за построение демократической Венгрии. И этот призыв был подхвачен. Сейчас Чепель тоже впереди. В Венгрии идет движение за создание бригад социалистического труда — у нас, на Чепеле, их уже более шестисот. После этих примеров каким вы назовете Чепель?

— Красным,— ответил я.

— Правильно,— засмеялся Рыбаньски,— только к этому мне хотелось бы добавить еще вот что. Многие думают, что Чепель — это только прославленный металлургический комбинат, на котором вы, конечно, обязательно побываете, но это и дунайский порт, кстати, самый большой в Венгрии, и бумажная фабрика, также ставшая одной из крупнейших в стране, и текстильная фабрика, и центр торговли легковыми автомашинами «Жигули». Наконец, это один из столичных районов, которому мы бы хотели придать свой, не похожий ни на какой другой архитектурный облик. Уже разрабатывается, между прочим, перспективный план строительства на пятнадцать лет. Так что Чепель ни стареть, ни сдавать своих позиций не собирается.

Эта последняя фраза служила как бы путеводной нитью, когда мы отправились по адресам, названным секретарем райкома...

В порту ветер играл флагами двух десятков судов, стоявших под разгрузкой. Добрая половина из них несла советский флаг. Директор порта Янош Киш тотчас пояснил:

— У нас в порту существует специальное отделение для связи с СССР. Но сейчас, к сожалению, не самый жаркий месяц в нашей работе. Приезжайте летом, увидите — места свободного в бухте не найдешь.

Из порта мы взяли курс на текстильную фабрику. Здесь, в царстве женщин, только и понимаешь, что без этого милого царства мы, мужчины, возможно, до сих пор бродили бы по свету, завернувшись в шкуры. Между ткацких станков снуют красны девицы, проворно меняют шпули, и метр за метром струятся свежевытканные сукна — костюмные, пальтовые, платьевые и вошедшие в моду джинсовые. Интересно, сколько десятков тысяч человек одевает только одна эта фабрика?

— Мы выпускаем до семи миллионов квадратных метров тканей,—ответила секретарь парторганизации фабрики Й. Палмаи.— Попробуйте сами подсчитать, сколько костюмов выйдет.

А вот, наконец, знаменитый Чепельский металлургический комбинат. Он поражает, конечно, размахом. Тут делают все, начиная с детских велосипедов и кончая сложнейшими автоматическими станками и уникальными машинами. Кстати, автоматические линии — новая продукция для Чепеля. Появилась она благодаря заказам Советского Союза, и сейчас такие линии с успехом работают в Днепропетровске, Таганроге и других городах. Вообще же продукцию Чепельского комбината знают в 70 странах. Но самый крупный партнер — Советский Союз, торговые сделки с которым заключаются тут ежегодно почти на два миллиарда форинтов.

Расскажу об одной встрече с рабочими. Они стояли у стенда с фотографиями в заводском музее, и старший что-то объяснял. Объектив запомнил какое-то напряженное ожидание в лицах людей на той фотографии.

— Когда сделана эта фотография? — спросил я директора музея Вильмоша Нали.

— Тут воссоздан один из интереснейших моментов истории Чепеля, когда все рабочие как один вышли под дула направленных на них ружей и не дали увезти завод в Германию. Вы уже слышали об этом? Но все дело в том, что эта фотография не подлинная, подлинной просто не существует (сами понимаете, в 44-м было не до снимков). По рассказам старожилов молодые чепельцы в прошлом году решили воссоздать ту демонстрацию, и, говорят, вышло похоже. Кстати, один из этих людей,—и Нали показал на группу рабочих в музее, — принимал участие в демонстрации сорок четвертого года, а второй участвовал в инсценировке, которую вы и видите на снимке.

Мы подошли к рабочим.

— Рошта Габор,— отрекомендовался один.

— Рошта Габор, — словно эхо повторил второй.

— Однофамильцы?

— Нет, отец и сын, — сказал Нали. — У него, — кивнул он в сторону младшего, — и сынишку зовут Рошта Габор.

— Династия,— отметил я с уважением.

— Точно, все мы работаем на Чепеле,—откликнулся старший Рошта, и я услышал его историю. Типичную историю деревенского подростка, который стал рабочим, историю роста его классового сознания, которая в какой-то мере отразила судьбу самого Чепеля.

Из глухой, нищей деревеньки пятнадцатилетним ушел Габор Рошта бродить по свету. Отца его закопали где-то на полях первой мировой войны, мать осталась с четырьмя детьми на руках. Клочок земли немедленно пошел в уплату долгов помещику. Рошта отправился в Будапешт, молясь о лучшей доле в придорожных церквах и гадая о будущем. Он хотел работы, хоть какой-нибудь работы, за которую что-то платят и которая бы кормила его.

Будапешт встретил его неласково. Работу везде предлагали тяжелую, а он был маленький и слабый. Однако приходилось браться за все: копал землю в артели землекопов, подносил вещи на вокзале, мыл машины, разгружал баржи, наконец, устроился чернорабочим на фабрику. Работал по шестнадцать часов в день, а из нужды не выбивался. Однажды с отчаяния он пошел к директору просить прибавки к жалованью. Его тотчас уволили. С большим трудом устроился слесарем в частную мастерскую, но хозяин вскоре разорился, и Рошта вновь оказался на улице. Год искал работу, пока наконец с помощью друзей из рабочего спортклуба не устроился на Чепельский завод. Было это уже перед самой войной. Он по-прежнему полагал, что ему во всем помогает бог. Друзья, услышав об этом, расхохотались.

— Всевышний мог бы быть и пощедрее. Наши руки да рабочая солидарность — вот бог.

Он познакомился с основами марксизма, ему дали почитать запрещенную книгу. Это была «Мать» Горького. Новые горизонты открылись перед Роштой. Он понял, что мир, казалось бы, навечно поделенный на богатых и бедных, можно изменить, если не ждать этого от неба. Рошта вступил в партию...

Советская Армия приближалась к границам Венгрии. Рабочие Чепеля готовились к освобождению родины, делали все возможное, чтобы ослабить силу фашистов: выводили из строя оборудование, саботировали военные заказы, призывали в листовках к сопротивлению. Подпольный партийный центр Чепеля узнал, что в подвалах пивоварен фашисты оборудовали целый авиационный завод, где налаживали производство моторов «мессершмиттов». Вместе с мобилизованными чепельскими рабочими туда загнали военнопленных, в том числе и советских. Подпольный центр решил сорвать работу завода. Группа коммунистов, в которую входили Йожеф Шюле, Габор Рошта, Кальман Дьярфаш и другие, 15 октября 1944 года взорвала трансформаторную подстанцию и парализовала работу секретного завода. В ту же ночь из лагеря были выведены и размещены у надежных людей 14 советских военнопленных. Двое из них — Миша и Лео (очевидно, Лев?) — прятались в кладовке у Габора Рошты.

— Вы не запомнили их фамилий? — спросил я.

— Нет, к сожалению. Может быть, прочитав эту историю, они отзовутся? — ответил Рошта.

Потом мы говорили о современном Чепеле, о том, что за годы народной власти он неузнаваемо изменился, что жить становится с каждым годом интереснее...

— Я бы сказал, что уровень интеллигентности рабочего труда повысился,— заметил старший Рошта.—Вот я был слесарем, и сын мой тоже слесарь, но как же изменилась наша профессия: качественно! Ему теперь без высшей математики никак не обойтись. Верно я говорю?

— Верно, отец,— подтвердил младший Рошта, — поэтому я и закончил машиностроительный техникум.

Я заметил на руке отца какой-то необычный перстень и спросил:

— Что это такое?

— Память,— ответил он.— Память о Чепеле. Такой перстень дается тем, кто проработал на комбинате тридцать лет. Кстати, точно такой же рабочие Чепеля подарили товарищу Брежневу, когда он приезжал к нам. Этот перстень— символ братства.

Мы ехали обратно в сумерках. За окном вставал закат, охватывая багровым светом Чепель. Красный Чепель...

П

Конники группы И. А. Плиева перед атакой.

РОРЫВ

Решительно и дерзко действовали на фронтах Великой Отечественной войны конно-механизированные группы Красной Армии. Созданные в грозные годы, эти подвижные соединения обладали стремительностью и большой огневой мощью. Их рейды по тылам гитлеровцев не раз заканчивались разгромом вражеских группировок. Так было на Правобережной Украине, в Белоруссии, на венгерской и чехословацкой земле...

В канун 30-летия освобождения Венгрии от фашизма корреспондент «Огонька» Олег СКУРАТОВ встретился с дважды Героем Советского Союза, генералом армии Иссой Александровичем ПЛИЕВЫМ.

Танки пошли в прорыв.

Фото Дм. Бальтерманца

— В дни освобождения Венгрии вы командовали рейдовой группой 2-го Украинского фронта. В Дебреценской операции она сыграла исключительную роль, пройдя сотни километров по тылам врага и освободив Дебрецен. Какими силами вы располагали!

— Название «рейдовая группа», пожалуй, не совсем точно. Судите сами: во время боев в Венгрии в нее входило три полнокровных корпуса — два гвардейских кавалерийских, 4-й и 6-й, и один механизированный, 7-й. И еще отдельные части усиления: одних только танков у нас было больше, чем в соседней армии,— свыше четырехсот... Фактически это было армейское объединение, носившее название «конно-механизированная группа».

Осенью сорок четвертого, после боев в лесах Белоруссии, Ставка перебросила 4-й гвардейский кавалерийский корпус, которым я в то время командовал, на 2-й Украинский фронт, где с рубежа румыно-венгерской границы мы вступили в сражение. Начиналась Дебреценская операция...

— Каким был ее замысел!

— Планировался удар с далеко идущими целями. Главный удар 2-й Украинский фронт наносил силами 53-й и 6-й гвардейской танковой армий и конно-механизированной группой на Орадя — Дебрецен. Он был направлен под самое основание дуги немецкого фронта. В случае успеха мы отрезали гитлеровские армии, действующие в Трансильвании и оборонявшие перевалы в Восточных Карпатах.

3 октября 1944 года я получил приказ командующего 2-м Украинским фронтом маршала Р. Я. Малиновского. Нашей группе предстояло быть на острие удара советских войск и первыми вступить на венгерскую землю.

Казалось, перед наступлением трижды была выверена каждая деталь. Но в самый последний момент все осложнилось.

— Что же произошло!

— Вроде бы мелочь. Синоптики, предсказавшие на день удара ясную погоду, вдруг доложили: с утра до полудня густой туман.

Наступать в тумане? Конечно, в этом были свои плюсы. Кавалерийские корпуса могли глубоко проникнуть во вражеский тыл, не опасаясь ударов авиации. Да и вражеские наземные части могли нас «потерять» в тумане... Но нависшая молочная пелена и у нас выбивала из рук важнейшие козыри. Ведь мы прорывали укрепленный участок фронта! Как подавить огневые точки, если нельзя бить прицельно? Не могла поддержать нас в должной мере и авиация фронта. Того гляди по своим ахнет... Надо было на что-то решаться. Трижды в штаб группы звонил командующий фронтом, торопил: «Ну, что надумали? Вам ведь на месте виднее!» Не один раз «разносил» синоптиков наш начальник штаба генерал Н. А. Пичугин, всегда корректный и выдержанный. Но синоптики оставались неумолимыми.

Кажется, чего проще — перенести на день-другой намеченное наступление! Но принять такое решение значило подвести соседа. Правее нас, под городом Орадя, вела тяжелое сражение 6-я гвардейская танковая армия генерала М. Е. Кравченко. Танкисты поначалу теснили врага, но, натолкнувшись на подошедшие крупные силы его резерва, втянулись в затяжные бои.

Задача заключалась в том, чтобы как можно скорее выйти на тылы орадянской группировки гитлеровцев. Это могло изменить в нашу пользу обстановку в полосе наступления 2-го Украинского фронта. За три часа до начала артподготовки на командный пункт группы прибыл маршал Малиновский.

— Бить по площадям — дело гиблое,— сказал он,— не прорвете фронт.

— Но цели разведаны, товарищ командующий, расстояние до них выверено,— вступил в разговор генерал Пичугин,— и в тумане накроем. А на первых порах обойдемся без авиации — без нашей и без немецкой...

— Нужно чуть сузить участки прорыва, чтобы ударить плотнее. Но на это нужна ваша санкция,— добавил я.

Малиновский подошел к оперативной карте. Стоя у стола, он наклонился вперед. Мелькнул белый бинт под воротником френча. Говорили, что Родион Яковлевич получил ранение при перелете в танковую армию. Штабной «кукурузник» немецкие истребители атаковали. И командующему фронтом пришлось отбиваться от них из ручного пулемета...

Малиновский поднял голову и медленно, словно взвешивая слова, сказал:

— Будем наступать в назначенный Ставкой срок. А туман... так он и для немцев туман. Пусть попробуют отбиваться вслепую.

Маршал наклонился над картой и размашисто написал в правом углу: «Утверждаю. Малиновский».

...Около шести утра 6 октября штаб группы перешел на наблюдательный пункт. Видно, что саперы старались вовсю. Отличная позиция, но вот досада — не видать ничего! Белый сумрак плотно укутал равнину. Сверяем часы. Остается минута...

— Начинай! — говорю своему начальнику артиллерии.

Качнулась земля. Зарницей сверкнуло небо... На восемнадцатикилометровом участке ударила артиллерия. Сквозь грохот, сразу заложивший уши, пробился нарастающий гул низко летящих штурмовиков. Взлетели ракеты. Красные обозначили наш передний край, зеленые — вражеский. Они пробились сквозь ту-

ман, показывая летчикам линию фашистских траншей. Это смельчаки-добровольцы под бомбежкой работали во вражеском расположении.

Одновременный удар трех корпусов расколол фронт гитлеровской армии. К восьми часам утра танкисты и конники вышли на оперативный простор...

— Ваша конно-механизированная группа в числе первых вступила на венгерскую землю, освободила первые венгерские города. Расскажите об этом.

— Я храню походный дневник тех дней. Вот краткая запись, сделанная 6 октября 1944 года: «8.00. Кавалерийские корпуса достигли окраин города Дьюла. Враг превратил его в узел обороны. Кавалеристы генерала Головского в обход устремляются к городу Бекешчаба. А корпус генерала Соколова с трех сторон начинает штурм.

10.00. Получаю шифровку Головского. Его 30-я Краснознаменная Новобугская дивизия отразила контратаки гитлеровцев и вместе с 9-й гвардейской дивизией полковника И. Н. Машталлера ворвалась на улицы Бекешчаба.

12.00. Переношу КП группы в город Дьюла. Еще дымятся взорванные врагом дома. Жителей нет — фашисты угнали всех еще до нашего наступления. В центре, на площади, казаки строят пленных. Подхожу и слышу спор между конвойными. Никто не хочет вести колонну в тыл, боятся отстать от эскадронов. «Сами дойдут! — горячится молодой лейтенант.— Куда им деваться, и двух автоматчиков для порядка хватит!» А гитлеровцев почти три сотни. Построились по всем правилам, котелки у пояса, ждут команды идти в плен...

На здании, около которого стоят пленные, большой портрет человека с одутловатым лицом. От уха до скулы — ровная строчка дыр, оставленных автоматной очередью...

— Что за птица? — спрашиваю начальника политотдела.

— Регент Хорти...

13.00. Генерал Пичугин докладывает: «4-й гвардейский Кубанский корпус выбил врага из города Бекешчаба!» Это в тринадцати километрах к западу. Что же, неплохо! Но все равно отстаем от левого фланга. Там, словно нож в масло, вошел в боевые порядки врага 7-й механизированный корпус генерала Каткова. По нашим расчетам, танкисты должны к вечеру форсировать реку Кёрёш, пройдя шестьдесят километров».

— Что же предпринял противник! Ведь конно-механизированная группа, рассекая тыл немецкой армии, выходила на подступы к Дебрецену. Да и до Будапешта от реки Кёрёш всего сто тридцать километров...

— Мне кажется, что в гитлеровских штабах в первый день наступления еще не разобрались в замысле нашей операции. Командующий 6-й армией генерал Фреттер-Пико начал лихорадочно прикрывать будапештское направление. А мы повернули на север, к Дебрецену.

— В который уж раз войска вашей группы столкнулись с 6-й армией!

— Да, встречались мы не один раз... Зимой и весной сорок четвертого дрались с ней на полях Украины. Дважды — на Южном Буге и под Одессой — казачьи корпуса совершали рейды по тылам этой армии, и оба раза это привело 6-ю армию к полному разгрому. Тогда одним из ее корпусов командовал генерал Фреттер-Пико, который противоречивыми приказами доводил своих солдат до панического бегства. Но вот что удивительно: каждое поражение лишь продвигало его по служебной лестнице... В Венгрии этот «удачливый» генерал уже командовал армией. Весь день 6 октября я ждал, что предпримет наш давний знакомый... Около восьми вечера ко мне подошел встревоженный генерал Пичугин:

— Радиограмма из танкового корпуса...

Читаю: «При подходе к реке Кёрёш атакован крупными силами танков и мотопехоты. Катков».

— Какие соединения введены в бой противником?

— Полагаю, 1-я танковая и 20-я пехотная дивизии из-под Сольнока,— подумав, отвечает начштаба.

Разворачиваю карту. Под Сольноком действительно два синих кружка с этими номерами. Армейский резерв Фреттера-Пико! Понятно горячее желание генерала не пропустить нас за реку. Но чем он будет прикрывать Дебрецен?

Вместе со взводом разведки я выехал к Каткову. Тридцать километров прошли рысью за час. Быстро стемнело. В степи ни одной приметы. Ориентируемся по далеким вспышкам и артиллерийскому грохоту. Пока трудно разобраться, что происходит. Не можем найти штаб Каткова. Внезапно почти рядом прогромыхали танки. По контурам вроде наши... На всякий случай приказываю конникам остановиться. Посылаю вперед разведчиков. Жалею, что не взял рацию. Хотя рация тоже не всегда помогала.

Вспоминаю, как весной в темной украинской степи искал штаб генерала Жданова, держа с ним связь по радио. Из-за кромешной темноты никак не могли встретиться. Наконец, я сообщил ему, что остановлюсь до утра в землянке на краю какого-то села и советую ему тоже отдыхать. Утром выяснилось, что нас со Ждановым разделяли несколько сгоревших домов...

Вернулись разведчики. Один из них обнаружил в километре от нас командира корпуса. Штаб Каткова помещался в крытом грузовике взвода связи. Рядом темнели два танка.

Бойцы охраны, взяв автоматы на изготовку, провели нас к генералу. Федор Григорьевич разговаривал по телефону.

— Накрыть эту батарею! — кричал он в трубку.— Не лезь напролом! Такие экипажи погубил... Подавить надо, а потом брать мост.

Увидев нас, Катков надвинул танковый шлем, поднялся.

— Извините, товарищ командующий, сейчас доложу.

Он показал на ящики, где лежала карта. Кто-то придвинул фонарь. Пока генерал заканчивал разговор с полком, я вглядывался в карандашную стрелу, нацеленную на реку Кёрёш. Она проходила через острие синей стрелы, нанесенной на карту раньше. На душе полегчало... Признаюсь, меня не на шутку беспокоил этот контрудар двух фашистских дивизий.

— Худшее позади,— сказал комкор.— Но еще вечером они лезли как одержимые. Вот здесь, на левом фланге, потеснили бригаду. Корпус потерял тридцать машин. Танкисты стояли насмерть.

Я задумался. Увязнуть в затяжных боях мы не имели права. Иначе терялось наше превосходство в быстроте и внезапности. Но вывести из сражения корпус Каткова я тоже не мог. Все равно враг не даст добром переправиться через реку...

— Соедини меня со штабом группы,— приказал я радисту.— Вызывай начальника штаба.

Через десять минут Пичугин подтвердил получение приказа. Два танкосамоходных полка, приданных 4-му Кубанскому корпусу, шли к месту сражения. Внезапный удар свежих сил резко изменил обстановку. Гвардейские полки навалились на фланг гитлеровцев и, продвигаясь по берегу, «сматывали» вражеский предмостный плацдарм. Фашисты ринулись к переправам, но танкисты не упустили своей минуты... В темноте, озаряемой багровыми вспышками, они на плечах гитлеровцев ворвались на мосты.

К утру все бригады переправились через реку. Правее, на северный берег, вышли кавалерийские корпуса.

— К этому времени вы уже находились в глубоком тылу противника. Сохранялась ли связь с соседними армиями фронта!

— По радио. Как только был пройден рубеж реки Кёрёш, враг восстановил прорванный нами фронт. Теперь мы действовали, не имея ни тыла, ни соседей на флангах. Очевидно, в немецких штабах с удовольствием очерчивали кольцом расположение конно-механизированной группы. Наверно, не раз гитлеровские генералы докладывали о нашем окружении. Но на войне окружен тот, кто посчитает себя окруженным!

Не все сразу привыкали к такой специфике рейда... Вспоминаю одного умелого и храброго офицера из штаба воздушной армии. Для решения какого-то вопроса он решил лично поговорить со своим командующим.

— Съезжу,— говорит,— на денек к генералу Горюнову.

— А разве у вас, полковник, есть самолет? — спрашиваю.

— Нет, я на «виллисе»,— простодушно отвечает летчик.

— Ну, что же, передавай привет Горюнову,— улыбнулся я и на всякий случай приказал ординарцу поглядеть: не заехал бы к немцам... Через полчаса в дверях появился явно растерянный полковник.

— Так мы отрезаны! — сообщил он «сенсационную новость».

— Да, дорогой,— говорю,— теперь ты мой пленник до конца рейда...

Но это не типичный случай. Пройдя жестокую школу боев в рейдах по вражеским тылам, бойцы и командиры группы были отлично подготовлены для действий в условиях окружения. Мы навязывали свою волю врагу, мы выбирали направление очередного удара. Как всегда, впереди были коммунисты.

После боя на реке Кёрёш наши корпуса стремительно продвигались по венгерской равнине. 8 октября, сломив сопротивление врага у городов Карцаг и Деречке, мы вышли на подступы к Дебрецену...

В этот же день я получил приказ командующего фронтом развернуть главные силы на юго-восток и, одновременно удерживая занимаемый район у Дебрецена, ударить в тыл орадянской группировки немецкой армии.

— Чем было вызвано столь резкое изменение первоначального плана!

— Менялся не план. Менялась обстановка на фронте... В те дни у города Орадя разгорелись тяжелые, кровопролитные бои. Танкисты генерала Кравченко и 33-й стрелковый корпус 27-й армии с трудом отбивали яростные, массированные атаки. Надо было помочь.

Для гитлеровцев вопрос об удержании этого города стал вопросом жизни и смерти. Ведь выход наших войск на венгерскую равнину ставил под угрозу окружения все фашистские войска в Трансильвании и Карпатах. Опираясь на район Дебрецена и Орадя, фашистское командование еще надеялось планомерно отвести свои войска к Будапешту.

Поэтому приказ нанести удар по району Орадя с тыла был нам понятен. Но как удержать при этом плацдарм под Дебреценом? Скрепя сердце я оставил у города 6-й кавалерийский корпус генерала Соколова. До возвращения основных сил он должен был стоять насмерть...

Как только мы начали движение на юго-восток, к линии фронта, враг сразу же вклинился в образовавшийся разрыв между корпусами. А отходящие с гор немецкие дивизии навалились с востока, пытаясь прорваться через наши боевые порядки. Но самое трудное еще ожидало нас. Впереди был канал Беретттьо...

— В своих воспоминаниях бывший командующий группой армий «Юг» Фриснер пишет, что он до сих пор не может понять, как кавалеристы Плиева прорвались через этот канал...

— Странно, что он не понял. А может он назвать рубеж, который бы не перешагнул наш солдат? Думаю, не может. На канале Береттьо нас встретил шквальный артиллерийский огонь. Три наши попытки форсировать его были отбиты. Вода буквально ходила ходуном от разрывов... А сзади и с флангов подходили новые дивизии гитлеровцев. Командование 6-й немецкой армии, видимо, решило, что наступил момент свести счеты с конно-механизированной группой.

Я приказал стянуть к узкому участку берега всю артиллерию. Вызвал фронтовую авиацию... В течение часа мы долбили холмы за каналом. Но стоило саперам спустить на воду понтоны, как снова ожили несколько огневых точек. С дробным стуком хлестнули по понтонам осколки...

— Отставить атаку!

Зову начальника артиллерии полковника Марченко:

— Почему молчали «катюши»?

— Полки эрэс находятся в расположении 110-й гвардейской стрелковой дивизии. Это в пяти километрах...

— Так радируй координаты!

— У них разбита рация... А телефонная связь хоть и работает, но перехвачена немцами. Прослушивают каждое слово...

Нелепость положения была очевидна. Но так нужен был огонь гвардейских минометов!

— Соединяйся с комдивом! — Беру трубку и слышу голос полковника Рева.— Что у тебя со связью? — спрашиваю.— Когда будет порядок?

— Так немцы вклинились. Вот отгоним...

— Ну, ждать некогда. Позови начальника политотдела.

Трубку взял майор Хетагуров. Я знал его: до войны жили рядом в одном осетинском селе.

— Возьми карандаш,— говорю я.— Записывай! — И начал передавать приказ комдиву на родном языке, по-осетински.

Через несколько минут по вражескому берегу ударили «катюши».

...Мы прорвались через канал, не оставив на северном берегу ни одного танка, ни одной пушки. Помню, как бросались вплавь, в ледяную воду, эскадроны кубанцев... Казаки генерала Тутаринова зацепились за берег, а саперы под огнем навели понтонную переправу. И тогда танки механизированного корпуса устремились через канал...

Через два дня наши корпуса с тыла вместе с 6-й танковой армией, наступавшей с фронта, взяли в клещи гитлеровцев у города Орадя. Спаслись только те, кто благоразумно поднял руки...

Но недолго казаки пробыли «дома»... Пополнив боеприпасы и до краев заправив танки горючим, мы снова ушли в рейд.

— А корпус Соколова, который остался у Дебрецена!

— Утром 18 октября мы вновь встретились с его героическими конниками. До того они несколько дней сражались в полном окружении, удерживая важный плацдарм на подступах к городу.

В ночь на 19 октября я отдал приказ о штурме города. Донесения разведки были малоутешительными. Противник стянул к Дебрецену силы трех дивизий и более ста танков. Многие каменные здания он превратил в узлы обороны, минировал улицы...

Наступал холодный, мглистый рассвет 20 октября. Корпуса развернулись у города огромной подковой, ждали сигнала. Раздался мощный гул самолетов. Две авиационные дивизии 5-й воздушной армии обрушились на врага. Ударила артиллерия. Сорок минут взлетали в дыму черные фонтаны земли, обломки орудия, бревна блиндажей...

Но вот на штурм двинулись корпуса. Порыв был такой, что конница долго не отставала от танков... Враг встретил нас волнами контратак, но попал под неотразимый удар кубанцев. На плечах гитлеровцев кавалерийская лава ворвалась на улицы...

В 14 часов я перенес командный пункт на окраину Дебрецена. В центре города еще не стихали яростные бои. Не жалея жизни, сражались казаки за свободу венгерского народа. Смертью храбрых погиб командир эскадрона Николай Меловой, шедший со мной фронтовыми дорогами от Подмосковья. Тяжело был ранен один из старейших казачьих командиров, подполковник Осадчий. Сотни бойцов навеки оставили кубанцы на венгерской земле...

Враг еще пытался вырваться из города, но подошедший с востока танковый корпус генерала Ахманова, введенный в мое подчинение, преградил путь.

Запомнился эпизод. Из здания военной комендатуры выводят двух гитлеровских генералов. Увидев меня, они насупились, но отдали честь. Захожу в штаб. Пол и столы усеяны бумагами, бланками. Звонит телефон. На всякий случай поднимаю трубку.

— Соединяю с Будапештом,— говорит по-немецки далекая телефонистка. Подзываю переводчика. Он садится к аппарату и начинает записывать... Читаю на листке: «Здесь Фреттер-Пико, докладывайте обстановку».

— Передавай,— говорю,— обстановка нормальная. Скоро и в Будапеште такая будет...

Но на другом конце провода не дослушали. Очевидно, догадались. В трубке прозвучали гудки отбоя...

Отсалютовала Москва. На коротких митингах командиры прикрепили новые боевые ордена к знаменам полков. Дебреценские дивизии уходили в новый далекий рейд. Начиналась Будапештская операция...

интервью «огонька»

ШАГИ ИСТОРИИ

На вопросы «Огонька» отвечает Дьёрдь ЛАЗАР, заместитель Председателя Совета Министров ВНР.

ВОПРОС. Подводить итоги и оценивать достигнутое принято обычно путем сравнения. Что получила в наследство современная Венгрия? С чего пришлось начинать?

ОТВЕТ. Перед второй мировой войной Венгрия была одной из самых отсталых стран Европы. В период между двумя войнами средний годовой прирост национального дохода составлял всего полтора процента. Слабо развитая промышленность, по существу, находилась в руках пятидесяти семей и нескольких крупных банков. Такое же положение было и в сельском хозяйстве.

В трудные, но радостные дни освобождения коммунистическая партия стала той организующей силой, которая положила начало новой жизни. Рабочий класс по зову партии принялся восстанавливать страну. Наш народ вечно благодарен за ту интернациональную помощь, которую в это тяжелое время нам оказали Советский Союз и Советская Армия-освободительница.

Ход истории ускорился. В 1945 году разделили крупные поместья, национализировали угольные шахты, затем ведущие предприятия тяжелой промышленности. Коммунистическая партия разработала план, осуществление которого в середине следующего года покончило с беспрецедентной по размерам инфляцией. В 1947 году приняли закон о первом трехлетнем плане восстановления страны. Через год окончательно решился исход борьбы за власть и венгерский народ вступил на путь социалистического развития.

За три десятилетия наша родина превратилась в страну крупной промышленности и развитого сельского хозяйства.

В достигнутых нами результатах наряду с усилиями нашего народа большую роль сыграли тесные и постоянно развивающиеся экономические связи с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Осуществляемое в рамках СЭВа сотрудничество создало хорошие условия для обоснования наших планов.

ВОПРОС. Что вы можете сказать о дальнейших перспективах экономического развития Венгрии?

ОТВЕТ. В этом году завершается четвертая пятилетка. Наше народное хозяйство успешно выполнило задачи, которые были определены X съездом партии. Мы можем сказать, что в нашей экономике все большую роль стало играть планирование. Сильно выросла производительность труда. Все это дает хорошую основу для будущего.

Сейчас мы интенсивно работаем над следующей, пятой пятилеткой. Мы исходим из того, что в период 1976—1980 годов, чтобы удовлетворить требования общественно-экономического развития страны, потребуется обеспечить тридцатипроцентный рост национального дохода.

Промышленное производство мы планируем поднять на 33—35 процентов. Наряду с развитием энергетики и производства сырья мы предоставим преимущество тем отраслям промышленности, которые развиваются с учетом отечественных условий и могут хорошо включаться в международное сотрудничество.

Есть у нас возможность и для роста сельскохозяйственного производства на 16—18 процентов. Главный путь — повышение производительности крупных социалистических хозяйств. В растениеводстве и животноводстве мы предпримем дальнейшие шаги по применению промышленных методов производства, будем все шире внедрять достижения науки и техники.

ВОПРОС. Вы, товарищ Лазар, являетесь постоянным представителем ВНР в СЭВе. Какую роль играет социалистическая экономическая интеграция в жизни страны?

ОТВЕТ. Мировая система социализма создала и вырабатывает все новые методы решения сложнейших задач экономического и культурного развития. Впервые в истории сложилась такая практика, когда более развитая страна бескорыстно помогает государству, еще не достигшему ее уровня. Как я уже отметил, выступая в парламенте на торжественном заседании в честь 25-й годовщины СЭВ, венгерское народное хозяйство развивалось, опираясь на сотрудничество с братскими социалистическими странами.

Более десяти лет назад европейские страны СЭВа создали объединенную энергетическую систему «Мир». За один только 1973 год взаимные поставки электроэнергии составили 13 миллиардов киловатт-часов. Венгрия импортировала из Советского Союза более четырех миллиардов киловатт-часов. В ближайшие годы заинтересованные страны совместными усилиями построят систему дальней ЛЭП на 750 киловатт, одной из узловых точек которой будет Венгрия. В сотрудничестве со странами СЭВа, прежде всего с Советским Союзом, развивается наша нефтехимическая промышленность, производство олефинов, переработка алюминия в рамках венгеро-советского и венгеропольского соглашения по глинозему и алюминию. ВНР участвует в строительстве крупного содового завода в Болгарии. Заключено соглашение с Советским Союзом об участии Венгрии в развитии мощностей по производству асбеста, целлюлозы, а также некоторых видов металлургического сырья и продукции черной металлургии и цветных металлов. Хотя Венгрия — небольшая страна, она принимает активное участие в международном разделении труда. Примерно две трети нашего товарообмена приходится на страны СЭВ. Разделение труда, социалистическая интеграция позволяют нам наиболее эффективно использовать капитальные ресурсы и рабочую силу, обеспечивают предпосылки для дальнейшего быстрого экономического роста.

Мы с надеждой смотрим в будущее. Политика нашей партии пользуется поддержкой народа. Наш рабочий класс, кооперативное крестьянство трудолюбивы и способны. Мы с уверенностью можем рассчитывать на то, что будет продолжать расширяться и обогащаться наше сотрудничество с социалистическими странами, в том числе с нашим великим другом Советским Союзом.

РАЗДЕЛИ МОЮ РАДОСТЬ!

Новелла ЦВЕТКОВА,
фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

ЭВА

В маленьком кинотеатре рядом с гостиницей «Сабадшаг» шла кинохроника о первых мирных днях освобожденного Будапешта. Здесь мы впервые увидели прославленного вождя венгерских племен — князя Арпада. Молоденький парнишка, забравшись на княжеского коня, усердно намыливал щеткой усы и бороду сурового воина. Позади всадника дожидались своего череда умывания самые знаменитые люди венгерской истории. Памятник Тысячелетия скульптора Дьёрдя Зала уцелел в дни кровавой битвы за Будапешт. Это не было чудом — это был подвиг сынов нашей страны. Спасая от разрушений прекрасный город и чудесные памятники, они отказались от массированного обстрела орудиями и шли с тяжелыми боями от дома к дому.

В Венгрии это помнят все. Наша молоденькая переводчица Магда привела нас к этому памятнику на площади Героев. Был ранний час, весеннее солнце и тишина. Мы стояли перед Историей. Владычество турецких султанов. Грабежи жадных Габсбургов. Фашистская диктатура Хорти. Сколько же мук и терзаний перенес этот маленький гордый народ! Сколько раз подымался он на борьбу, захлебываясь кровью! И вот наконец настал великий день, предсказанный Шандором Петефи, когда «народы выступят на поле брани».

Под красным знаменем восстанья,
И гневом воспылают лица,
И на знаменах загорится
Святой девиз: «Свобода мировая».

Этот день уже принадлежит потомкам. Передо мной листок из обыкновенной ученической тетради. Школьное сочинение ученицы 8-го класса «Б». Аккуратный, круглый почерк. «Холодный февральский день. Ветер мчит по улицам города, взметая пыль над грудами развалин. С Будайских гор вспыхивают то и дело зарницы разрывов. Солдат в ушанке с красной звездой остановился у статуи. Он узнает это лицо и этот строгий взгляд. Ну, конечно же, это Петефи! Сколько раз на родине перелистывал солдат томик стихотворений поэта... Мысленно он достает с книжной полки свое сокровище, оставленное дома... Можно ли сильнее любить свой народ, чем любил Петефи! Ему принадлежали все муки мира, и жизнь свою он отдал за счастье венгров. Солдат в меховой ушанке с нежностью смотрит в бронзовое лицо поэта. Нет, не зря мы сражались, друг мой Петефи! Слышишь, мы пришли сюда под красными знаменами и принесли свободу. Посмотри, на той стороне Дуная еще пылает город. Но тьма уже отступает, и над венгерской землей встает солнце святой Свободы!»

Ее зовут Эва Крижан. Она живет в пятом районе Будапешта. В этом году ей исполнится пятнадцать лет.

АДАМ

У венгров нет отчества, поэтому мне приходится называть этого пожилого человека просто Адам Хабуда. Мы разговорились, и я ска-

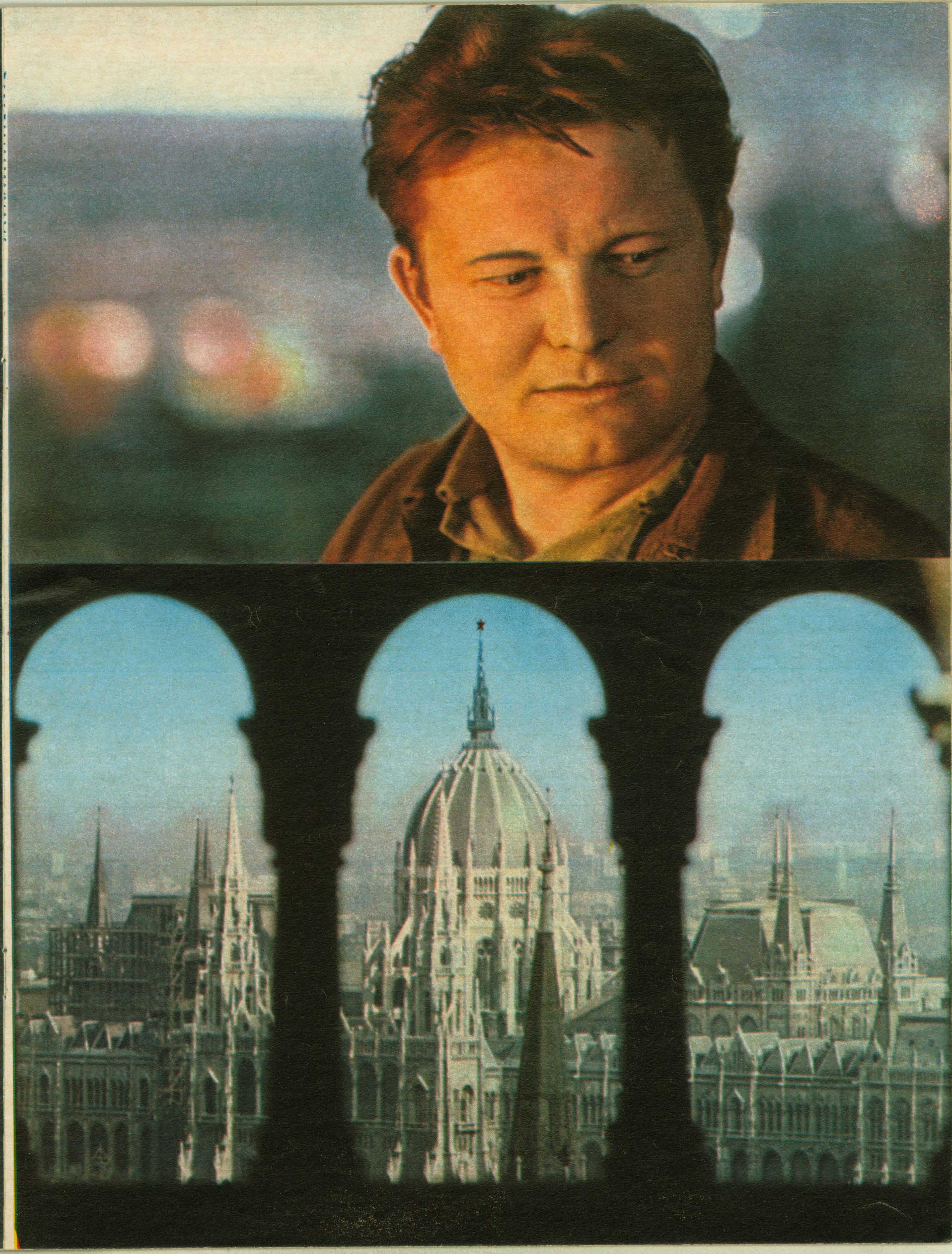
■

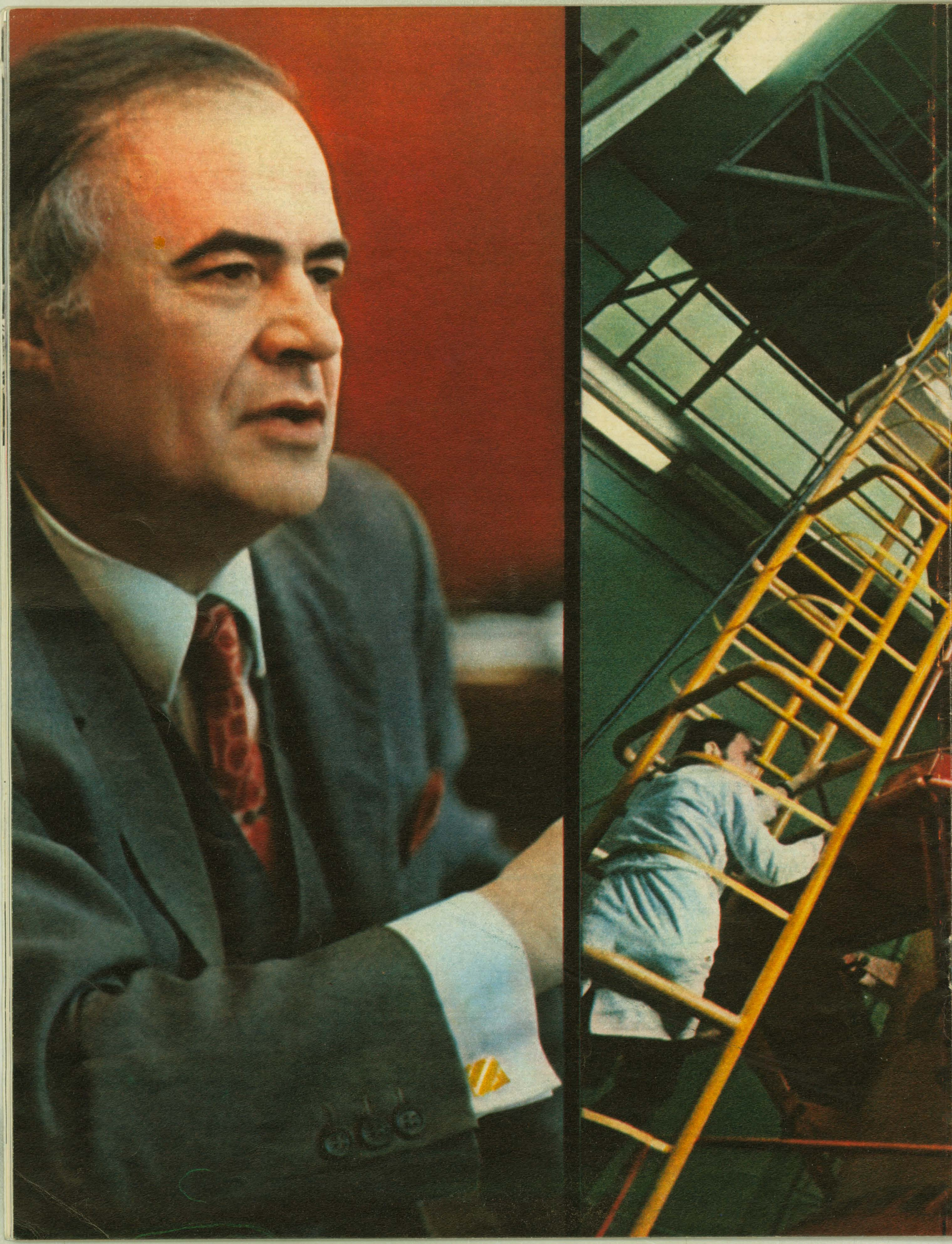
Иштван Чак руководит одной из лучших бригад на заводе легких металлов в Секешфехерваре. Это предприятие — коллективный член Общества венгеро-советской дружбы.

Одно из красивейших зданий Будапешта — Парламент.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

В Центральном институте физических исследований ведутся работы в сотрудничестве с учеными стран — членов СЭВ. Академик Ленард Пал, возглавляющий институт, член Национального комитета защиты мира.

зала ему: «Если бы надо было писать сагу о рождении народной власти в Венгрии, достаточно поведать о вас, пятерых братьях Хабуда!» Он удивился: «Вы уже знаете о фильме про нашу семью? Операторы с телевидения только-только закончили съемку — торопились к празднику тридцатилетия».

Я огорчилась: приехать бы сюда пораньше, и я могла бы застать в сборе всю семью. А теперь? «Да что за беда!— ответил Адам Хабуда.— Киносценариев, правда, писать мне не приходилось, но этот я хорошо знаю. Хотите, расскажу?»

Он устроился поудобнее в массивном кресле, усталым жестом поправил очки и стал вспоминать.

...Отец. Вот кому низкий поклон от всех нас, пятерых братьев и сестер. Был он рабочим-поденщиком, человеком малограмотным, а как мудро судил о жизни! Жили мы на севере страны, вблизи горняцкого городка Шальготарьяна. Мать умерла, и отец остался вдовым — кто же пойдет на такую ораву детишек? Жили мы хоть и голодно, но дружно. Отец все горевал, что не может послать ребятишек в школу, но он крепко верил, что когда-нибудь счастье будет и для нас, бедняков. «Есть такая страна — Россия,— рассказывал он,— там всех детей учат бесплатно». Про эту страну он слышал от своих друзей-шахтеров.

...Вторая мировая война не обошла и наш дом. Меня и двух братьев призвали в армию. Отец наказывал: «Как повезут на фронт, сразу к русским переходите». Мне и Жигмонду удалось спрятаться в лесу и перейти на сторону Красной Армии. Петер попал в плен, и мы до конца сорок шестого ничего о нем не знали... А вот кто героем оказался, так это наш младший, Миклош! После сильных боев советские войска отбили у немцев наш городок. В нашем доме расположилась кухня. Сестры помогали повару кашеварить, а 12-летний Миклош увязался вместе с ним развозить еду солдатам. Однажды уехали они с утра, а днем немцы прорвались и на месяц закрепились в городке. Сестры, понятное дело, слезы льют: «Пропал Миклош!» Отец их утешал: «Не бойтесь за него, он у хороших людей». И, правда, спустя месяц братишка вернулся домой. Он рассказывал: «Проснулся я как-то ночью и вижу: повар вместе с шофером вокруг машины бегают, вроде бы в догонялочки играют. Оказывается, поснимали они с себя все теплое и меня укрыли, чтобы не простудился». Миклош, парнишка толковый, за тот месяц бойко научился говорить по-русски и стал первым в городке переводчиком.

В мае сорок пятого мы с Жигмондом вернулись домой и узнали: отец вступил в партию коммунистов. Вместе с друзьями-шахтерами он организовал партийную ячейку. Вслед за отцом и мы, четверо братьев, вступили в партию. Миклошу тогда не было четырнадцати. Ему повезло больше всех: он успел в гимназию попасть, а оттуда в Секешфехервар, в Институт русского языка имени Ленина. Все шло так, как предсказал отец: Миклош учился, жил на всем готовом в общежитии и первым из всей семьи получил высшее образование. Нам, старшим, тогда было не до учебы. Мы пошли в народную милицию защищать новую власть. В сорок пятом был принят закон о земельной реформе, начали создаваться кооперативы. Помещики с попами да кулачьем объединились, стали запугивать людей, жечь усадьбы, стрелять из-за угла. Мы считали, что стреляют в нашу семью, потому что наш Тамаш стал председателем нового кооператива. Выделили ему поповскую землю, а поп народ подбивает, мол, богохульство на «святой земле». Пришло к нам в милицию распоряжение попа того арестовать. Отправились мы с Жигмондом сначала объяснить людям, для чего нужны такие меры. Народ у нас религиозный, вот некоторые и заколебались: «Зачем церковь обижать, и так землю получим?» «Черта с два получили бы вы эту землю,— говорю я,— если бы не советские бойцы! Они кровью за нашу свободу заплатили, а мы ее в руках не можем удержать». В общем, дело довели до конца. Сначала я руководил народной милицией уезда, потом милицейской школой. В семье нашей теперь почти все учились. Трудное это оказалось дело. Давно уж вышли из школьного возраста. Петер и Жигмонд решили стать инженерами, Миклош в аспирантуру готовился, да и председателю Тамашу всерьез за науку пришлось взяться. И мне захотелось вернуться к старой профессии. Ведь с детских лет я был обучен гончарному делу. Но мне сказали: «Товарищ Хабуда, будешь работать в легкой промышленности. Там идет большая перестройка». Только в шестьдесят третьем году добрался я наконец до гончарного дела. В тот год все керамические фабрики страны были объединены в единое предприятие. Меня назначили генеральным директором. Теперь на этом предприятии работает 14 тысяч человек, а зарабатываем мы два миллиарда форинтов!

— Значит, семья Хабуда входит в число «миллиардеров»?

Генеральный директор рассмеялся:

— Насколько мне известно, не каждый из миллиардеров назовет себя счастливым, а мы, Хабуда,— все счастливые! И я говорю: друзья, разделите мою радость! Жигмонд — доктор наук, преподает в политехническом институте. Петер — руководитель отдела на заводе «Икарус». Миклош имеет ученую степень и работает в Институте истории партии, а Тамаш вот уже два десятилетия возглавляет теперь огромное современное кооперативное хозяйство. И, знаете, когда недавно собрались мы все вместе, поглядел я на наших и подумал: нам еще будут завидовать потомки!

АННА

Она выскочила навстречу нам из подъезда, радостная и чуточку смущенная.

— Мне сказали: «Принимай, Анна, советских гостей!» Я все гадала, кто же это из моих харьковских подружек приехал...

— Харьковских?

— Ну да, я ведь окончила Харьковский инженерно-строительный институт. Я плохо говорю теперь по-русски, да? Двадцать лет прошло.

Просторная, со вкусом обставленная квартира. Чистота и уют.

— Папа, Дезё,— весело позвала Анна.

Из соседней комнаты появился мужчина средних лет, высокий и светловолосый.

— Дезё! — крепко пожав руку, отрекомендовался он.

Вслед за ним вышел юноша в вельветовых брюках.

— Дезё! — повторил он.

— Знаете, что означает это имя? — спросила лукаво Анна.— Победитель! Так что у меня два «победителя» — большой и маленький.

Бывают такие дома, где, едва переступив порог, сразу видишь: здесь поселилось счастье. Оно угадывалось в том, с какой радостной поспешностью кинулся Дезё-старший исполнять поручение Анны, и в том, как влюбленно смотрел на мать Дезё-младший. Щеки Анны пылают, в ее черных глазах девчоночья восторженность. Она вспоминает ту, другую Анну, которая в восемнадцать лет получила самую высокую награду — Национальную премию имени Кошута...

И трех лет не прошло после освобождения небольшой деревушки Комло, что лежала в горах Мечек, когда дочка шахтера Иштвана Цукор прославилась на всю Венгрию. О ней писали в газетах, снимали в кино. Я смотрю на фотографию тех лет: худенькая девушка в рабочей блузе, скромные косички, в руках мастерок. Под фотографией подпись: «Анна Цукор, 18-летняя каменщица, организовала рабочую бригаду. Применяя новые методы, девушка за три с половиной месяца сумела выполнить план работ десяти месяцев. Анна закончила за год гимназию и теперь лучшая на курсе студентка строительного техникума».

— Меня спрашивали: «Зачем ты выбрала такую тяжелую профессию? Разве девичье это дело — кирпичи таскать?» А я отвечала: «Приходите на стройку, сами увидите, какая это красивая работа». Мама тоже, бывало, поглядит на меня и вздохнет: «Ох, дочка, надорвешься ты, днем — на работе, вечером — за книжками». Я ей в ответ: «Мамочка, не тревожься, родная. Зато мне так интересно жить!»

— Анна, когда же ты приехала учиться в Советский Союз?

— В пятьдесят первом году...

Вот и сошлись наши пути-дороги! В пятьдесят первом мне, студентке исторического факультета Московского университета, на экзаменах достался билет о событиях 15 марта 1848 года в Венгрии.

Встань, мадьяр! Зовет отчизна!
Выбирай, пока не поздно...

15 марта в восставшем Будапеште Шандор Петефи впервые прочитал свою знаменитую «Национальную песню». Поэт знал, что победа венгерской революции снова разожжет пламя освободительной борьбы в Европе. И не случайно в императорских архивах был обнаружен список самых отчаянных врагов австрийской монархии,— на первом месте стояла фамилия Карла Маркса, а на третьем — Шандора Петефи.

— Петефи? А я недавно побывал в его родных местах,— как о старом знакомом заговорил муж Анны.— Проехал я всю его любимую Большую долину — Альфёльд. Теперь уж тут не скачут «огненные кони», зато издали видны огненные трубы Дунайского металлургического комбината! Помнишь, Анна, он писал про глушь, где «хоть умри, следа людей не сыщешь»? Спроси нашего сына, что такое «глушь», и он ответит: «Не знаю».

— И замечательно, что не знает! — горячо отозвалась Анна.— Значит, мы все хорошо потрудились за эти годы. Вспомни, что тут было прежде. Поле! А теперь новый район! Мы с тобой в Печ приехали почти двадцать лет назад, сами строили здесь новые кварталы. А какая грандиозная стройка по всей стране!

Выяснилось, что Анна Тот руководит отделом городского капитального строительства. Его фронт работ — сто шестьдесят гектаров!

— До войны в нашем городе было восемьдесят тысяч жителей, а сейчас вдвое больше,— увлеченно объясняла Анна.— Новые дома стараемся ставить подальше от центра. Там едва копнешь — сюрприз для археологов. Ведь Печ основан больше двух тысяч лет назад. Тут и римляне жили, и турки побывали...

— А что будет здесь к концу этого тысячелетия?

— Одно твердо могу обещать,— Анна задорно тряхнула головой,— к 1980 году, к концу пятой пятилетки, построим восемь тысяч чудесных, просторных квартир!

■

Сегодня на площадях и бульварах Будапешта — солнце и дети. Есть что вспомнить о днях становления страны Яношу Кути, одному из первых членов кооператива «Цветущий».

Популярная актриса театра и кино, лауреат Национальной премии имени Кошута Тери Хорват играет народных героинь прошлого и наших дней...

Весна пришла и в аудитории Будапештского университета, где учится Корнелия Гановски.

Блеск весеннего солнца в темпераментных народных танцах Венгрии.

ДЮЛА

— Я никогда не задумывался, что именно удерживает меня в деревне, но и уйти отсюда мне никогда в голову не приходило...

Голубоглазый, широкоплечий Дюла выбирает слова с неторопливой основательностью. С утра в его председательском кабинете собралась целая толпа. Тут и главный агроном и парторг, члены правления, молодая бухгалтерша Берталайне, и даже семидесятилетний сторож дед Янош заинтересовался, что за люди приехали к председателю и о чем они с ним рассуждают...

А рассуждали мы о том, как идут дела в «Цветущем». Правда, ведь хорошее название у кооператива? Но еще в конце этого года он будет называться не так лирично, но зато ближе к тому, что здесь произойдет,— «Объединенный прибрежный Дунай».

— Значит, после объединения в уезде вместо трех будет одно-единственное хозяйство?

— Точно!

— Сколько же будет тогда у вас всего земли и людей?

— Девять тысяч гектаров и тысяча семьсот рабочих рук.

— А в сорок пятом сколько было? В том, самом первом кооперативе?

— Так ведь Дюла тогда совсем мальчишкой был, а я все помню,— решительно вступил в разговор дедушка Янош.— Было нас тогда сто тридцать бедняков. А землицы нам выделили целых пять сотен гектаров. Вот сколько много!— Все заулыбались, и дед разошелся:— Так скажу вам, ребятишки, в нашем-то первом кооперативе мне, например, больше нравилось.

— Почему так?

— А потому,— он хитро подмигнул Дюле,— потому что я тогда совсем молодой был.

Узнав о том, что из 790 членов кооператива почти половина пенсионного возраста, мы откровенно удивились. Дедушка Янош вернул разговор к этой теме, и Дюла Яцко рассказал, что старики получают пенсию от 460 форинтов до двух тысяч ежемесячно, в зависимости от того, сколько лет и на какой работе трудился человек. Раз в год, в марте, когда празднуется День старых, все пенсионеры получают еще по 800 форинтов (один рубль равен приблизительно шестнадцати венгерским форинтам.— **Н. Ц.**). К тому же кооператив бесплатно обрабатывает небольшой земельный участок, принадлежащий пенсионерам, обеспечивает их дровами, а для одиноких есть в селе Дом стариков, где они могут находиться на всем готовом...

Даже старики не узнают свое бывшее село Дунафёльдвар. Нет теперь здесь ни хуторов, ни колоколен. И выглядит оно ничуть не хуже маленького городка. Вдоль широкой, асфальтированной улицы выстроились дома под красными крышами. А в голодные годы отсюда безземельные батраки целыми семьями уходили на заработки в чужие края. Дед Янош помнит то время, да и родители Дюлы тоже, но у самого председателя другая точка отсчета — 1961 год, когда, завершая социалистическую реорганизацию сельского хозяйства, прежний кооператив был объединен с соседним и на территории в две с половиной тысячи гектаров появились новые руководители и среди них — тридцатилетний Дюла Яцко. Тогда средний заработок членов кооператива составлял 67 форинтов, а в прошлом году — 136,5. Прежде давали продукции на 23 миллиона форинтов, а теперь больше чем 76 миллионов.

— Не так просто все было и не вдруг... Главное дело — научиться по науке вести хозяйство. У нас сейчас, например, на одном гектаре 340 килограммов удобрений, а в шестьдесят первом году было 28. В тот год ни одного трактора не было, а сейчас 27! Вот получается, что раньше брали с гектара 17 центнеров пшеницы, а нынче — 50, кукурузы и вовсе втрое больше прежнего берем — 62 центнера с гектара...

Дюла Яцко приводил цифры на память, терпеливо дожидаясь, пока их запишут в блокнот, а потом заглядывал, правильно ли записано...

— А ты насчет животноводства забыл? — подал голос главный агроном.

— Как это забыл? Скажу и о животноводстве,— неторопливо продолжил председатель.— Прежде в этих местах им вовсе не занимались, а теперь у нас 280 коров, 480 голов молодняка, 180 свиноматок, 120 тысяч цыплят даем ежегодно...

Диалог с председателем закончился, едва мы поинтересовались, как были истрачены 2 миллиона 400 тысяч форинтов из прошлогоднего фонда кооператива на социальные нужды. Тут заговорили все, кто был в комнате.

— Запишите: купили 50 путевок на десятидневный отдых в Дебрецене!

— И еще десять наших поехали туристами в Советский Союз, Италию и Югославию.

— На Новый год купили подарки ребятишкам. Их у нас 230.

— К первому сентября, как всегда, школьникам выдали по 200 форинтов...

— Сюда же прибавьте деньги для стариков...

— А 300 тысяч форинтов на строительство домов для молодежи!

Молодежь. Вот о ком «болит голова» у Дюлы Яцко. Совсем рядом вырос новый город Данауйварош. Сманивает он, уводит из села молодежь. Дома, путевки за рубеж, стипендия, которую дает студентам кооператив,— все это, по мнению председателя, поможет удержать молодых в селе!

— А как же иначе? — волнуясь, говорит Дюла.— В нашем селе теперь появились совсем новые профессии: тракторист, комбайнер, агроном, экономист. А прежние — извозчик, кузнец — и вовсе исчезли...

И тут снова веселое оживление вызвал дедушка Янош Кути.

— Что-то не так получается, ребятки. Я вот всю жизнь был в извозчиках, а выходит, меня уже нет?

...Разбирая после поездки в Венгрию снимки, мы специально выбрали и поместили на цветной вкладке этого номера дедушку Яноша. Ведь такие, как он, взялись 30 лет назад переделывать жизнь в Дунафёльдваре.

ТЕРИ

Страж порядка сразу обратил внимание на странную девчонку. Стоит себе и стоит на трамвайной остановке. Прижала к груди плетеную деревенскую корзину, словно там какое сокровище. Больше часа уж стоит, пожалуй. Он подошел к девушке.

— Ну, красотка, куда путь держим?

«Красотка» глянула на него и заревела.

— Да ты что, обидел тебя кто?

— Не-ет.

— Тогда чего ревешь?

— Потерялась я... Никак дом не найду, куда мне нужно...

— Куда нужно-то?

Не расставаясь с корзиной, девчонка протянула письмо. «Дорогой друг, ждем тебя на приемные испытания в театральную школу...»

— Так ты что, актриса?— Он недоверчиво оглядел белобрысые косицы, скуластенькое, заплаканное лицо.— Ну ладно, садись на трамвай, тут близко.

— Боюсь я, дяденька. Довези меня...

Так, держась за его руку, Тери Хорват появилась в театральном училище Будапешта. Она впервые в жизни видела большой город и была разочарована, потому что кругом были разбитые дома. Она впервые в жизни проехала на трамвае и, когда узнала, сколько стоит билет, дала себе клятву, что будет ходить только пешком. В ее родном доме-бараке, где жили вместе три бедняцкие семьи, зачастую не бывало ни куска хлеба. И тогда мать говорила: «Сегодня снова на ужин фазанье мясо» — так называли дети противную свеклу, которая уже никому не лезла в горло.

В этом городе оказалось много деревьев, и они сразу успокоили Тери. Липа перед домом в деревне была ее самым близким другом. Сколько раз видела она весной чудо: маленькая, красная почка вдруг превращалась в тугой зеленый лист...

Цветы по садам доцветают в долине,
И в зелени тополь еще под окном...

Она дочитала до конца стихотворение, и члены комиссии переглянулись:

— Дочка, что же ты скрываешь такое богатство?

Тери перепугалась:

— Да нет у меня ничего, честное слово, нет!

— Как нет? А Петефи? Ты еще знаешь его стихотворения?

Она кивнула головой и, осмелев, спросила:

— А можно, я спою его песню?

И она запела ту, что часто напевала дома мать:

Скромный домик, домик у Дуная...
Я о нем мечтаю, вспоминаю.

Это была очень грустная песня, но Тери любила ее, хотя из-за этой песни потеряла место в прислугах. Сестренка Маришка устроила ее в Шопроне, но хозяйка, услышав песню, тут же прогнала девочку: «Не люблю, когда прислуга поет».

Что ни ночь, мне домик этот снится,—
И в слезах, в слезах мои ресницы!

Дом... Как трудно было ей решиться расстаться с ним! Сельский учитель Андраш Ясаи — вот кто заронил у дочки батрака мечту о театре. Его отец был братом знаменитой актрисы Мари Ясаи. Увидев, как Тери сыграла в школьном спектакле древнюю старушку, учитель обомлел: «Девочка, а ведь ты похожа на Мари!» Он старался объяснить ей, что такое театр, но Тери никак не могла себе представить. Даже кино она никогда не видела, потому что в доме не было денег на билет, чтобы доехать до ближайшего города, который находился в семи километрах.

Шли последние дни второй мировой войны, когда в армию призвали отца Тери. Он был местный почтальон, и, чтобы не потерять заработок, тринадцатилетняя дочка Хорвата стала разносить почту. Она знала, любила всех, кто жил в Рабатамаши, и часами стояла у ворот, не решаясь войти с «похоронкой» в дом. Она еще не знала тогда, что позднее, в театре, уже взрослой снова пройдет этот страшный путь с «похоронкой» и театральные критики напишут о блистательной игре заслуженной артистки, лауреата Национальной премии имени Кошута Тери Хорват.

— Больше всего и в театре и в кино мне приходилось играть простых женщин, их жизнь я хорошо знала с детства,— говорит актриса.— Например, пьеса Ференца Шанты «Моя мать танцует» — это же о моей матери, простой крестьянке, которая умела весельем поддержать семью в трудные минуты. Героиню спектакля «Кладбище ржавчины» Эндре Фейеша я встречала в нашей деревне, в доме тетушки Катицы. В «Калевале» я играю мать, любовь которой к сыну творит чудо, и я сама всем сердцем верю в чудо, рожденное любовью.

— Тери, значит, и ваша любовь к театру сотворила чудо? Вы стали актрисой!

— Нет,— сказала она,— чтобы свершилось такое, мало было одной моей любви. Нужно было, чтобы однажды распахнулась дверь и в наш дом вошел солдат в ушанке с красной звездой... Не зная, чего он хочет, мы замерли от страха. Солдат подошел к люльке, где лежал первенец моего брата. Долго стоял он, глядя на малышку, и вдруг мы поняли: солдат плачет. «У меня был такой, сын был,— объяснял он,— теперь нет, убили. И матери нет, и жены нет. Никого...»

Тери Хорват помолчала и продолжила:

— Так я и не знаю, кто он был, тот русский солдат. Встретила бы его сейчас, сразу бы узнала и поклонилась низко-низко.

ДИАЛОГ С ЛЕНАРДОМ ПАЛОМ

Директором Центрального института физических исследований в Будапеште

Из двух частей Будапешта — холмистой Буды и равнинного Пешта — физики выбрали первую. Там на зеленых холмах они и обосновались в большом, современно оборудованном институте физических исследований. Возглавляет это самое крупное в стране учреждение ученый, имя которого хорошо известно физикам многих стран. Читатели «Огонька» однажды уже встречались с Ленардом Палом. Правда, тогда наша беседа с членом Национального комитета защиты мира касалась проблем, на первый взгляд далеких от физики...

ЛЕНАРД ПАЛ. Только на первый взгляд! В действительности же физика неотделима от главной задачи наших дней — предотвратить гибель человечества в войне. Мне кажется, давно уже спала завеса таинственности, окружавшая нашу жизнь и представлявшая нас эдакими колдунами XX века со схемами в руках. Ничего подобного! Физика вторгается в жизнь человека гораздо активнее, нежели другие отрасли науки. Мои коллеги, французские физики-коммунисты, рассказывали об успехе так называемых дней «поп-физики», которые они проводят в самых широких аудиториях. Огромный интерес к физике понятен — она глубоко проникла во множество других наук. Примеры? Пожалуйста! Давно известна связь физики с астрономией. В геологии без нее тоже не обойтись. Ну, а можно ли представить себе современную биологию без биофизики?

«ОГОНЕК». Наверное, поэтому теперь физикам достается от защитников очередной новомодной «теории», согласно которой научно-технический прогресс — зло для человечества?

ЛЕНАРД ПАЛ. Увы! Нам предлагают отказаться от научных исследований и довериться... инстинктам! Человечество-де было здоровее и счастливее, когда инстинкты, а не наука управляли его жизнью. Все это, конечно, бред! Как отрицательный пример воздействия научного прогресса на человека часто приводят автомобиль. Он и калечит людей, и отравляет их выхлопными газами, и делает физически слабыми, неполноценными. Зло не в науке, а в том, кем и как используются ее достижения. Я твердо знаю — в социалистических странах ни один научный эксперимент, так или иначе связанный со здоровьем и жизнью человека, не находит применения, пока не пройдет многоступенчатую проверку. В то же время сколько драматических финалов следовало за преждевременным рекламным бумом вокруг тех или иных медицинских достижений в капиталистических странах.

«ОГОНЕК». Вы имеете в виду препарат западной фирмы, который вызывал рождение детей-уродцев?

ЛЕНАРД ПАЛ. Это тоже пример того, что так называемой чистой науки сегодня уже не существует. Она неотделима от жизни общества и прогресса в целом. И каждый ученый, хочет он того или нет, участвует в этом процессе.

«ОГОНЕК». В чем вы, как ученый, видите свой долг?

ЛЕНАРД ПАЛ. Долг в данном случае очень точное слово. Я пытаюсь представить себе, как могла бы сложиться моя жизнь в прежней Венгрии. Родители были рабочими. Жили мы в деревне. Когда учитель обнаружил у меня в двенадцатилетнем возрасте математические способности, ему с трудом удалось устроить меня в гимназию ближайшего города. Каждый день в пять утра я уезжал за сорок километров на учебу... Наверное, мне удалось бы в конце концов стать слесарем или, как мать, типографским рабочим. Если бы не «народные коллегии». Слышали вы о них? Сразу после освобождения страны примерно двадцать тысяч таких, как я, сыновей и дочерей рабочих и крестьян государство направило на учебу. Помню первого коменданта Будапешта, генерал-майора Замерцева. Он помог нам получить дом под общежитие, выделил картошку, консервы. «Учитесь, ребята, да побыстрее. Многое предстоит вам сделать!» И мы все спешили. В сорок девятом я окончил университет и поехал в Москву в аспирантуру. Первым среди венгерских физиков защищал диссертацию в новом здании физфака на Ленинских горах... Так начался мой путь в науку, и потому свой долг, как ученый, я вижу прежде всего в том, чтобы мои знания принесли пользу не только моей родине, но и всему социалистическому содружеству. И вот что любопытно: эту истину, понятную моим коллегам в странах социализма, порой не в силах постичь разум больших ученых Запада. Не понимают они, как это можно: взять да и отдать свое (!) достижение, свою победу другим, которые, использовав ее, как трамплин, поднимутся выше тебя!

«ОГОНЕК». А между тем именно в вашем институте существует вот уже три года уникальный международный коллектив ученых, который подтверждает это?

ЛЕНАРД ПАЛ. Как раз о нем я и хочу рассказать. Но вначале предыстория. 1955 год. Советский Союз давно ликвидировал атомную монополию США. В Женеве под эгидой ООН собралась международная конференция по использованию атомной энергии в мирных целях. За несколько месяцев до этого в Москве побывала делегация венгерских специалистов, которая подписала соглашение о покупке атомного исследовательского реактора. Вскоре я получил назначение руководить его строительством. В 1959 году реактор был запущен. Этот мощный толчок ускорил в Венгрии научно-технический прогресс. Именно тогда началась наша тесная дружба с советскими учеными из Института атомной энергии имени Курчатова, которая продолжается вот уже двадцать лет. С чувством глубокого уважения назову здесь имя академика А. П. Александрова, который является также почетным членом нашей Академии наук, моего хорошего друга профессора Михаила Певзнера, талантливых ученых Николая Черноплекова, Б. Самойлова, Ю. Кагана и других. Вместе с ними был разработан и блестяще осуществлен план сооружения трехосного нейтронного спектрометра. Два института поделили научную задачу на две части и потом обменялись итогами работы, выиграв время и сократив затраты. Этот опыт очень нам пригодился, едва встал вопрос о создании Временного международного исследовательского коллектива ученых по атомной энергетике.

«ОГОНЕК». Что это за организация и как она действует?

ЛЕНАРД ПАЛ. Существует единственный, на мой взгляд, путь создания широкого фронта научного прогресса — объединить научный потенциал социалистических стран. Пример такого успешного сотрудничества — Объединенный институт ядерных исследований в Дубне. Но время диктовало поиск новых, более гибких форм совместной работы. Было решено, взяв одну конкретную область — атомную энергетику, создать силами двух стран — Советского Союза и Венгрии — научную базу. Остальные социалистические государства берут на себя часть общей научной программы. Периодически специалисты из этих стран будут приезжать к нам на короткое время и работать в этом международном коллективе, сверяя свои результаты. Достижения каждой страны идут, таким образом, как бы в общую научную копилку. Ученые выбирают самый оптимальный вариант решения задач.

Теперь уже стало для нас привычным — почти каждый месяц к нам в институт приезжают ученые стран — членов СЭВ. Работа, по общему признанию, идет успешно еще и потому, что за это время сложились крепкие дружеские связи, которые помогают нам без бюрократического аппарата и больших материальных затрат достигать высоких результатов.

«ОГОНЕК». До сих пор мы говорили о прошлом и настоящем. А если заглянуть в будущее, например, энергетики? Энергетический кризис вызвал целый переполох...

ЛЕНАРД ПАЛ. Я не буду вдаваться в сложные вопросы предполагаемого развития производства и потребления энергии. Хочу лишь отметить — и такие соображения высказывают многие ученые,— что на грани перехода из одного тысячелетия в другое или несколько позже следует рассчитывать на появление термоядерных энергетических установок.

«ОГОНЕК». В заключение еще один вопрос: какое из мировых достижений науки и техники последних лет кажется вам самым поразительным?

ЛЕНАРД ПАЛ. Безусловно, открытие генетического кода! Несмотря на огромные успехи физики, я уверен, что XXI век будет веком биологии. В нашем институте уже многие ученые начали интересоваться биологией. Да и сам я сейчас тоже много занимаюсь проблемами, близкими к этой области. Я уверен, человечество недалеко от того дня, когда будет расшифрована самая важная из всех тайн природы — тайна механизма жизни!

Юрий ЛУШИН,
специальный
корреспондент «Огонька»

ПРИГЛАШЕНИЕ НА СВАДЬБУ

— Прошлогодние стебли кукурузы жестяно поскрипывали на ветру. Февральское солнце, начинавшее припекать совсем по-весеннему, согнало с полей снег, и теперь из-под земли, пока еще несмело и редко, проклевывались первые зеленые ростки — гонцы весны. От пашни поднимался пар, круживший голову, горизонт скрывался в дымке. Неправдоподобная тишина повисла над всадниками, как будто война им только приснилась. Пожалуй, лишь пустая дорога, вдрызг разбитая отступавшими немецкими частями, напоминала о ней да воронки от бомб и снарядов в виноградниках.

— Фашист — капут, фашист — нет,— обведя рукой дали, сказал венгр, пытаясь улыбнуться, но из этой попытки ничего не вышло. В глазах его стояли страх и тоска. Он торопился к тяжело больной жене и надеялся, что двое русских помогут ей, но и сомневался: уж очень молоды оба врача, совсем мальчишки.

Лошади шли тяжело, тянули морды к земле, отфыркивались и презрительно косили глазом на неопытных седоков.

— Далеко ли еще? — спросил Вотяков, поправив автомат.

— Кто его знает,— откликнулся Салганик.

— Жена больна, быстро едем, совсем больна жена,— завел свое венгр.

Он казался старым — небритый, с ввалившимися щеками и глубоко запавшими глазами. Седина только чуть тронула виски, вероятно, ему не было и пятидесяти. Но два капитана медицинской службы находились в том счастливом возрасте, когда каждый прожитый год лишь прибавляет сил, и всякий, кому стукнуло тридцать, был в их глазах стариком. Они спросили его, где научился русскому. Он ответил, что в первую мировую войну тут находился лагерь русских военнопленных, которые научили его даже русским песням...

Часа через два впереди замаячил хуторок в пять или шесть домов, крытых соломой. Подъехав ближе, они увидели группу людей, словно ожидавших чего-то.

Они вошли в дом, осмотрелись. На широкой кровати, закрыв глаза, лежала женщина. Тут же копошились трое или четверо детишек, все девчонки. Салганик взял руку женщины — пульс почти не прощупывался. Вотяков откинул одеяло, покрывавшее ее до подбородка, и оба они, не сговариваясь, вдруг посмотрели в крайнем смущении друг на друга. Женщина была беременной. Роды начались трудно, и сил у нее уже не оставалось.

В жизни своей оба капитана не то что ни разу не принимали роды, но даже и не видели их. Рудольф Салганик с отличием окончил военный факультет Второго московского медицинского института, а Вениамин Вотяков — Куйбышевскую военно-медицинскую академию. Они были военными врачами, причем врачами-десантниками. Их учили обрабатывать пулевые, рваные и колотые раны, лечить ожоги, шоки и переломы, их учили ближнему бою — умению драться прикладом, финкой, малой саперной лопаткой и без оружия, их учили технике укладывания парашюта и прыжкам с парашютом. Днем и ночью, на сушу, на лес и на воду, без выкладки, с обычной выкладкой и с полным комплектом снаряжения полкового врача... Они знали то, что нужно для войны, но никто не учил их принимать роды. Только как объяснить все это венгру? Как объяснить, что диплом с отличием давал Салганику только одно преимущество — право выбора фронта. Почему-то он выбрал 4-й Украинский, к концу распределения явился авиационный полковник и уговорил пойти в свою десантную часть. Там он и встретился с Вотяковым.

Конечно, они могли бы сказать венгру, что жену нужно срочно, очень срочно везти в ближайшую больницу. Как будто он сам этого не знал. Если уж пришел за помощью к ним в часть, значит, другого выхода не было. Деревенская повивальная бабка тоже ничем не могла помочь. Женщина между тем начала терять сознание.

— Надо оперировать, Веня,— сказал Салганик.

— Необходимо,— согласился Вотяков,— спасем хотя бы одного: либо ее, либо ребенка...

Но легко сказать — оперировать. А чем? У них были только индивидуальные пакеты, шприц, несколько ампул и таблеток. Даже скальпеля не было. Возвращаться в часть за инструментами? Нет времени.

Приняв решение, они уже не колебались. Скоро на печи кипели тазы с водой, были припасены чистые полотенца и простыни. Венгр принес старенькую бритву, обычную опасную бритву, которой брился раз в неделю и к праздникам. Шелковых ниток не оказалось, и Вотяков выбрал обычные суровые нитки, чтобы наложить потом шов. Иголки выбирать не пришлось: все были одинаковы. Повивальная бабка молча протянула им ржавый кровеостанавливающий пинцет, они положили его кипятить.

— Спирта нет,— сказал Салганик озабоченно,— как бы заражения не получилось.

— Спирта нет? — откликнулся венгр, ловивший каждое слово.— Палинка будет, хорошая палинка.— И выскочил за дверь.

К операции готовились, как к бою. Они привыкли к смертям в окопах, но тут в маленьком мирном хуторке смерть казалась им полной бессмыслицей, и они желали только одного — чтобы все кончилось хорошо. Венгр внес в комнату бутыль, налил два стакана и подвинул их врачам.

Семья Конц.

— Нет,— отрицательно покачал головой Вотяков,— это не нам, это для нее...

Венгр плеснул из стакана на стол, чиркнул спичкой, и лужица занялась синеватым прозрачным пламенем, распространив вокруг едва заметный аромат черешни.

— Годится, отец,— сказал Салганик.

— Палинка хорошая,— повторил тот,— сам делал...

Операция началась. Странное дело, но впоследствии они не могли вспомнить, как она проходила. Помнили подготовку, помнили, что было потом, а сама операция — туман...

Боль, видимо, вернула на миг женщине сознание. Она напряглась, дернулась, и в тот же момент в руках у них оказался скользкий, окровавленный комочек, который тут же подхватила повивальная бабка. Комочек вдруг всхлипнул и заорал.

— Хлопец,— выдохнул Вотяков, начиная сшивать края раны.

Они не знали, сколько прошло времени, но, выйдя на улицу, удивились, что все еще светит солнце и ничто в мире не изменилось. Так же возле дома стояли люди — все население хутора, и некоторые женщины прижимали платки к глазам.

— Все хорошо,— сказал им Салганик,— сын родился.

Хозяин перевел его слова на венгерский, видимо, добавив что-то еще от себя, поскольку говорил долго и горячо. После этого все стали подходить к ним, пожимали руки, что-то говорили. И тут же появился накрытый стол, и все та же палинка на нем, и домашняя кол-

баса, и паприка, и яичница, и виноградное вино. Но врачи отказывались от всего, показывая на часы и прислушиваясь к новым звукам, доносившимся из-за горизонта,— там начинали ухать тяжелые орудия.

— Не обижайтесь, отец. Вот кончится война, и мы обязательно к вам вернемся. Тогда уж и попьем вашей палинки...

— Хорошо,— ответил венгр серьезно,— я буду ждать.

Он снова заговорил по-венгерски, обращаясь к своим соседям или, может быть, родственникам, и те согласно кивали в ответ головами. Тогда, став необыкновенно торжественным, он вновь обратился к спасителям:

— У венгров есть обычай называть первую дочь именем матери, первого сына — именем отца. Я — Шандор, и сын мой станет Шандором. Когда вырастет, я расскажу, кому он обязан жизнью. Я накажу ему, чтобы он чтил вас тоже как отцов и всегда помнил. Я прошу вашего разрешения дать сыну и ваши имена, пусть он зовется Шандор-Вениамин-Рудольф.

— Вы согласны?

— Да, да, согласны,— ответили они.

— Хорошо,— просиял Шандор,— возвращайтесь с победой, мы будем ждать вас.

А через два дня, влитый в обычную пехотную часть, полк, в котором служили Вотяков и Салганик, подняли по боевой тревоге, и начались такие кровавые бои, когда, казалось, за день проживался год. Полк бросили на Балатон. Он брал Секешфехервар, Веспрем, Сомбатхей, города поменьше, освобождал деревни, форсировал Рабу... Весть о победе они встретили на марше. Спешили на помощь Праге, но не успели: Прагу освободили другие наши части. На землю пришел наконец мир, а с ним — другая жизнь и другие заботы...

Миновало с той поры десять лет и еще десять. Два бывших капитана медицину не оставили, поднявшись в ней на иные высоты. Вотяков стал директором Института эпидемиологии и микробиологии в Минске, Салганик — заместителем директора Института цитологии и генетики Сибирского отделения Академии наук в Новосибирске. Однажды, то ли по пути на какой-то международный конгресс, то ли, наоборот, по пути с конгресса домой, Салганик остановился на сутки в Минске. Вновь капитаны были вместе. Они сидели и вспоминали. Вспоминали всю ночь напролет.

— А старика помнишь? — спросил вдруг Вотяков.

— Дядю Шандора? Как же, как же. Интересно, как там наш крестник?

— Шандор-Рудольф-Вениамин? — уточнил Вотяков.

— Нет, Шандор-Вениамин-Рудольф,— ответил Салганик.

Они посмотрели друг на друга и рассмеялись.

— Знаешь,— продолжал Вотяков,— я тут недавно в День Советской Армии рассказал на торжественном собрании про тот случай нашим сотрудникам. Они спросили меня, живы ли старики и мальчик.

— Написать бы им,— отозвался Салганик,— но куда? Фамилия забылась, место помним лишь приблизительно — где-то недалеко от Цегледа...

В жизни случаются иногда удивительные вещи. Буквально через месяц после ночного разговора Вотяков и Салганик получили письма с венгерскими штемпелями. Они начинались словами: «Дорогие родители! Шандор-Вениамин-Рудольф и его невеста Марика приглашают вас на свадьбу, которая состоится 1 мая 1967 года...» Под этими письмами стояли подписи: Шандор и Вероника Конц. Адрес: село Тапиосентмартон, хутор Шорегпуста. Так через 22 года они узнали имя женщины, которой спасли жизнь.

— И вы поехали на свадьбу? — спросил я с надеждой Рудольфа Иосифовича Салганика, который рассказывал мне эту историю.

— Разумеется,— отозвался Салганик.— Поехали семьями — и я и Вотяков. Мы боялись, что не узнаем стариков, а они не узнают нас, но страхи, к счастью, оказались напрасными. Встреча была потрясающей, мы сразу почувствовали себя в кругу родных. Нас вся деревня встречала и вся семья Конц. Девчонки, которых я во время операции выталкивал за порог, сами теперь превратились в мам. Старики, конечно, постарели, да ведь и мы были уже не мальчиками. Малютка Шандор вымахал в высокого, красивого парня. И свадьба получилась на славу... Старый Конц утверждал, что такой свадьбы в их краях еще не бывало.

— Но как все-таки они разыскали вас?

— Тут, знаете ли, своя история. Вы ведь на днях едете в Венгрию? У меня есть адрес одной женщины, которая расскажет все лучше меня. Она русская, вышла замуж за венгра и живет в Будапеште лет двадцать. Записывайте: Галина Вячеславовна Бутырская...

Та же самая дорога на Шорегпусту, по которой тряслись на лошадях тридцать лет назад молодые капитаны. Теперь, конечно, на дороге асфальт, но виноградники по сторонам те же. Минуту назад Галина Вячеславовна (в Шорегпусту мы едем вместе с ней и с ее дочкой гимназисткой Юликой) сказала мне, что позавчера, 18 февраля, Шандору-Вениамину-Рудольфу исполнилось ровно тридцать...

— У него растут две очаровательные дочки — Марианна и Жужанна...

— Значит, у старого Шандора внуков все прибавляется?

— Да, скоро к десятку подойдет.

— Как все-таки разыскали своих спасителей? — задаю я ей вопрос, который бы должен задать самым первым, Юлика тоже с любопытством смотрит на мать, хотя скорее всего ей уже знакома эта история.

— Случайность, чистая случайность,— ответила Бутырская.— Сестра моя работает в Минске ученым секретарем Института микробиологии. Да, да, у Вотякова. Услышав на собрании его рассказ, она сразу же написала обо всем мне...

— И вы...

— Нет, не я. Тут за дело взялся мой муж Дюла Харди, но главным образом бабушка Юлики — Комьяти Ласлоне, тетушки Лари, как мы ее называли. Зацепок у нас, конечно, было мало. Во-первых, приблизительный адрес — где-то под Цегледом, во-вторых, тройное имя мальчика, на что мы больше всего и надеялись. В Венгрии еще бывают двойные имена, но тройных я что-то не встречала. И тетушка Лари, бывшая подпольщица, коммунистка с сорок пятого года, не унывала. Она писала письмо в Цеглед и приговаривала: если этот мальчик жив и находится на венгерской земле, я все равно его найду...

Финал истории поисков я дослушиваю уже в доме Конц. Вся семья в сборе, все встречают нас, поскольку мы предупредили о приезде телеграммой. Нет только самого Шандора-Вениамина-Рудольфа. Как раз сегодня колхоз купил новые, какие-то необыкновенно мощные трактора с навесным оборудованием, и Шандор, как один из лучших трактористов, должен получить такой трактор первым. Его ожидают поэтому только к вечеру.

«Может, это наши «кировцы»?» — думаю я о тракторах...

Старый Шандор между тем начал говорить, перемежая русские слова с венгерскими, но женщины все время перебивали его, добавляя какие-то детали и что-то уточняя. Я узнал, что, когда письмо тетушки Лари пришло в Цеглед, оттуда сразу же стали обзванивать сельсоветы, но нигде не находилось мальчика с тройным именем.

— Наконец, уже потеряв надежду, позвонили в Тапиосентмартон,— сказал Шандор.

— А надо было позвонить сюда сразу же,— добавила его жена Вероника.

— Мы с отцом в тот день как раз приехали в Тапиосентмартон на субботний базар,— уточнила их старшая дочь Вероника.

— Там их и нашел председатель сельсовета Имре Фалуди и сообщил о письме,— вставила свое слово Марика, жена молодого Шандора.

— Ну да, мальчик как раз собирался жениться,— продолжал старик,— а какая же свадьба без родителей, без названых отцов? В тот же день мы послали приглашение Вотякову и Салганику...

И снова память возвращает всех туда, в сорок пятый год, и снова, перебивая и дополняя друг друга, они рассказывают мне все с самого начала. И я не смею их перебивать, потому что чувствую, что та история стала для семьи Конц чем-то вроде священной реликвии, которую теперь они будут передавать из рода в род, от поколения к поколению.

Мы выходим во двор.

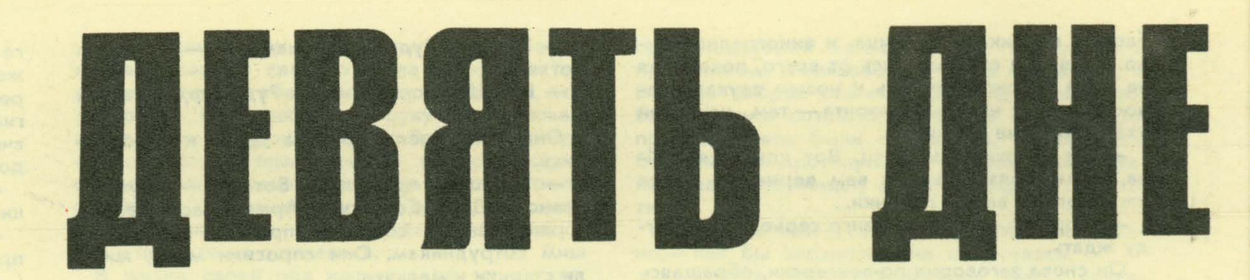
— Вон те черешни,— объясняют мне,— посажены как раз в сорок пятом в память о двух советских капитанах-медиках. А те, еще совсем молодые,— в год свадьбы Шандора-Вениамина-Рудольфа... Этой осенью они впервые принесут плоды.

Я смотрю на ряды деревьев, по стволам которых уже двинулись весенние токи новой жизни, представляю, как они, должно быть, красивы в цвету...

Всякое ремесло, даже военное, служит гуманной, справедливой цели, если оно сближает людей и целые народы, как это произошло тридцать лет назад, в незабываемом сорок пятом...

Вениамин Вотяков, Рудольф Салганик и Шандор Конц-старший.

Анатолий СОФРОНОВ

ВСТРЕЧИ В ПАЛАЦЦО «МАДРИД»

За эти дни я вдоволь налюбовался природой и надышался свежайшим запахом весеннего Средиземноморья. Но всему бывает конец. Наступил конец и моему одиночеству. В самом деле, когда нам приходится бывать далеко от родного дома, мы же не только сидим за столами заседаний и через наушники слушаем слова синхронного перевода. При всей необходимости и реальной полезности такой работы много познаешь от прямого общения со страной, с людьми, с которыми ты общаешься. Так было и в этот раз в городке, расположенном в двенадцати километрах около Малаги. Мы уже кое-что знали о Торремолинасе. Видели рабочих, рывших лопатами канавы для городских коммуникаций. Наблюдали за работой строителей, возводивших новые дома, которые после окончания строительства должны давать большую прибыль их хозяевам. Именно здесь, на юге Испании, можно было наглядно увидеть, какими темпами идет подготовка для приема все новых и новых партий туристов. Туризм, как известно, одна из самых значительных статей государственного бюджета Испании. Через генерального секретаря нашей организации Бобби Найду нам все же удалось однажды уговорить сеньора Лоретти на автобусную прогулку в горы, туда, где расположены виллы богатых людей, спасающихся летом от жары, подальше и повыше от моря. К этому времени прилетел из Москвы Виталий Смирнов. Постепенно отель заполнялся участниками конгресса. Стало оживленней. Да и потеплело. К бассейнам, расположенным возле отеля, потянулись туристы. Растянувшись на шезлонгах, они жадно впитывали первые теплые лучи испанского солнца.

В канун открытия конгресса мы встретились с президентом нашей ассоциации английским журналистом Фрэнком Тейлором и Бобби Найдой.

У Тейлора было одно примечательное событие в жизни. Он летел в самолете с английской футбольной командой «Манчестер Юнайтед», в том самом самолете, который потерпел катастрофу в 1958 году. Как известно, тогда почти вся английская команда погибла, а Фрэнк Тейлор покалечился, но все же выжил. Об этих событиях он и написал книжку, которая в свое время пользовалась в Англии большим успехом.

В первый вечер состоялся добрый разговор, во время которого Фрэнк Тейлор сказал:

— Если б еще жил мой отец, рабочий-социалист, он был бы счастлив, что его сын так близко общается с русскими.

На открытии конгресса Тейлор говорил с легким пафосом:

— Над нами голубое небо Андалузии. Где же было праздновать наш пятидесятилетний юбилей, как не здесь? Я верю, что со временем не будет барьеров, мешающих не только спорту, но и всем людям планеты. Границы государств не будут мешать людям дружить друг с другом.— И, обращаясь к нам, продолжал: — Вот возьмите наших русских друзей. Я уверен, что если будет принято решение о том, чтобы Москва стала местом проведения в 1980 году Олимпийских игр, они сделают все, чтобы было всем удобно: и спортсменам и нам, журналистам.

...Уже чуть позже, прислав по моей просьбе из Лондона статью для «Огонька», Тейлор писал:

«Не существует никаких политических, экономических, спортивных или технических проблем, которые могли бы помешать проведению Олимпийских игр в Москве.

Мою личную точку зрения выразить просто. Наш мир состоит из многих народов многих цветов, многих различных политических и религиозных убеждений. Но в спорте мы должны быть одним миром, чтобы наша молодежь могла совершенствоваться в физической культуре, дружить и расширять социальные контакты. Это идеал. Никто не должен сомневаться в том, что Олимпийские игры когда-нибудь состоятся в Африке или Южной Америке, но ныне настала очередь Москвы пригласить к себе Олимпиаду. Никто сейчас не может предсказать исход голосования, ибо те, кто голосует, по своему разумению определяют, за кого голосовать, но в том, что Москва готова, никто не может сомневаться».

Здесь же, в Торремолинасе, это было первое заявление, которым он хотел сразу как бы задать тональность выступлениям, хотя, как известно, не в Торремолинасе и не журналисты решали вопрос, где быть Олимпийским играм: в Москве или Лос-Анджелесе. Но вольно или невольно вопрос этот интересовал всех участников конгресса. Потому мы везли и альбомы и короткометражный фильм, чтобы журналисты — этот барометр мнений — знали, что такое Москва. А среди участников конгресса многие в Москве еще не бывали.

Тейлор говорил:

— Нас не должны разделять зыбучие пески отдаленности. Мы не должны поддаваться влиянию отдаленности. Журналистам наши читатели верят. Мы все умеем делать. Пресса. Радио. Телевидение. Умные люди — а мы себя считаем таковыми — никогда не конкурируют друг с другом. Много лет назад этим делом занимались только старые, ушедшие от соревнований чемпионы. Сейчас пришло много молодых спортивных журналистов. Поэтому каждый из нас должен иметь перед своими глазами все человечество.

Окончание. См. «Огонек» № 14

В этот же вечер были вручены спортивные премии АИПС. Одну из премий получил Александр Рагулин, представлявший наших хоккеистов. Бегунья из ГДР Рената Штехер. Овацией встретили английского автогонщика Джекки Стюарта. Он стоял с призом на сцене, небольшой, хрупкий, пережидая, когда зал успокоится.

— Для меня этот прекрасный трофей имеет особое значение,— тихо начал Стюарт.— Я ушел из спорта. Это мой последний приз. Все вы знаете, почему я ушел из спорта. Вам могу все же сказать об этом. Я не мог не выполнить просьбу моей жены. Она хочет, чтобы я продолжал жить. — Он поднял над собой врученный ему приз так же, как после своих блестящих побед на автогонках, и сошел со сцены.

...Конгресс вступил в свои берега. Течение его нельзя было назвать спокойным. С трибуны звучали порой неожиданные выступления. Но неожиданные на первый взгляд.

Доктор Роджер Баннистер из Англии посвятил свою речь допингам:

— Допинги содержат вредные для человеческого организма составы, убивающие мужские гормоны. Так называемые стимуляторы влияют на мускульную массу. Нарушают равновесие в организме. Даже то, что регистрируется, трудно поддается изучению. К сожалению, почти семьдесят процентов спортсменов принимают эти стимуляторы. В малых дозах организм еще кое-как справляется, но большие дозы ведут к импотентности. Такие же стимуляторы дают и лошадям, и они также становятся импотентами.

— Как вы собираетесь бороться с этим?— раздался голос из зала.

— Должно быть, самое строгое наказание — отстранение от игр.

Время многое относит. Так, оно отнесло и зловеще-комическую фигуру Стенли Роуза, который еще в то время пребывал в почетной должности президента ФИФА. Он вышел на трибуну и заявил:

— Я не буду отказываться от должности президента ФИФА...

Из зала раздался возглас:

— Вам ее никто не предлагает.

— Это не имеет значения... Я еще могу внести свой вклад... Я готов еще четыре года стоять во главе ФИФА. За двенадцать лет я провел большую работу...

— Хватит,— зарокотал голос из зала.

— Это южноамериканцы хотят захватить власть,— не сдавался Роуз.

— Хватит! Хватит!

Роуз внимательно посмотрел в зал, словно пытаясь увидеть, кто ему мешал говорить, потом пожал плечами и оторвал руки от трибуны.

Участие в конгрессе журналистов Азии, Африки, Латинской Америки во многом определило успех юбилейной встречи. Попытки некоторых ушедших от руководства журналистов замутить воду не были приняты. Пожалуй, это и определило не просто его деловое, но и в известной степени критическое начало. Все участники конгресса с нетерпением ожидали выступлений делегата Канады и Виталия Смирнова, представлявшего на конгрессе официальную часть советского спорта. Все это должно было состояться в последний день конгресса, но перед ним еще оказалось воскресенье. Мы получили приглашение на поездку куда-то в село, где был обещан малый бой быков, причем приглашались в качестве тореро журналисты — участники конгресса. Корриду несколько лет назад я имел удовольствие видеть в Барселоне, и с меня этого было достаточно. Моих друзей в сельском бое быков тоже ничто не привлекало.

Шел восьмой день нашей жизни в Испании, а мы все еще не побывали в Малаге. Автобусом мы направились в Малагу. Был солнечный, теплый день. На улицах Малаги, города с трехсоттысячным населением, главенствовали пожилые туристы, резко отличающиеся от жителей города и одеждой и внешним видом. От автобусной станции, где во всю стену виднелся плакат кинофильма с Элизабет Тейлор в главной роли, к морю шла широкая улица.

Прижимаясь к стенам домов, пожилые женщины продавали лотерейные билеты. У одной, помоложе, на руках был ребенок, он тянулся к билетам, и женщина в сердцах посадила его на тротуар. На площади стояли плохо одетые мужчины, зло смотря на сытых туристов. После двухчасового хождения по городу, по-своему привлекательному и оживленному, нельзя было не заметить, что город наполнен маленькими магазинами, в которых продавались женские гребешки. Черные, белые, коричневые, с перламутром и без него. Тысячи Кармен могли быть счастливы от одного вида витрин. А мужчины прошлых веков были бы счастливы от такого же количества сувенирных кинжалов, шпаг и кортиков. Только ни Кармен, ни Хозе не было заметно, лишь все те же туристы, выходившие из магазинов с лицами, на которых было счастливое выражение исполненного долга. Прошло два часа, и мы снова оказались у автобусной остановки.

Мы и раньше замечали полицейских, бродивших возле нашего отеля. Но теперь их оказалось просто много.

— Что случилось?— спросили мы Найду.

Он пожал плечами.

— Нас охраняют восемнадцать полицейских.

— Что-нибудь случилось?

— Вообще-то да...— ответил Найда.— Пострадал сеньор Лоретти.

Й ОКОЛО МАЛАГИ

На улице Малаги.

— Вот еще не хватало...

Но Найда не разделил наших тревог:

— С ним в деревне сурово обошелся бычок... Иностранные журналисты как-то проворней увертывались от резвого бычка. Сеньора Лоретти он бросил на землю и изрядно помял.

То, что это была правда, я убедился через несколько минут, подойдя к лифту. Я еще не протянул руки, чтобы нажать кнопку, как дверь лифта раскрылась и, опираясь на плечо жены, красивой седеющей женщины, из лифта вышел Лоретти. Лицо его было бледным, а правая нога перебинтована. Вместо туфли к ступне подвязана какая-то странная подошва. Я сочувственно чмокнул губами. Сеньор Лоретти пожал плечами и грустно заковылял к своему номеру.

Наконец заговорили в полный голос и альбомы и фильм о Москве. В последний день слово предоставили Виталию Смирнову. Его короткое, но выразительное выступление сопровождалось шелестом страниц альбома, который только что был роздан участникам конгресса. Не скрою, мы с пристрастием наблюдали за журналистами, рассматривавшими альбомы. Заканчивая выступление, Виталий Смирнов предложил просмотреть фильм о Москве.

...Кажется, ты уже ко всему привык. Все видел, все перечувствовал. Но всегда в каких-то особых обстоятельствах волнуешься, как первый раз в жизни. Так было и сейчас, когда на экране поплыли пейзажи, исторические места и спортивные сооружения Москвы. Что-то не ладилось со светом. Лента выглядела тусклей, чем ей было положено. И все равно фильм смотрели с огромным интересом. А когда экран померк и в зале зажегся свет, раздались дружные аплодисменты.

— Большое спасибо за фильм и альбомы,— обратился Тейлор к Смирнову,— а также за приглашение посетить вашу страну. Господа, Советский спортивный комитет пригласил двадцать журналистов в гости — посмотреть страну и все, что связано со спортом, чтобы могли объективно судить о возможностях Москвы как места Олимпийских игр.

На трибуну поднялся президент Федерации спортивной прессы Канады Марсель Дежарден.

Он начал пространно говорить о том, что делается в Монреале в преддверии Олимпийских игр 1976 года.

— Сколько будет стоить жилье?— послышался вопрос из зала.

— От 39 до 64 долларов в день.

Зал загудел.

— Дешевле невозможно. У нас тоже инфляция.

— При таких ценах может оказаться, что у вас не будет журналистов, особенно из таких бедных стран, как Англия,— бросил реплику англичанин Рестон.

— Если такие высокие цены на жилье, сколько же будет стоить питание, или журналисты вынуждены будут питаться сандвичами?

— Вино не будет стоить так дешево, как в Торремолинасе. Стоимость его будет от трех до пяти долларов,— попытался отшутиться канадец.

— Мы же серьезно спрашиваем.

— А я серьезно отвечаю... Инфляция... Неужели непонятно?

— Вопрос о транспорте. Авиакомпании также увеличивают цены на билеты на пятнадцать процентов. Это особенно отразится на участии журналистов из малых стран.

— Кто это спрашивает?— обратился канадец в зал.

— Мадагаскар!

— Такие высокие цены невозможны для журналистов азиатских стран! Скажите, сколько людей можно разместить в дешевых номерах?

— Кто это спрашивает?

— Миакава из Японии.

— Но вы же знаете, что наши издатели не дадут лишней копейки,— заговорил делегат, сидящий в зале.— А это грозит тем, что многие не смогут побывать в Монреале. Или это делается, чтобы отбить у некоторых стран охоту? Самые бедные страны и журналисты из этих стран не смогут поехать по чисто экономическим причинам. Надо все же искать возможности, чтобы все могли приехать в Монреаль.

— Извините, вы откуда?

— Из Франции.

— Мы не имеем возможности устраивать селекцию. Канада не может платить за всех. Мы также не можем строить специальные дома для трех тысяч шестисот человек. Лучше было б, если бы крупные делегации приехали в Монреаль на своих кораблях.

— А мелкие делегации?

— Я не могу ответить на все вопросы,— сказал канадец и сошел со сцены.

Вслед ему сыпались вопрос за вопросом. Но он только отмахивался, торопливо пробираясь на свое место.

Так, собственно, и закончились в палаццо «Мадрид» дискуссии и выступления на юбилейном конгрессе АИПС.

После решения нескольких организационных вопросов повестка дня была исчерпана.

Журналисты, как правило, лишены излишних сантиментов, поэтому, когда Фрэнк Тейлор объявил, что, собственно, на сем пора расстаться, журналисты обменялись друг с другом рукопожатиями и не спеша направились к автобусу.

Было тепло и чуть пасмурно. Дул свежий ветер.

— Это с Гибралтара,— сказала Мэри-Кармен, последний раз провожая нас в отель.

ЕЩЕ ОДИН ВЕЧЕР В ПАРИЖЕ

На другое утро, заказав такси, одни, без провожающих мы отправились в аэропорт. Девять дней мы жили около Малаги и только два часа бродили по городу, запомнив, пожалуй, больше всего конные кабриолеты со счетчиками, идущие вперемежку с автомашинами по тесным улицам города. Так мы и улетели в печальной неизвестности, не зная, как закончилась криминальная история с налетчиками, изъявшими около полутора миллиона песет из банка. Зеленый автомобиль сменился белым, одна марка — другой, но налетчики бродили где-то в неизвестности. В сети полиции попадала мелкая сошка, вроде студента Мигеля Уэртаса, ограбившего дискотеку, владелицей которой являлась француженка Сюзанна Рибепронь. Бедный студент, прихвативший из кассы француженки какие-то несчастные 7 тысяч песет, попался в течение ближайших двух суток, будучи в сокрушенном состоянии из-за того, что в кассе оказались не ожидаемые 100 тысяч песет, о которых говорил его дружок Диего Ортега, ранее работавший в дискотеке. Мораль отсюда такая: хватай больше, тогда не попадешься.

Улетели мы из Малаги, так и не посмотрев ни одного фильма, несмотря на такие завлекательные названия, как «Пытка», «Превосходный труп», «Окровавленная невеста», «Криминальный аборт»... Пришлось довольствоваться газетами, а они, к сожалению, не могли сообщить о завершающих этапах поимки налетчиков. Последние годы нас так приучили в литературе и искусстве к криминалистике, что волей-неволей и мы стали вроде как ее почитателями.

Недолог полет из Малаги в Париж. Там нас, небольшую группу советских участников конгресса, прямо на аэродроме разобрали друзья. Я снова очутился в руках моего доброго друга, в семье которого мы договорились провести вечер, после чего побродить по ночному Парижу. Друг сам водит машину, поэтому все было просто. В Париже было много прохладней, чем в Малаге. Пешком и на автомашине мы колесили сначала по вечернему, а затем уже по ночному городу, всегда хранящему, несмотря на жгучие гримасы современного пессимизма, вечное очарование. Была уже глубокая ночь, когда мой друг подвел машину по старой узенькой улице к маленькому ресторанчику.

— Поздно же,— ужаснулся я.

— Здесь хозяин происходит с острова Крит... У него всегда горит костер.

Не очень разобрав сути последней фразы, я переступил порог ресторанчика. Здесь в темноте действительно горели не то дрова, не то угли. Вкусно пахло овощами и жареным мясом.

— Извините,— сказал мой друг хозяину ресторана,— кажется, мы слишком поздно.

— Для вас двери всегда открыты,— ответил черноволосый, совсем еще молодой человек.— Прошу,— указал он на стол неподалеку от камина.

Так за терпким критским вином и деревенской закуской просидели мы еще часа два. Рассказав о всех подробностях работы конгресса, о нашем времяпрепровождении, я посетовал на незавершенность истории с ограблением банка. В этом месте моего расказа на лице друга, озаренном красноватым теплом камина, появилась лукавая улыбка.

— И все же ваши налетчики из Малаги просто дети по сравнению с главным налетчиком последних лет.

— Вы одержимы одной идеей.

— При чем здесь идея?! Где вы найдете другого такого, который без применения огнестрельного оружия, без станков, печатающих фальшивые банкноты, без выкраденных на разовое ограбление автомашин систематически вытягивает тысячи и миллионы из банков, причем в валюте разных стран, распространяя свои, сработанные не без помощи ЦРУ и различных антисоветских центров так называемые «сочинения»? А вы говорите, налетчики, ограбившие банк в Малаге?! Да они по сравнению с Солженицыным воспитанники детского сада!

Мне оставалось только согласиться с тирадой моего друга. А совсем недавно, находясь в Токио, пришлось и снова вспомнить его, когда вместе с профессором Нодзаки мы оказались в большом книжном магазине, где на низкой полочке особняком лежало несколько книг Солженицына на японском языке.

Откровенно стесняясь, что об этом приходится говорить, профессор сказал мне:

— Видите ли, интерес к писаниям Солженицына да и к нему самому заметно падает... Но все равно его пока еще издают, так как в мире немало людей, которым выгодно распространять все, что связано с антисоветизмом, а попутно и зарабатывать на нем. Идемте, я покажу вам хорошие книги,— вдруг решительно проговорил профессор, и мы перешли к другому прилавку, возле которого толпилась японская молодежь.

ИСПАНИЯ В ЭТИ ДНИ

...Прошел год с тех пор, как я второй раз побывал в Испании, а все помнится прохладная весна возле Малаги и седые волны Средиземного моря, раскатывающиеся по пустынным в ту пору пляжам. И хотя мы жили тогда в стороне от больших политических событий, происходивших в ту пору в Испании, все равно не могли пройти мимо них, ибо их раскаты, как раскаты весеннего грома, доносились и до нашего отеля «Лас Эстрельяс», тщательно охраняемого полицейскими. Мы были в Испании буквально накануне исторических событий, которые грянули вскоре на отрешенной, казалось бы, от революционных перемен земле Португалии. Но пример Португалии, пример событий, происшедших поблизости, и в Греции, не пропал да и не может пропасть бесследно и для Испании. К ней прикованы сейчас пытливые глаза тех, кто с сочувствием следит за борьбой прогрессивных сил, пытающихся вернуть народу Испании свободу.

Разрешу себе снова обратиться к зарубежной прессе.

Корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс Фентон Уилер сообщал недавно из Мадрида.

В первый месяц 1975 года в Испании состоялось беспрецедентное число все еще запрещенных в стране забастовок. Они потрясли и без того уже ослабленную экономику страны и поставили правительство перед вероятностью самого беспокойного года трудовых конфликтов за многие десятилетия.

Как говорят представители правительственных и неправительственных кругов, эта волна трудовых конфликтов объясняется тем, что рабочие проявляют новую боевитость, которая идет дальше экономических требований.

«Мы знаем, что забастовки объясняются экономическими и политическими мотивами,— говорит один высокопоставленный представитель правительства.— Но политическая борьба, в частности борьба за расширение профсоюзных свобод, сейчас выходит на первое место. Мы ожидаем волнений».

Например, в баскской провинции Бискайя на этой неделе забастовали почти 8 тысяч рабочих 16 компаний. В четырех баскских провинциях Испании в двухдневной политической забастовке, состоявшейся ранее в этом месяце, участвовало более 200 тысяч человек.

В первые дни 1975 года были забастовки в автомобильной промышленности, на судоверфях, на рудниках и заводах обрабатывающей промышленности, а также в сельском хозяйстве.

Один из самых значительных трудовых споров возник, как обычно, в консервативной провинции Наварра, на севере, когда 45 горняков государственного рудника, на котором добывается поташ, игнорировали правительство и провели 15-дневную забастовку. Больше 20 тысяч других рабочих забастовали в знак солидарности с горняками.

30 католических священников заняли канцелярию епископа Памплоны, чтобы провести в ней голодовку сочувствия. Должностные лица правительства говорят, что такие действия пять лет назад были бы немыслимы.

Волнения среди рабочих осложнены, как считают специалисты, самой большой с 40-х годов безработицей, самым сильным ростом инфляции со времени гражданской войны в Испании, сокращающимися национальными резервами, уменьшившимся туризмом, возвращением испанских рабочих на родину из-за спада за границей.

Но в Южной Испании, в особенности в сильно пострадавшей строительной промышленности, безработица, по сообщениям, превышает 7 процентов. В газетных сообщениях говорится, что там не имеют работы 87 тысяч человек.

В последнем квартале 1974 года продажа легковых автомашин сократилась на 20 процентов. Туризм сократился в прошлом году на 10 процентов.

Больше 1 миллиона испанцев работает за пределами Испании, в Европе, и посылает на родину часть заработной платы, что вносит значительный вклад в валютный баланс страны. Но в прошлом году ежегодная эмиграция 100 тысяч человек прекратилась из-за иностранных ограничений, и в некоторых экономических кругах сообщают, что гораздо больше испанцев вернулось на родину.

Газета «Юманите» опубликовала недавно статью Марселя Вэйрие «За свободную Испанию».

Завтра Верховный суд Мадрида должен рассмотреть ходатайство об отмене приговоров, вынесенных 20 декабря 1973 года «десяти подсудимым из Карабанчеля». 10 рабочих активистов (в том числе один священник) были приговорены тогда в общей сложности к 162 годам тюремного заключения в атмосфере фашистской истерии. Специальные группы убийц грозили ворваться в зал судебного заседания и расправиться с обвиняемыми и их адвокатами, чтобы отомстить за адмирала Карреро Бланко, председателя правительства и назначенного преемника Франко, который был убит в тот же день на улицах столицы.

В Испании, переживающей период перемен, этот судебный процесс стал символом борьбы за демократию, против диктатуры. Режим пытается уцелеть, прибегая к старым методам репрессий и террора. Но преступление больше не окупает себя.

История шла своим путем. Капитализм развивался в Испании с некоторым опозданием, менее быстро, чем в других странах, но достаточно быстро для того, чтобы породить новые социальные слои, готовые потребовать отчета, потребовать уничтожения устарелых структур, не приспособленных к современному миру.

Среди 5 миллионов промышленных рабочих, 4 миллионов служащих учреждений, представителей свободных профессий, студентов, крестьян-бедняков есть бесчисленное множество тех, кто соревнуется с Камачо, с молодежью из Карабанчеля.

На смену жертвам встает отныне доблестный и уже опытный пролетариат, и немалая заслуга Коммунистической партии Испании состоит именно в том, что она, принеся много жертв, мобилизовала столько активистов, чтобы добиться подобного результата.

Это и есть Испания, прошедшая кровь, смерти и муки; Испания открытого сердца и горячих рукопожатий, которые каждый из нас ощущал, находясь в Мадриде, Барселоне и даже в маленьком городке Торремолинасе, всегда живет и вечно будет жить в сердце каждого из нас!

Торремолинас — Москва.
1974—1975

Аурель Бернат. ПАРК В ПЕШТЕНЕ. 1935.

Аурель Бернат. АЛИСА И МАРИЛИ В КОМНАТЕ. 1948.

БАЛАТОНСКИЙ ПЕЙЗАЖ С ВИЛЛОЙ, УКРАШЕННОЙ БАШНЕЙ. 1953.

Венгерская
Национальная
галерея.

БЕРЕГ

Юрий БОНДАРЕВ

РОМАН

Рисунки И. ПЧЕЛКО

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Между тем игра в карты кончилась. Меженин, потный, возбужденный проигрышем, небрежно подгребал ворох рейхсмарок в сторону Княжко, а тот, засунув пальцы под ремень, легонько покачиваясь вместе со стулом, отсутствующе смотрел вверх, на абажур керосиновой лампы; старший лейтенант Гранатуров, в расстегнутой гимнастерке, мыча невнятный мотивчик, притопывая ногой, устанавливал на тумбочке патефон, взятый батареей в качестве трофея еще в Польше; дежурный связист убито спал за низеньким столиком под книжными полками, всхрапывал зверскими переливами, одна щека его вдавливалась в пилотку, положенную на полевой аппарат.

— Проводил-таки? Ну и как, Никитин?— подозрительно спросил Гранатуров.— Силен, силен, мушкетер! Тихой сапой действуешь?

— Не понял,— сказал Никитин.— Проводил до калитки и немного подышал свежим воздухом. В городке тишина, великолепная ночь. С какой стати, комбат, вы взялись за патефон? Все спят, солдат разбудите...

— Залпом «катюш» их не разбудишь, не то что музыкой! Храпом, дьяволы, пять патефонов заглушат — не почешутся! Ничего, под песенки крепче спать будут,— успокоил Гранатуров и, продолжая притопывать ногой, начал перебирать пластинки.— По-польски тут... Вечерна година, значит — вечерний час? Как это, Никитин, ничего? Танго бы или что-нибудь душещипательное под настроение. Верно?

— Ставьте эту,— посоветовал Никитин и подошел к камину, потрогал на нем бронзовые статуэтки весталок.— Не ошибетесь.

Гранатуров поставил зашипевшую под иглой пластинку, грузно повалился в кожаное кресло так, что звякнули пружины, сполз в нем поудобнее, расслабил перевязь раненой руки, вытянул ноги и по-озорному заулыбался своими слепящими зубами, поглядывая на Княжко, на Никитина, сказал:

— А ничего живем, славяне. Роскошный дом, пиво, музыка, и война в зад не кусает. Ах, хорошо, братцы! И вот что скажу я вам, господа русские офицеры, заслужили мы божеский отдых, судьба нас приласкала — целыми остались, есть с чем в Россию вернуться. Главное — башка на плечах. Еще бы так месячишко отдохнуть и покантоваться, а потом — назад, в Смоленск, к родным березам! Ах, хорошо, братцы! Меженин!— крикнул он.— Давай-ка по-аристократически этот камин растопим! Дрова где-нибудь здесь есть? Под музыку огонек здорово пойдет. Жизнь мы заслужили, братцы! — сказал Гранатуров снова, заваливая голову назад и постукивая ногтями в подлокотник под ритм музыки.

— Музыка есть, а танцев не получается.— Меженин сгреб всю кучу рейхсмарок на конец стола подле Княжко и не без огорчительной досады от полного проигрыша, договорил натянутым голосом: — Ваши гроши, без дураков. Законно выиграли, накатило вам. Что будете делать с ними?

Княжко, не переменив отсутствующего выражения лица, взад и вперед раскачивался на стуле, рассеянно слушая музыку, глаза его смотрели в одну точку перед собой; и он ответил после молчания:

— В камин. Растопите камин.

— Не раскумекал, товарищ лейтенант.

— Так вам будет спокойнее, Меженин. Попробуйте-ка растопить рейхсмарками камин,— повторил Княжко задумчиво.— Я сжигаю свое мифическое богатство. Выигранное у вас.

— А-а, вон как вы решили? Чтоб, значит, дьявол не попутал? А нам — что! Сожгем! Было бы приказано!

С азартным согласием Меженин примерил расстояние до камина и стал незамедлительно швырять на его железную решетку груды рейхсмарок, затем поднес огонек зажигалки к пухлому вороху купюр, повел огоньком по краю бумаг. Купюры, тронутые пламенем, неохотно зашевелились, с шелестом загибаясь по углам, чернея,— и разом вспыхнули живым костром, снизу озарив весело-злое лицо Меженина.

— Вот еще,— и Никитин ногой подбил к камину мешок с оставшимися рейхсмарками.— Бросайте в огонь все.

— А, может, оставим на всякий случай? Как?— с надеждой спросил Меженин и вприщур глянул на книжные полки.— Вон топливато сколько, на год хватит, и еще останется.

— Делайте, что говорят, сержант. Все деньги в камин!

— Эх, и люблю же я вас, господа русские офицеры,— сказал Гранатуров размягченным тоном.— Люблю и уважаю вас, дьяволы... Братцы, спокойненько и тихо послушаем пластиночку. Помолчим малость.

Запахло в комнате дымком, теплым горьковатым пеплом, повеяло по ногам жаром огня, и забегали вихорьки пламени на железной решетке, и был домашний свет зеленого абажура над столом, и золотисто подсвечивались и камином и лампой корешки книг на полках, и стояла тишина во всем доме, и шипела заигранная донельзя пластинка, и женский голос пел на чужом языке, в котором звучали и горькая и счастливая влюбленность в поздние сумерки после разлуки и исступленное ожидание невозможной встречи, и лейтенант Княжко, заметный узким мальчишеским лицом, легонько раскачивался вместе со стулом, и старший лейтенант Гранатуров полулежал в кресле, матово-смуглый, с косыми бачками, погруженный в мечтательное состояние умиления,— все на мгновение представилось Никитину где-то виденным, бывшим где-то, как будто очень давно знал эти лица, и очень давно, тысячу лет назад, сидел вот в такой же чужой комнате с диваном, книгами, стеклянным абажуром и видел профиль Гранатурова сбоку патефона, вблизи влюбленного женского голоса, его забинтованную руку на перевязи, задумчивые глаза Княжко, Меженина на корточках, который пачками вынимал из мешка рейхсмарки и подкладывал их в огонь.

И прежде Никитин раза два ловил себя на этом зыбком ощущении, поражавшем его смутной знакомостью секунды: так или похоже было... Где? Когда? Но никогда в его жизни не было подобного немецкого дома с библиотекой и камином, где весело горели вместо дров новенькие немецкие деньги, никогда не было такого мертвящего, беспредельного покоя в мире, словно минуту назад кончился бой на улицах городка и оглушающая тишина, заполнив ночь, пала за окнами внезапно...

Женский голос уже кончил петь на польском языке о вечерних сумерках, когда она ждала его и он не приходил, рассыпались, обреченно упали и сникли звуки аккордеона, лишь шипела пластинка, вращаясь. Все молчали. Глядели на камин, на красные и невесомые взлеты пламени, до глухоты закованные ошеломляющей тишиной, мнилось, впервые ночью услышанной, поэтому опасной, как обман судьбы, как ложная надежда в десятках километров от войны, которая вроде бы исподволь, коварно испытывала их двумя беспечными днями блаженства. Пластинка перестала крутиться, остановилась, скрипнув иглой. И стало слышно порхание огня, мышиное шевеление сгорающих бумаг на решетке камина, куда, ни слова не говоря, подбрасывал рейхсмарки Меженин. Гранатуров очнулся первый, подтянул руку перевязью, в раздумчивости соединил косяком брови, и Княжко, теперь не качаясь вместе со стулом, вопросительно покосился на задернутые шторы, откуда вплотную подступала непривычная мертвенность ночи, без единого движения во дворе. Это было наваждение замороженного безмолвия, какое бывает в лунные ночи на передовой, околдовывающие траншеи немотой распростертого затишья, и Никитин, не слыша шагов часового под окном, подумал: «Заснул он, что ли?»

— Что такое? Кто там по дому шляется? Сортир никак кто ищет? — вдруг вполголоса сказал Меженин, обладавший звериным чутьем и слухом, и настороженно повернулся от камина к офицерам.— Ну и тишина. Ровно по кладбищу мертвец ходит...

— Проверьте-ка часового, Меженин,— сказал Никитин,— а то, похоже, все умерли в доме. В том числе и часовой.

— Сейчас проверить?

— Сейчас. Выйдите и посмотрите.

И тотчас, как только вышел Меженин, Княжко поднялся, оправил пистолет на боку, как всегда, упруго и подобранно натянулся в струнку, сказал серьезно Никитину:

— Мне пора во взвод. А часовых проверять не мешало бы каждую ночь.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12—14.

Тогда старший лейтенант Гранатуров, еще пребывая, еще нежась в состоянии расслабленного умиротворения, задвигался атлетическим телом в кресле и, потягиваясь, заговорил благодушно:

— Не торопись, Княжко. Ничего с часовыми не случится. Уйдешь — скучно мне будет. Ей-богу! Посидим ради компании. Вот я тебя люблю, лейтенант, несмотря ни на что, а ты меня — не очень, как вижу. Кто старое помянет — тому глаз вон! Братцы, заведем еще какую-нибудь душещипательную...

Но он не закончил фразу: бегущий топот над головой, глухие вскрики донеслись со второго этажа, хлопнула верхняя дверь, затем точно чем-то толстым, ватным задушило вверху голоса — и Княжко, мельком взглянув на потолок, обратил спокойные зеленые глаза на Никитина, проговорил:

— По-моему, с твоими славянами происходит что-то... Не слышишь?

— Никто там у тебя шнапса не перехватил на трофейную дармовщинку? — спросил Гранатуров снисходительно.— Стекла не побьют, черти-лошади?

— Ерунда! Что там может быть? — выговорил, пожав плечами, Никитин; он хорошо знал, что на втором этаже, прямо над кабинетом, его комната, никто из взвода не располагался рядом, и никто в его отсутствие не заходил туда без надобности.— Подожди, я посмотрю и провожу тебя,— сказал он Княжко и пошел к двери, несколько тоже обеспокоенный непонятным шумом, голосами наверху.

В коридоре было тихо, темно, пахло душным деревом и солдатскими сапогами, в нижних комнатах разносился заливистый храп, сочное почмокивание, бормотание спящего взвода, и не слышно было ни шагов, ни шороха на втором этаже, на мансарде, куда вела деревянная лестница из закутка коридора за чуланом кухни.

— Меженин!— окликнул наугад Никитин в потемки спертого воздуха нижних комнат.— Где вы там?

Ответа не последовало.

Он подождал, уже озадаченный, и ощупью стал подыматься по шаткой винтовой лестнице на второй этаж, и тут, на темной площадке, остановился, прислушиваясь к тишине мансарды.

В следующую минуту он явственно уловил слухом какое-то протяжное, животное мычание, слабый, вырвавшийся стон из-за дверей своей комнаты, задавленный тяжелой возней, задыхающимся, хриплым шепотом: «Дура, дура, молчи, сволочь!»— и совсем не понимая, что здесь случилось, в чем дело, не понимая, кто мог быть ночью в его комнате, с ударившим приливом крови в висках сильно толкнул дверь мансарды.

— Кто тут?..— крикнул он.

Лунный свет в широкое окно обнажал половину комнаты, синей полосой отражался в зеркальной дверце открытого бельевого шкафа, скомканная груда одежды валялась на полу около опрокинутого венского стула, а на кровати в глубине мансарды возился, мычал, боролся, трещал пружинами неясно чернеющий комок тел, и первое, что отчетливее успел заметить он, было что-то задранное, круглое, белое, похожее на женское колено, которое вздергивалось, елозило, высвеченное луной, по одеялу, по краю сползшей к полу перины, и там, оттуда, от чернеющей груды тел, выдавливались, как из-под толщи подушки, зажатые вскрики:

— Nein! Nein! Nein!..

— Кто тут, черт возьми!..

И Никитин, ужасаясь тому, что сейчас, через секунду увидит кого-нибудь из солдат своего взвода, потихоньку затащившего немку сюда, на свободную мансарду, и, взбешенный этим предположением, кинулся к кровати, грубо рванул кого-то в темноте за крутое плечо, и, рванув, мгновенно узнал охрипший, пресекающийся руганью голос Меженина, квадратной массой отскочившего от постели: Меженин угрожающе возник перед ним в косяке лунного света — стеклянными шарами перекатывались сумасшедшие глаза на призрачно белесом его лице, чернел рот, раскрытый судорожным дыханием.

— Меженин! — отчаянно крикнул Никитин.— Ты что? Обезумел?

— Не лезь, лейтенант... Не мешай, лейтенант...— хрипел ему в лицо Меженин, обдавая удушливым махорочным перегаром.— Не лезь!.. Уйди! Какое твое дело, лейтенант? Уйди отсюда... уйди, уйди, по-человечески говорю!..

Нечто омерзительное, оголенное, как звериный оскал безумства, проглядывало в этом остекленелом мечущемся взгляде Меженина, в этом полоумном его бормотании, и Никитин, опаленный приступом отвращения и гнева, изо всей силы оттолкнул его от кровати, крича:

— Спятил? Кто эта немка? Откуда? Как она оказалась здесь?

— Шпионка, стерва, в дом пробралась...— просипел Меженин и, вроде сообразив, что надо теперь делать, с придыханием матерясь, бросился к постели, дернул на себя подушку, прикрывающую грудь без движения лежавшей навзничь женщины, цепко схватил ее за руку, рывком сорвал с постели.— Вставай!.. Говори! Зачем пробралась в комнату лейтенанта?.. А? Планшетку с картой стащить хотела? Говори, вражина, шпрехай, шпрехай, говорят!

Он так крепко держал, стискивал ее кисть, что она тоненько, жалобно вскрикнула, вся выгнулась назад: «Nein, nein!» — и при лунном свете увидел Никитин ее загнутую шею, молоденькое бледное лицо, зажмуренные от боли глаза, ее длинные, почудилось, синеватые волосы, некрасиво, растрепанно свесившиеся на одну сторону.

— Отпустите ее руку! Что вцепились в девчонку? Вы! Сержант!..— скомандовал Никитин неостывшим голосом.— Какая еще к дьяволу планшетка? Ерунду городите, планшетка всегда со мной! Как вы ее здесь застали? Что она здесь делала?

— Хрен ее знает, как сволочуга оказалась... Шкаф открыла... вещи выбирала... Вошел, а она окно пыталась открыть...— говорил Меженин, прерывисто и, выпустив кисть немки, пинком ноги разбросал тряпки на полу, а немка загнанным зверьком вдруг прижалась спиной к стене, затрясла головой, дробно стуча зубами, всхлипывая, повторяла стонущим шепотом: «Nein, nein, nein!»

— Заткнись, сука!— заорал с расхлестнутой свирепостью Меженин.— Завела свое «найн», как шарманка! Скажи лучше, зачем сюда пришла? Откуда пришла? Как?

— Не кричите, Меженин! Что она вам ответит, если не понимает по-русски! — И Никитин, еще не зная, что нужно предпринять, как поступить, безуспешно подыскивая неповоротливые в памяти известные немецкие слова, выговорил наконец: — Вер зинд зи, фрау... то есть, кто вы... откуда? Вер зинд зи?..

Немка звонко выстукивала дробь зубами, вжималась дрожащим телом в угол, и когда что-то ответила слабым глотательным звуком непонятное Никитину, он поймал только единственно знакомое слово «хауз» и требовательно переспросил:

— Хауз? Вер зинд зи? Варум хауз?

— Лейтенант! Слышь? — внезапно крикнул Меженин, срываясь к окну, и заколотил кулаком в задребезжавшую раму, распахнул одну половину.— Кажись, тревога!

В этот же миг внизу, под окнами, раздались голоса, суматошное топанье ног, следом взвился пронзительный окрик: «Стой, стой, стрелять буду!» — и клацнул затвор, опять затопали, забегали около дома, сверкнула зарницей багровая вспышка, прогремело, оглушило звоном, и в оглушенной винтовочным выстрелом тишине послышались тупые удары, ругательства, чей-то задавленный взвизг, потом на нижнем этаже заревел бас Гранатурова:

— Часовой! Сюда его, сюда! Кто такой? Тащи его, если жив!..

— О, Ku-urt! Ku-rt!— рыдающе вскрикнула немка и вытянутой тенью скользнула к окну, перевесилась вниз, по-детски затряслась, захлебнулась воплем и плачем:

— Bitte, nicht schießen! Kurt, Kurt!..[1].

— Меженин, ведите немку вниз! Быстро!

Никитин скомандовал это, сбегая по винтовой лестнице в густые потемки первого этажа, где потревоженно гудел из комнат говор разбуженных солдат, наткнулся на кого-то впотьмах, кажется, на заспанного Ушатикова, выскочившего в коридор («Тревога? Немцы?»), увидел настежь раскрытую дверь гостиной, хаотичное движение фигур за порогом и ощутил едкую тесноту в груди, какая бывает при настигшей неизвестности, молниеносно и неотвратимо изменяющей обстановку.

Когда он вошел, Княжко и Гранатуров уже стояли посреди комнаты, напряженные, хмурые, оба смотрели то на возбужденного часового, еще державшего карабин на полуизготове, то на безобразного своей крайней худобой мальчишку-немца лет шестнадцати, в очках, одетого в широкий не по размеру немецкий мундир, неимоверно грязный, прожженный на боку, свисающий на острых плечах; его огромные, покрытые пылью сапоги кругло расширялись нелепыми раструбами голенищ вокруг тощих ног, и видно было, как крупно ходили дрожью колени, обозначенные пузырями солдатских брюк.

Мальчишка этот, затрудненно дыша, облизывал растрескавшиеся губы, полузакрытый прилипшими волосами лоб лоснился обильным потом, острый носик на давно не мытом его лице восково выделялся, словно у мертвого.

— Ну? — густо прогудел Гранатуров и приблизился к немцу, сверху вниз окинул его черными, прожигающими глазами.— Откуда ты такой гусар, вояка появился? Вервольфик? Ну? Где оружие? Обыщи-ка его подробно!— приказал он часовому.— Всего обыскать, ясно? Выверни его наизнанку!

Часовой сделал грозные глаза, закинул за спину карабин и рыскающими жестами стал ощупывать, выворачивать карманы немца, объясняя при этом жаркой скороговоркой:

— Стою, луна как раз взошла... Слышу, шебуршит за домом, думаю — должно, кошка, или собака, или кто из наших по нужде вышел. Обыкновенное дело... Глянул — а под яблоней за домом фигура стоит и, похоже, на окно вверх смотрит. И очки под луной — сверк, сверк!.. Не-ет, думаю, очкариков в нашем взводе сроду не было. Выскочил из-за угла, ору: «Стой, стрелять буду!» А он — наутек, я в небо пальнул — и за ним. Подмял его, а он, гаденыш, визжит и — за руку укусил! Стукнул я его по шеям, конечно...

Поочередно выложив на стол донельзя несвежий, ржавого цвета носовой платок, солдатскую зажигалку-снарядик, смятую пачку сигарет «Юно», кучку пистолетных, маслянистых патронов, облепленных галетными крошками, маленькую фотокарточку в целлофане, все содержимое карманов немца, часовой старательно почистил руку о полу шинели, с видом доказательства показал Гранатурову запястье, пояснил озлобленно:

— Так в мясо зубами и впился, клеща немецкая! Из лесу, видать, вервольф, разведчик, не иначе — разнюхивал. Змееныш, а навроде пацан?

— Все? — спросил Гранатуров, сверху вглядываясь в низко опущенную голову немца.— Значит, оружия нет? А ну-ка, часовой, осмотрите как следует место, где его схватили. Может, там что осталось.

— Слушаюсь. Сейчас мы.

Часовой пошел от немца боком, потом усердно затопал кирзовыми сапогами к двери и здесь на пороге оторопело посторонился перед Мeжениным, пропустив его; а тот, поигрывая желваками, втолкнул в комнату очень молоденькую немку, почти девочку, простоволосую, испуганную, в разодранном до бедра, ужасающе нечистом платье,— она будто из последних сил продвигалась по расшатанной жердочке через пропасть, балансируя над гибельной высотой, отчего неприятно были видны напрягшиеся ключицы в разрезе незастегнутого платья; пухлые искусанные ее губы вздуто чернели, как рана. Увидев мальчишку-немца, она вскрикнула задохнувшимся шепотом:

— Kurt! Kurt!..

И зажала ладонью рот, с отчаянием наклоняясь вперед, точно вдавливая рыдания в себя, а он, сгорбленный, повернул к ней грязное птичье личико, тряско запрыгали очки на восковом остреньком его носу, но не ответил ничего, только трудно сглотнул,— кадык бугорком пополз по горлу.

Никитин, еще помня белую коленку, елозящую по одеялу, задушенный крик «найн», смотрел на эту растрепанноволосую, некрасивую в своем разъятом страхе, молоденькую

[1] Не стреляйте! Курт, Курт!..

немку, на этого ссутуленного, безобразного в своей худобе и внешней воинственной нелепости мальчишку-немца, зачем-то ночью оказавшихся здесь, в занятом его взводом доме,— и все яснее чувствуя взаимосвязь между ними, проговорил спешно, опережая объяснения Меженина:

— Комбат, немку обнаружили в моей комнате...— Он запнулся и не назвал Меженина, чтобы сейчас не касаться некстати обостряющих положение обстоятельств.— В первую очередь надо выяснить... Непонятно, зачем ей надо было брать белье в шкафу...

— Она? Была в твоей комнате? — проговорил Гранатуров, ожигая испытывающими глазами немку.— Она? Каким образом? Откуда? Так вот, допросить их, допросить немедленно! Выяснить, кто они? Кто послал их? С какой целью? Лейтенант Княжко!..— Он властно взглянул на хмурого Княжко, ни звука в этом разговоре не вымолвившего, и добавил, как бы приготовленный разозлиться:— Ты у нас по-немецки соображаешь. Давай. Допроси их. Давай, Княжко, приступай!— поторопил он той приказывающей интонацией, в которой было и предвкушение сурового развлечения и опыт человека, взявшего на себя привычную ответственность.— Действуй, я буду вопросы задавать. Сейчас все выясним, зашпрехают гады, как миленькие!

Княжко поморщился.

— Я имею достаточное представление, какие следует задавать вопросы. Это во-первых. Во-вторых, когда мы с вами перешли на «ты»? Сегодня?

— Ладно, ладно в бутылку-то лезть! Выкать буду. Ладно.

— Благодарю.

И лейтенант Княжко, весь суховато упрямый, до предела заталенный ремнем и портупеей, шагнул к пленным и сейчас же заговорил по-немецки, обращаясь то к несуразно тощему юнцу, то к молоденькой немке, произнес несколько фраз довольно спокойно. Никитин разобрал одно знакомое слово «наме»,

понял, что он спрашивал имена, фамилии, увидел, как набряк страхом взгляд немки, как еле разлепились опухшие ее губы, и она ответила тающим шепотом:

— Emma... Herr Offizier...

Юнец молчал, туго глотая, точно воздух не мог из груди вытолкнуть, лишь челноком ползал по горлу кадык, и тогда Гранатуров, нависая над ним из-за спины Княжко, сильно ткнул пальцем ему в плечо:

— Что онемел, сосунок! Курт — твое имя! Так?.. Спросите-ка его, из вервольфа он? Из леса? Сколько их там?

Но Княжко оборвал его холодно:

— Вот что, товарищ старший лейтенант, если вы будете перебивать меня и тыкать в пленного пальцем, я прекращу допрос.

— Ладно, ладно! — зарокотал недовольно Гранатуров.— Цирлиха-манирлиха много, как вижу. Что они с нами сделали бы, если б мы у них в лапах оказались? На огне бы поджарили!

— Кишки через нос потянули бы — и плакать не дали! — напористо вставил Меженин.— Да и немочка — фрукт: ишь, козочкой притворяется. Шпионка, сука!

Он топтался позади немки, поводил задымленными глазами по ее спутанным космами неопрятным волосам, по узеньким бедрам, по ее полным в икрах и тонким в лодыжках ногам. Он, видимо, не хотел простить и себе и этой невзрачной немке ее сопротивления в мансарде, тот крик сквозь толщу подушки — и, самолюбиво уязвленный, мстил ей и словами и взглядом злобы, которая была понятна Никитину.

«Что за ересь говорил он мне наверху? — подумал Никитин, опасаясь вспоминать скользкую черноту недавнего на мансарде.— В чем я могу его обвинить? В попытке изнасиловать вот эту немку? Но он не боится меня, потому что никто ничего не видел, а к немцам нет сочувствия ни у кого. Неужели я посочувствовал ей?»

За стенкой, в коридоре нижнего этажа, пронесся шум голосов, засновали шаги людей, дверь приоткрылась — в проем всунулось пожилое серьезное лицо командира четвертого орудия старшего сержанта Зыкина, он доложил сумрачно:

— К нам патрули прибыли! Кто стрелял, спрашивают. Враз прибежали!

— Поговори с ними, Никитин,— приказал Гранатуров.— И много не объясняй, не распространяйся, сами разберемся!

Никитин вышел в коридор, где желтым пламенем чадила немецкая жировая плошка, поставленная на тумбочке под вешалкой, и горели плошки в двух комнатах — там шатались по стенам тени взбудораженных солдат; около входной двери темнели три незнакомые фигуры в плащ-палатках, тускло поблескивало оружие. Сразу же к Никитину выдвинулся один из них, судя по фуражке, офицер, прямой, сухощавый, спросил с начальственным требованием:

— По какой причине на вашем участке возникла стрельба, товарищ лейтенант? Кто стрелял?

— Ничего особенного,— ответил Никитин, соображая, что объяснять подробности, значит — усложнять все, заранее вмешивать дотошную, всегда придирчивую комендатуру в дела батареи.— Перестарался часовой. Сами выясним причины.

— Открывать стрельбу ночью в немецком городе — это не «ничего особенного», а ЧП,— неподатливо возразил офицер.— Вчера, например, обстреляли штабную машину в лесу, да будет вам известно. Один наш солдат убит, двое офицеров тяжело ранены. «Ничего особенного...» Все трезвы в вашей батарее?

И он с недоверием приблизил свое строгое, немолодое лицо, беззастенчиво принюхиваясь к дыханию Никитина, затем оглянулся на солдат: они уже группами столпились в дверях комнат, смотрели оттуда объединенно и недобро, а старший сержант Зыкин в угрюмой замкнутости каменно уставился на огонек плошки. Взвод, не сговариваясь, общим молчанием поддерживал Никитина перед чужим начальством, хотя сейчас он сам до конца не сознавал, почему лгал офицеру из комендатуры и почему полностью не верил в серьезность того, что мог по долгу службы предполагать патруль.

— Насчет выстрела мы разберемся,— проговорил Никитин.— Больше вопросов нет? Я должен идти.

Офицер выждал немного.

— Смотрите, лейтенант, смотрите в оба! Распущенность в условиях Германии, знаете, до чего доводит?

— Будем смотреть в оба. Знаем.

Когда же патрули выходили, мимо них боком вскользнул, суетливо втиснулся клином меж их телами часовой, едва не запутавшись в плащ-палатке офицера, что заставило его удивленно откачнуться, загремел сапогами по коридору к Никитину, выговаривая на бегу:

— Нету, ничего нету, товарищ лейтенант!

— Голову сломите! — остановил его Никитин.— Как следует осмотрели вокруг дома?

— Чисто, на карачках по всем уголкам облазил, товарищ лейтенант. Ничего нету!

— Хорошо, идите на пост. И не дремать, ясно? — И, подумав, сказал ожидавшему приказаний Зыкину: — Проверьте часовых у орудий, пока тревоги не было.

В столовой продолжался допрос.

Мальчишка-немец, заикаясь, опустив маленькую птичью голову, отвечал на вопросы Княжко, очки сползали на кончик остренького потного носа, он с робостью глотал слюну в паузах между словами, вид его был все так же нелеп, жалок, пришиблен, и Княжко не перебивал его, выслушивал сосредоточенно-упрямо после каждой своей фразы.

Гранатуров, придерживая здоровой рукой раненую руку, ходил по комнате, мерил ее шагами, то и дело глыбообразно возвышаясь позади Княжко, подозрительно гмыкал, издавал горлом густые мычащие звуки, одними этими звуками сомневаясь, не доверяя робкому лепетанию на немецком языке, которое, казалось, не могло быть доказательным, обмануть его, как и пришибленный вид пленного. Меженин стоял за спиной немки, презрительно оглядывал ее с ног до головы, ее разодранное на бедре платье, и это явно мстительное, раздевающее презрение его было отвратительно Никитину — не исчезал, не выходил из памяти обезумелый удушающий табачным перегаром сип Меженина в мансарде: «Уйди, лейтенант, уйди, не мешай, говорю!»

— Громче, сосунок! Не нуди! — грозно скомандовал Гранатуров, оборачиваясь к уныло поникшему под его командой немцу.— Что шелестишь, как мышь в крупе? Конкретно спросите его, Княжко! Из верфольфа он? Да или нет?..

Стало тихо. Немка всхлипнула, и увеличенные глаза ее, наполненные влагой, еще больше расширились, замерли на нетерпеливо-требовательном лице Гранатурова — гулкий раскат его баса повторным громом ударил по комнате:

— Конкретно: да или нет? Фашист он или сосунок всмятку? Каким образом оба очутились в этом доме?

Княжко покривился, будто от тупой боли, сказал бесцветным голосом:

— Перестаньте кричать, как на базаре...— Он говорил спокойно, но в тоне его накалялась тихая ярость.— Курт по фамилии Герберт, шестнадцати лет, месяц назад взят в вервольф, в боях не участвовал. Во что, впрочем, можно поверить. Дальше. Курт Герберт — родной брат этой девушки, Эммы Герберт. О чем сказали оба.

— Брат и сестра? Хо-хо! Знаем мы это! А, видать, спят в одной постели,— проговорил Меженин зло, однако Гранатуров, заглушая его, настойчиво повторил вопрос:

— Каким образом оба очутились ночью в этом доме? Цель? Какая цель была у обоих?..

— Вы что, меня допрашиваете? — спросил без интонации в голосе Княжко, и тихая ярость все упорнее нарастала в его глазах.— Так вот, слушайте внимательней! Как заявили Эмма Герберт и Курт Герберт, они хозяева этого дома. Представь, обнаружились хозяева.— Княжко вскользь усмехнулся Никитину, перевел дальше: — Жили здесь втроем с дедом, как я понял, с отставным полковником. Großvater ist Oberst? [1] — быстро спросил он обоих по-немецки, еще раз уточняя для себя, и в ответ молоденькая немка как-то уж очень поспешно закивала ему, лепеча с надеждой и заискивающим согласием: «Ja, ja, Oberst... Reichswehr» [2]. Да, отставной полковник, семидесяти пяти лет. Месяц назад выехал, а точнее, конечно, удрал в Гамбург, поближе к англо-американцам. Вероятно, как я думаю, боялся нашего прихода. Эмма Герберт осталась охранять дом. Тридцатого апреля, когда стали летать советские самолеты, ей стало страшно одной в доме, перевожу дословно, она взяла продукты из дома и стала жить у подруги в этом же городке, в каком-то сарайчике.

— Дед-полковник в Гамбурге у американцев, эта... козочка в сарайчике жила. А этот Курт... Черт Иваныч в лесах с автоматом шастал? — резко выговорил Гранатуров.— Ничего себе хозяева! С целью разведки в свой дом вместе с сестричкой пришел? Что им тут вдвоем нужно было? Вот главное! Кто их послал?

Тихая ярость, готовая вот-вот выплеснуться вспышкой (как ожидал Никитин), пригасла в глазах Княжко, он, похоже, намеренно не придал значения последнему вопросу Гранатурова и, обращаясь к одному Никитину, заговорил невозмутимо:

— У меня, видишь ли, нет желания пристрастно допрашивать, а тем более воевать с грудными детьми. Особенно вот с этими. Это — первое. Второе. Эти наивные дети узнали, что Берлин взят, пережидать нечего, и решили бросить дом, двинуть в Гамбург к своему престарелому и перепуганному нашествием русских гроссфатеру. Взять вещички, переодеться — и в дорогу... Этот Курт вернулся из лесу и сказал об этом сестре. Так они объяснили. И я готов верить, представь себе. Дальше. Эмма вошла в дом через черный ход со стороны сада. Курт ждал внизу. Кстати, этот Курт сказал, что в лесу за озером вервольфов человек двадцать: в том числе его сверстники, мальчишки лет пятнадцати-шестнадцати, во главе с ефрейтором из какой-то разбитой части. Вооружены автоматами и фаустпатронами.

— Та-ак! — длинно протянул Гранатуров, направляясь крупными шагами к Курту.— Та-ак! Автоматы и фаустпатроны? Двадцать человек? Тогда уж скажи, дорогой мой Курт, где они? Где располагаются вервольфы? Ни хрена за очками не видно! — Он витиевато выругался.— Во... зинд... вервольфы?..— крикнул он, подбирая немецкие слова, и бросил большую свою руку на кобуру...— Во... ист вервольф? Вифиль... километр? Шпрехе, щенок! Ну? Отвечай!

И Курт вобрал птичью голову в узенькие прямые плечи, на которых, как на вешалке, обвисал широкий, с прожженной полой мундир, облизнул губы, обметанные крупными каплями пота, залопотал что-то испуганное, неразборчивое, в беспомощности озираясь на сестру, и Никитину показалось, что даже оттопыренные ребячьи уши его побелели. А она в онемелом страхе, умоляя раздвинутыми на половину лица глазами и Гранатурова и Княжко, перестала дышать, неразвитая грудь ее круто поднялась, затвердела камешками, и наконец она выдохнула вскриком отчаяния:

— Nein, Herr Offizier, nein! Nein! [3]

И закрыла лицо ладонями, мотая спутанными волосами в приступе тоскливой незащищенности.

Струйки пота скатывались по грязным щекам Курта, голова все глубже уходила в плечи, тощая шея мелкими толчками все ниже нагибалась, и сутуло, углами проступили лопатки под мундиром, потом хлипкий кашель вырвался из остренького его носа, он подавился, поперхнулся и еле выдавил какую-то разорванную фразу, глотая ее вместе со слюной.

— Вчера в лесу обстреляли штабную машину,— вполголоса сказал Никитин, взглянув на Княжко.— Сообщил патруль. Он знает об этом?

— Вчера? Обстреляли? — подхватил Гранатуров. — Ну-ка, Княжко, вопрос щенку! Они стреляли?

«Неужели вот такие молокососы устроили засаду в лесу? — подумал Никитин, пытаясь сосотнести обстрел машины с видом этой сгорбленной, жалкой мальчишеской спины немца и его мокро хлюпающего носа.— Просто не верится. Да им кашу манную есть, а не из ав-

---

[1] Дед полковник?

[2] Да, да, полковник... рейхсвер.

[3] Нет, господин офицер, нет! Нет!

томатов стрелять. Не может быть, чтоб такие, как он!..»

— Что там этот хмырь мокроносый мычит? — угрожающе спросил Гранатуров, не снимая руку с кобуры.— Если не ответил, повторить вопрос, еще повторить, Княжко! Вчера стрелял, а сегодня в разведку пошел? Эт-то пусть ответит!

Княжко задал вопрос и с подчеркнутой сухостью перевел:

— Он сказал, что вчера не был в лесу, а был в городе, у сестры. Кроме того, ефрейтор каждую ночь выбирает новое место ночевки. За разглашение тайны — расстрел. Некий Фриц Гофман был расстрелян за то, что поранил о сучок ногу, не мог идти... Ефрейтор зажал ему рот ладонью и выстрелил в сердце.

— Вот гад,— пренебрежительно сказал Меженин, не то имея в виду ефрейтора, не то Курта.— Повесить мало! Всех до единого! Я б им припомнил «Хайль Гитлер!» Они б у меня покрутились!..

Гранатуров, расставив ноги, медленно покачивался с носков на каблуки, скулы его заметно теряли смуглоту, приобретали серый оттенок.

— Значит?.. Отказывается говорить? Так я понял, Княжко? — сниженным до подземного рокота басом выговорил Гранатуров, зрачки его вдруг слились с шальной жутью глаз, и он дико тряхнул головой в сторону двери.— А ну-ка, выйдите все, только братца немочки оставьте! Я поговорю с этим онанистом, как фрицы с моим отцом и матерью в Смоленске разговаривали! Он у меня шелковым станет, мразь вервольфовская!.. Они еще будут вокруг нас с автоматами ходить!

— Змеиное семя! Чикаемся с ними! Все они тут — фашистское отродье, душу иху мотать!..— выматерился Меженин жестоко.— Наших людей мучили, а тут еще молчит, выкормыш гитлеровский! Стрелял вчера?

Никитин слышал о чем-то страшном, детально неясном, что случилось в сорок первом с семьей Гранатурова в Смоленске (отец его, кажется, был директором школы, мать — учительницей), о чем сам он мало говорил, и, подумав об этом, тут же увидел сплошной оскал зубов на посеревшем лице комбата, увидел, как напряглись слоновьей силой его плечи и чугунной гирей дрогнул и повис вдоль тела пудовый кулак. Он никогда не замечал этого ослепленного, ярого, звериного проявления в нем, и почему-то мелькнула мысль, что одним ударом Гранатуров легко мог бы убить человека. Но это звериное, темное, неосмысленное проявилось и у Меженина там, с немкой, в мансарде, точно бы зараза насилия полыхнувшим пламенем внезапно прошла от него к Гранатурову, как проходит безумие по толпе, слитно опьяненной жаждой мщения при встрече человеческого существа, вовсе не сильного, растерянного, несущего в себе понятие врага,— поверженный враг, еще жалко сопротивляясь, порой вызывает ненависть более острую, чем враг сильный.

Это не понял, а инстинктивно почувствовал Никитин, но в ту же секунду пронзительный взвизг немки прорезал тишину комнаты, и с рыданием она ринулась к Курту, по жестам, по голосам, по взглядам догадываясь, что должно было произойти сейчас; она вцепилась в шею брата и, наклоняя его маленькую голову к своему лицу, хватая его помертвевшее лицо скачущими пальцами, повторяла одно и то же с мольбой:

— Kurt, Kurt, Kurt!.. Antworte!..[1].

— Меженин! — заревел Гранатуров, надвигаясь на Курта.— Убери эту мокрохвостку к едреной матери! Выйдите все! Я поговорю с ним! И этот слюнявый скорпион стрелял в нас? А, Меженин?..

Меженин плюнул на ладони, растер, будто бы дрова рубить собрался, обеими руками схватил немку за плечи, рванул, оторвал ее от Курта, и тотчас же неузнаваемый, накаленный голос Княжко хлестнул зазвеневшим выстрелом:

— Назад!..

И, сделав два шага, подобно разжатой стальной пружинке, оттолкнул Меженина локтем и, бледнея, стал между Гранатуровым и Куртом, произнес непререкаемым голосом приговора и Гранатурову и себе:

— Это вы сделаете только в том случае, если меня не будет в живых! Вам ясно, комбат?

— Меженин! Выйдите отсюда! — подал команду Никитин, горячо подхваченный решимостью Княжко.— Чтоб вашего духа здесь не было!

— Ишь ты, лейтенант!..

Меженин перевел задымленные бешенством глаза на Никитина, затем, по обыкновению сможив ресницы, для чего-то потирая жестко ладонь о ладонь, прохрипел Гранатурову: «Немчишки им, оказывается, дороже, а?» — и, переваливаясь, двинулся к двери, открыл ее кулаком, вышагнул и так стукнул дверью, что закачался огонь в лампе.

— Та-ак! — понимающе пропустил через зубы Гранатуров и отступил к столу, сел, отбросился на стуле, свесив на груди забинтованную руку.— Так, мушкетеры сказочные, значит, из-за немцев передеремся друг с другом в конце войны? Так вы добрее меня, значит? Вы чистенькие херувимчики, а я?..

Но уже видимым усилием заставляя себя остыть, овладеть припадком злобы, договорил почти охлажденно:

— Из-за этих щенков? Может, насмерть перебьем друг друга? Из-за них? Ох, Княжко, Княжко, как жить мы будем? Выключить бы против меня механизм надо! Враги мы или в одних окопах сидим?

Но Княжко молчал. Бледность не сходила с его лица, оно было все так же упрямо, твердо, и было странно видеть сейчас его новенькие парадные звездочки на погонах, зеркально отполированные хромовые сапожки, безукоризненный пробор аккуратно зачесанных светлых волос — и Никитин невольно подумал: «Да, он в самом деле — механизм».

— Так вот,— заговорил очень внятно Княжко, как бы ни слова не услышав из того, что говорил Гранатуров.— Совершенно ясно, товарищ старший лейтенант, что эти немцы — хозяева дома. Значит, дом принадлежит им. Им, а не нам. И это абсолютно справедливо. Поэтому пусть собирают вещи, то, что им принадлежит, и уходят, куда хотят, хоть в Берлин, хоть в Гамбург. Пусть уходят.

Гранатуров забарабанил ногтями по пустому стакану.

— И отделавшийся испугом божий одуванчик мотнет к своему ефрейтору? Так следует понимать, Княжко?

— О, как это опасно, товарищ старший лейтенант, если даже так! Двадцать мальчишек с сосками сидят в лесу, запуганные каким-то ефрейтором. Вот этот Курт достаточно убеждает, кто там еще остался.

— Ой, как мило!

— Что «ой»?

— Автомат и фаустпатроны — сосочки, Княжко?

— Думаю, что воевать надобно с достойным по силе противником, а не...— Княжко без прежнего любопытства посмотрел на тощую, затихшую в страхе фигуру Курта, на молоденькую немку, чуть приоткрывшую в кровь искусанные, вспухлые губы,. закончил равнодушно: — А не с цыплятами.

— Ой, как все мило, лейтенант!

— Хочу напомнить,— непререкаемо продолжал Княжко.— Вы официально находитесь на излечении в медсанбате, товарищ комбат. Я замещаю вас на должности командира батареи. И я принял решение. Никакого боя не было. Мы их в плен не брали. Они сами пришли, как хозяева своего дома. И, повторяю, пусть уходят, если хотят. Ты, Никитин, надеюсь, не возражаешь?

«Да, Княжко — как механизм. Упрямо заведен ключиком в одну сторону. В обратную его не заведешь! Но почему он так уверенно принял решение, вот что неясно»,— подумал Никитин с осуждением и тайным восторгом перед непоколебимой убежденностью Княжко, зная, что тот теперь не согласится с любым возражением Гранатурова, как часто не соглашался с ним при выборе противотанковых позиций, и, зля комбата самонадеянным упорством, сам уточнял огневые для своего взвода. И Никитин, неполностью сознавая непреклонную правоту решения Княжко, но подчиняясь его знакомой, даже на миг не сомневающейся твердости, сказал:

— Я согласен с тобой. Боя не было, мы их в плен не брали.

— Прекрасно,— произнес Княжко.

Гранатуров, с вытянутыми на ковер ногами, развалясь, уронив к полу здоровую руку, сидел в позе утомленного человека, насмешливо и терпеливо выжидающего, чем все это может кончиться, а когда нахмуренный Княжко подошел к немцам и быстро заговорил с ними, он выдул всей грудью сильную струю воздуха, выговорил:

— Не много ли, Княжко? Не много ли на себя взято? Ох, как загнуто! Не заплакать бы от такого приказа...

Княжко, однако, не ответил ему, не прервал разговора с немцами, и Никитин видел, как дрожаще отвис подбородок у растрепанно некрасивой Эммы, как нервически толкнулась вбок, от плеча к плечу, продолговатая птичья голова Курта, и неизвестно почему пришла раздраженная мысль, что этот мальчишка, худой, нелепый весь, не от мира сего, так ни разу не снял во время допроса большие свои очки, придающие ему несуразный облик болезненного комнатного вундеркинда, безобразного марсианина, и стало смутно на душе — и он сказал неприязненно:

— Интересно, умеет ли он стрелять?

— И дурак умеет,— бросил Княжко и, заканчивая объяснительный разговор с немцами, заключил дважды произнесенными командами:— Аллес! Аллес!

Было непонятно — вслед за этим командным «аллес» Эмма узкими шажками приблизилась к Княжко, не подымая заплаканных глаз, сделала короткое приседание, затем неожиданно и несколько стыдливо присела перед Никитиным, сказала запухшими губами с подобострастной благодарностью: «Danke schön, Herr Offizier!»[2] — после чего тронула безвольную кисть своего брата, должно быть, еще не поверившего в спасение в этот последний момент, и с заискивающим лицом повела его за руку, видимо, на правах старшей сестры, к двери. Он пошел за ней, неуклюже заплетаясь сапогами, а ребячий, с глубокой ложбинкой, затылок его боязливо вжимался в воротник мундира, вероятно, ожидая окрика или выстрела в спину.

— Аллес! — повторил Княжко, когда дверь за ними закрылась, и, взглянув на ручные часы, сказал серьезно: — Кажется, пора подышать свежим воздухом перед сном. И заодно проверить часовых.

Минуту длилось молчание.

— Эх, господа офицеры, господа офицеры, аха-ха...— выдохнул Гранатуров, разжав сцепленные челюсти.— Много взято — кому платить? А если что, кому-то из нас придется отвечать... не погонами, а головой.

— Да? — бесстрастно удивился Княжко.— Что ж, погон пара, голова одна — отвечу, товарищ старший лейтенант.

Никитин сказал:

— Я с тобой. Сам проверю часовых на всякий случай.

— Проверять их надо без всяких случаев,— ответил Княжко и, чистоплотно сдунув невидимые пылинки с пилотки, надел ее.— Пошли, Никитин.

— А! Куда?..— спросил Гранатуров размышляюще, и задумчивое смуглое лицо его, повернутое к Княжко, передернулось тоскливо.— В медсанбат, а? Напрасно. Думаю, Галочка спит в это время, лейтенант.— И он затрещал стулом, с притворным томлением распрямился двухметровым телом.— Замещаете меня и взяли на себя все? Крепко! А если этот гадкий утенок со своим братцем пришла с целью пошпионить, то что вы ответите «Смершу», господа офицеры? Придумали ответ? Так вот: придумывайте за троих, чтоб скопом было. Я все-таки люблю вас, дьяволы, за рискованность!..

Княжко набросил на плечи плащ-палатку, не принимая полушутливого тона Гранатурова, жестковато ответил:

— Придумывать не стоит. Именно тогда займется трибунал мной, товарищ старший лейтенант.— Он строевым жестом поднес руку к пилотке, добавил смягченно: — Лучше всего — располагайтесь до утра на диване. Спокойной ночи!

Они вышли.

[1] Курт, Курт, Курт!.. Отвечай!..

[2] Очень благодарна, господин офицер!

Продолжение следует.

«Я БОЛЬШЕ НЕ ИДОЛ»

ИСПОВЕДЬ БРИЖИТТ БАРДО

Многие завидовали судьбе этой женщины... Блестящая артистическая карьера. Каждодневное внимание «большой» печати западного мира. Ее имя, стократно повторяемое неоновыми рекламами Парижа, Лондона, Нью-Йорка. Парфюмерная фирма «Мадам Роша» выпустила специальный крем «Брижитт Бардо». «Шанель» — духи «Б. Б.». Многие годы актриса Брижитт Бардо была «идолом» западной публики, созданным рекламой и зрелищным бизнесом. Там, где она появлялась, ее окружали сотни поклонников. Случайно оброненная косынка разрывалась ими на куски...

Завидная судьба? Может быть. Только сама она думает по-другому...

Сегодня Брижитт Бардо уже не кинозвезда. И давно уже не «идол». Она, как выражаются профессионалы, «сошла». Те самые киномагнаты, которые подняли когда-то «малютку Б. Б.» на пьедестал славы, сегодня не проявляют к ней никакого интереса. Им нужны новые имена, новые «идолы»: конвейер зрелищного бизнеса не останавливается ни на минуту.

В прошлом году ей исполнилось 40 лет. Всего 40 лет. Но что же осталось Брижитт Бардо после недолгих лет успеха? Разбитая семейная жизнь. Она так и не смогла построить семью: бесцеремонное вмешательство падких на сенсации репортеров, сплетни, «накрученные» вокруг ее имени, разрушали отношения с близкими ей людьми. Одиночество. Горечь. Пришло тяжелое похмелье. Она разуверилась во многом, что когда-то казалось ей ценным и привлекательным.

Недавно французская писательница Франсуаза Саган, судьба которой в чем-то напоминает судьбу Б. Бардо — ее тоже всячески «возносила» критика «большой» печати, а сейчас повернулась к ней спиной,— встретилась с бывшей актрисой. Наверное, они хорошо поняли друг друга. Их беседа потом была опубликована.

— Я принадлежу к тем женщинам, которые имели безусловный успех в карьере, но которым не удалось добиться счастья в личной жизни,— рассказывает Брижитт Бардо,— я больше не работаю. Фильмы поглотили всю мою жизнь и энергию. Кинобизнес построен так, что я все время находилась как бы в тюрьме и на виду одновременно. Я была изолирована. В результате я терпела неудачи в личной жизни. Людям, которые мне нравились, не давали приблизиться ко мне. Получалось так, что если я встречалась с «незнаменитым» человеком, человеком, который работает, как нормальные люди, то делалось все, чтобы разрушить наши отношения, отравить их... Кому-то просто требовалось, чтобы вокруг меня всегда был скандал. Это было им выгодно. Финансово выгодно... Зато ко мне охотно позволяли приближаться богачам, которых я ненавижу за их привычки и отношение ко мне. Они считают, что могут купить все, что захотят, включая меня саму...

— Знаете,— замечает Франсуаза Саган,— когда я бываю в кино, я выхожу потом из кинотеатра с тяжелым сердцем. Я не могу переносить эти бесконечные зрелища насилия, грубого секса, кровопролитий. Не думаете ли вы, что эти эротические фильмы и то, что они изображают, не имеют ничего общего с любовью?

— Вы правы. Для меня любовь — это тайна и молчание. И очень личное. Откровенные сцены в фильмах — это бесстыдство. Мне тяжело говорить об этом...

— Любите ли вы «ночную жизнь», ночные клубы и вообще развлечения такого рода?

— Все это немало испортило мне жизнь. Ведь это тоже входит в облик «идола». Я страшно утомлена. Я по природе «домашняя женщина»: люблю бывать дома и проводить время с немногими друзьями. Но чересчур долго я была этого лишена... За мной следили буквально в замочную скважину... Теперь миф о Брижитт Бардо умер, кончился. Может быть, через пять лет меня совсем забудут, а может быть, и не совсем... Мне будет 45 лет. И я смогу жить той же жизнью, что и другие женщины. Пусть я буду одинока, но зато я сама буду решать свою судьбу. Я больше не буду «идолом». Зато я стану наконец человеком...

В этих словах уже немного оптимизма. И надежда: может быть, «простая женщина» Брижитт Бардо встретит то счастье, которого лишили кинозвезду «отцы» зрелищного бизнеса?

Вик. ДМИТРИЕВ

Редакция журнала «Огонек» благодарит посольство ВНР в СССР, Управление информации Совета Министров ВНР, Издательство венгерских печатных органов, журнал «Орсаг Вилаг», а также всех товарищей, принимавших участие в подготовке этого номера.

В «ОГОНЬКЕ»

В мае 1945 года впервые вышел в свет «Лудаш Мати» — сатирический журнал венгерских коммунистов.

Основателем его был Андор Габор — поэт, публицист, юморист, лауреат премии имени Кошута. Он назвал наш журнал «Лудаш Мати». Кто такой Лудаш Мати? Народный герой, заступник бедняков, который не оставлял безнаказанной ни одной обиды, нанесенной простым людям. Его образ стал символом и занял место в сердцах людей. В духе Лудаша Мати вот уже три десятилетия работают сотрудники редакции, художники и писатели.

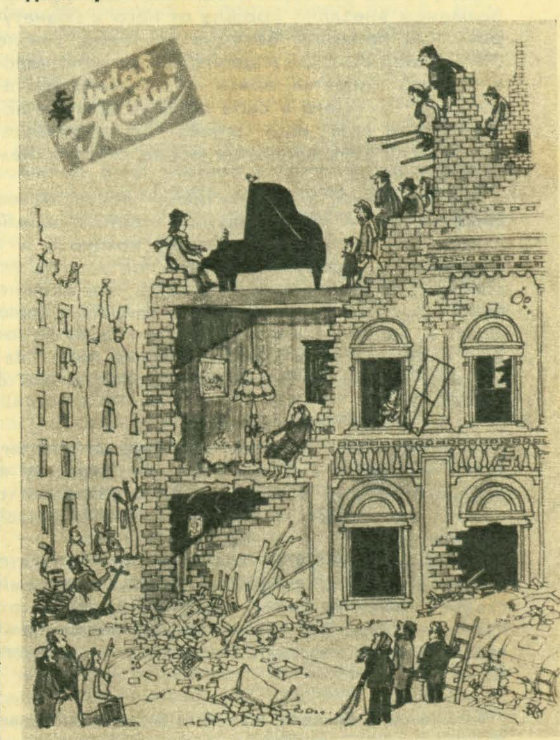
Наш творческий цех стремится делать журнал политически острым, проводить линию партии.

Тридцать лет доказывают, что венгерские читатели любят «Лудаш Мати». Он выходит еженедельно тиражом более полумиллиона экземпляров. Тот, кто пролистает подшивки журнала за эти годы, получит образную картину истории нашей родины после освобождения страны Советской Армией, узнает о нашей борьбе и планах, об успехах и неудачах.

Журнал стремится поддерживать тесную связь с жизнью, с читателями. Они часто приходят в редакцию со своими хлопотами, бедами и жалобами.

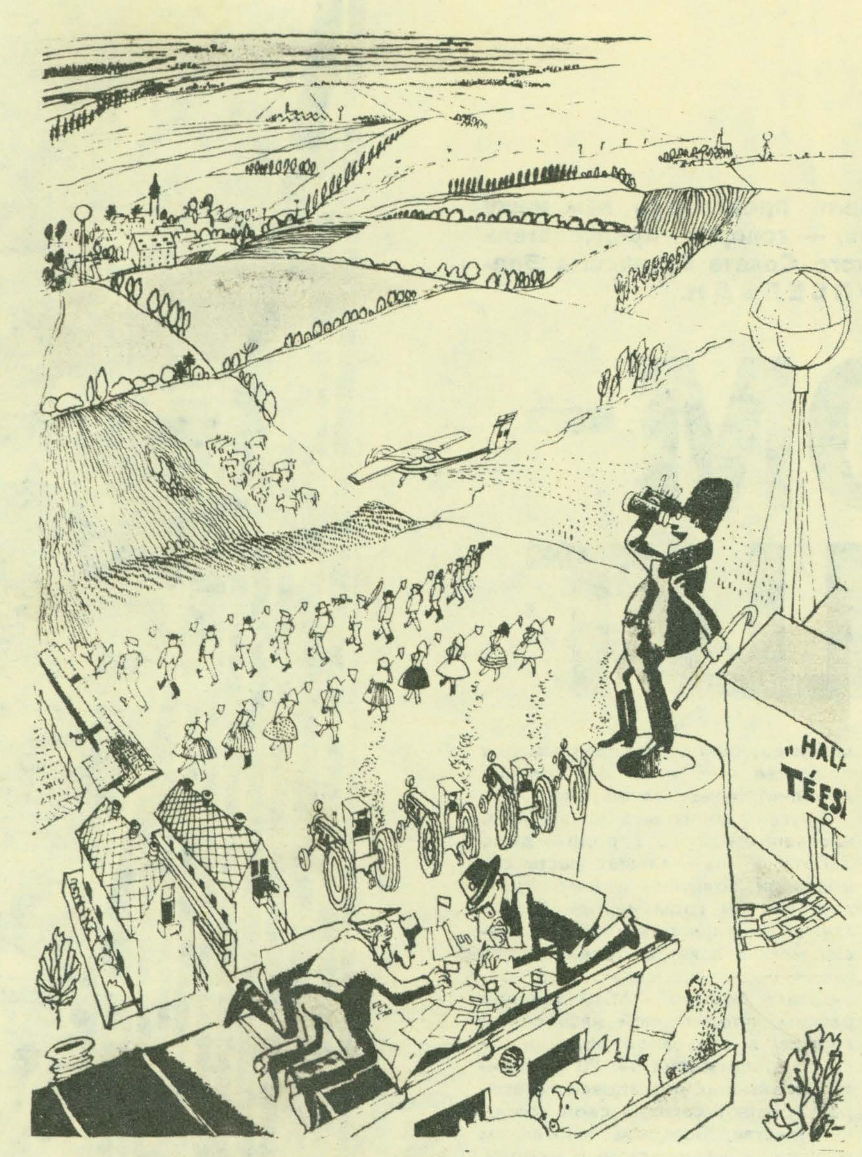
Три десятилетия — долгий срок в жизни сатирического политического журнала, но мы все-таки не устали. Мы не устали потому, что — так нам кажется — у нас еще есть задачи. С этой мыслью мы начинаем следующее тридцатилетие.

Историю венгерского собрата вашего «Крокодила» рассказал Дьердь МИКЕШ.

Первый концерт на открытой площадке в 1945 году.

Рисунок Дьердя Бреннера.

— Не остановимся до тех пор, пока берега нашего кооператива не будут омывать моря...

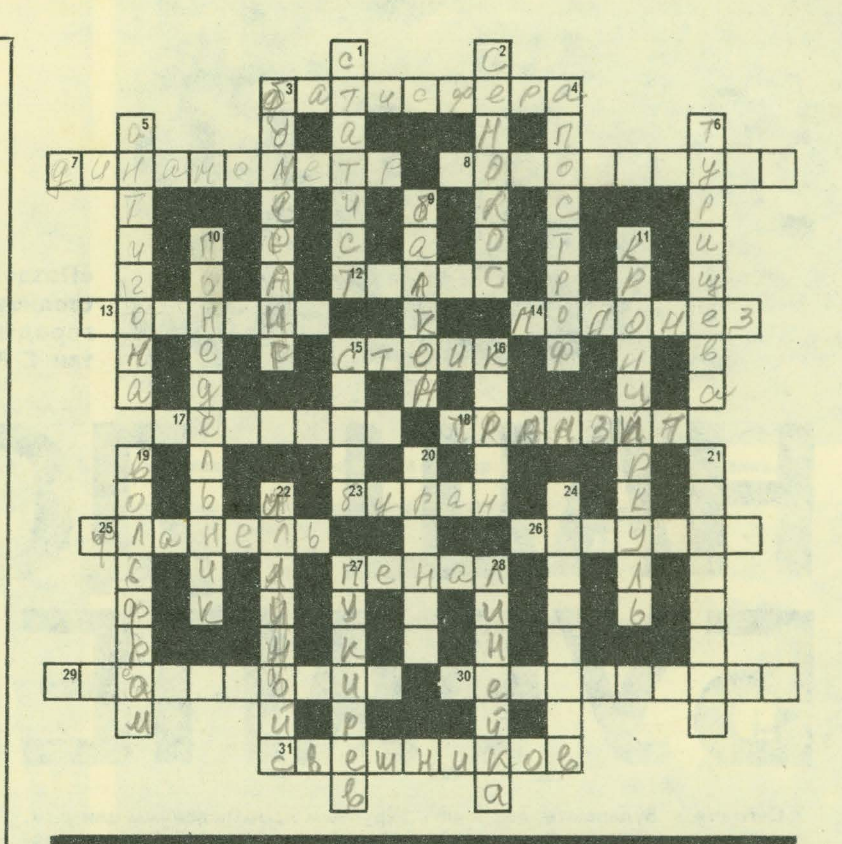
Рисунок Йожефа Сюр-Сабо.

В эпоху научной фантастики:

— Скажи, папа, мама человек или робот!

Рисунок Дьердя Варнаи.

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Камера для глубоководных работ. 7. Прибор для измерения величины механической силы. 8. Украшение вокальной мелодии. 12. Река в Киргизии и Казахстане. 13. Административный центр воеводства в Польше. 14. Бальный танец. 15. Роман Т. Драйзера. 17. Сорт слив. 18. Доставка багажа без перегрузок на промежуточных станциях. 23. Сильная метель, вьюга. 25. Ткань с легким начесом. 26. Лесная птица. 27. Футляр для хранения ручек, карандашей, перьев. 29. Автор повести «Вокруг света на «Коршуне». 30. Курорт в Чечено-Ингушской АССР. 31. Хоровой дирижер, народный артист СССР.

По вертикали: 1. Актер, исполняющий роли без слов. 2. Сельскохозяйственная работа. 3. Метательная палица. 4. Надстрочный знак. 5. Трагедия Софокла. 6. Абсолютная чемпионка мира по спортивной гимнастике. 9. Часть зрительного зала. 10. День недели. 11. Чертежный инструмент. 15. Стихотворение В. Маяковского. 16. Созвездие Южного полушария неба. 19. Металл. 20 Драгоценный камень. 21. Северный остров Японского архипелага. 22. Штат в США. 24. Советский писатель. 27. Русский живописец XIX века. 28. Строй в одну шеренгу.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14

По горизонтали: 3. Грицько. 6. Аквамарин. 7. «Алеко». 9. Якорь. 11. «Белка». 17. Бизерта. 18. Титан. 19. Тубафон. 20. Орангутанг. 21. Петрология. 22. Вильнюс. 24. Цапфа. 26 Каталог. 27. Сабля. 28. Драва. 29. Глава. 31. «Гайдамаки». 32. Шеридан.

По вертикали: 1. Гривна. 2. Скерцо. 4. Гагарка. 5. Анапест. 8. Енот. 10. Караганда. 12. Кабельтов. 13. Лигроин. 14. Станица. 15. Энцелад. 16. Собинов. 23. Селенга. 25. Пуща. 26. Каренин. 29. Гейзер. 30. Алатау.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Андреа Кормош учится в одной из самых известных гимназий Будапешта * Монумент Освобождения на горе Геллерт * Вечерние огни Будапешта.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Эти модели одежды предлагает к весне «Совет СЭВа по модам», который работал в Кечкемете * Секешфехервар (верхние снимки) **— один из старинных городов Венгрии * Возраст Печа — две тысячи лет. Так выглядят сегодня новые районы этого города** (нижний снимок).

Фото Ирэн Ач («Орсаг Вилаг») **и Л. ШЕРСТЕННИКОВА**

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. КУДРЯВЦЕВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 17/III — 75 г. А 00550. Подп. к печ. 1/IV — 75 г. Формат 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 702. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 311.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24

«Позвольте представить вам нашу столицу», — говорит председатель городского Совета Будапешта Золтан СЭПВЕЛЬДИ.

НАШ ДОМ — БУДАПЕШТ

Сегодня в Будапеште два миллиона шестьдесят тысяч жителей. У нашего города длинная родословная. Новая ее страница была открыта 13 февраля 1945 года, когда Советская Армия освободила город. Жители столицы никогда не забудут советских героев, которые жертвовали в те дни жизнью за нашу свободу.

Будапештские рабочие, коммунисты были первыми среди тех, кто разбирал руины, создавал порядок на улицах. Через несколько недель после освобождения уже шел первый спектакль в театре, в домах появился газ. Первого мая уже было электричество, зазвучало радио, тронулся первый трамвай.

С той поры 800 тысяч будапештцев переехали в новые квартиры. Сегодня в каждой из них есть радио, а в 80 процентах квартир — телевизоры. Каждая пятая будапештская семья имеет легковую машину. С помощью советских домостроительных комбинатов построено 17 новых микрорайонов. Гордость города — Восточно-Западная линия метро, ее строить помогали советские друзья.

Партия и правительство выделяют большие средства на развитие города. В результате этого и благодаря самоотверженной работе трудящихся Будапешт стал красивее, и главное — он стал крупным промышленным центром. Удвоилось число рабочих, занятых в социалистической промышленности. Сегодня столица дает более трети валовой промышленной продукции страны. Появились новые заводы, фабрики, а старые расширились, модернизировались.

Предмет особой гордости будапештцев — наши социальные достижения. Если вы пройдете по городу, то, наверное, обратите внимание, как много на скверах и бульварах ребятишек и пожилых людей. Сейчас 24 процента, то есть 480 тысяч жителей Будапешта, — пенсионеры. Их число ежегодно растет. Как мы о них заботимся?

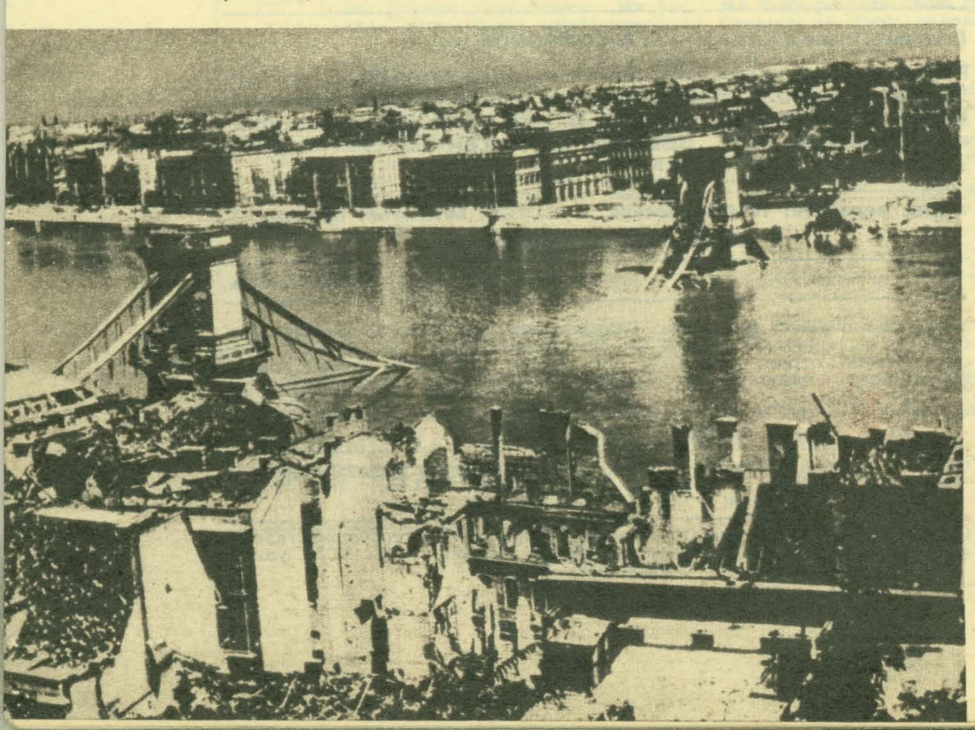
Пенсионная система обеспечивает спокойную старость после трудовой жизни. Уже несколько раз увеличивались размеры пенсий. Но пожилые люди страдают от одиночества, поэтому мы организовали 26 домов для престарелых, где они живут на полном обеспечении. Еще есть в нашем городе 33 клуба для пожилых. Здесь можно развлечься, получить питание со скидкой, а при необходимости — и медицинское обслуживание. Для тех, у кого есть силы заниматься делом, созданы 14 специальных мастерских. Столичный Совет имеет и такие предприятия, где пенсионеры могут получить работу на дом. Это ведь очень важно, чтобы человек ощущал себя полезным для общества и к тому же получил дополнительный заработок!

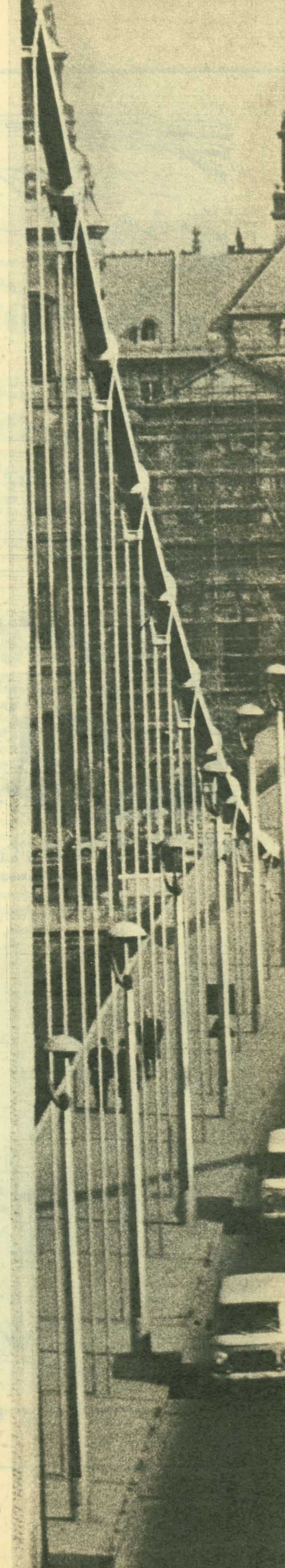
Другая многочисленная часть населения нашего города — дети. Забота о них — важная часть социальной политики нашего государства. За годы народной власти в столице появилось 15 тысяч мест в яслях и более сорока тысяч в детских садах. Это результат большой общественной работы, проделанной населением города, и серьезной помощи со стороны предприятий. 90 процентов ребятишек детсадовского возраста имеют сегодня свои «рабочие места». Большим вниманием окружены многодетные семьи. Уже неоднократно повышалась сумма месячного пособия таким семьям. Пока ребенку не исполнится трех лет, мама может не работать и получать пособие. Это было утверждено законом 8 лет назад, и мы рады, что теперь детворы у нас становится с каждым годом все больше.

Вторая ступенька жизни юного будапештца — школа. После освобождения в столице построено 150 новых школ. В 1971 году в нашей стране был принят специальный Закон о молодежи. В чем его суть? Закон о молодежи предусматривает широкое участие нашего молодого поколения в общественной и культурной жизни страны. Государство выделяет крупные средства, например, для проведения спортивных мероприятий, покупки билетов в театр, концерты, приобретения путевок.

На заводах, в школах, в микрорайонах, при домах культуры организовано 234 молодежных клуба, в основном на общественных началах. Согласно закону, сорок процентов жилья предоставляется молодым. А если при получении квартир молодожены берут на себя обязательство (да, да, обязательство!) родить двух детей в течение пяти лет, семья получает в таком случае значительные льготы.

Невозможно перечислить все, что сделано в Будапеште за тридцать лет для его жителей. Мы и впредь будем делать все необходимое, чтобы Будапешт был достойной столицей нашей социалистической родины.

1945 год.— Между Будой и Пештом.— 1975 год

Лекарства с маркой «Гедеон Рихтер» знают во многих странах.

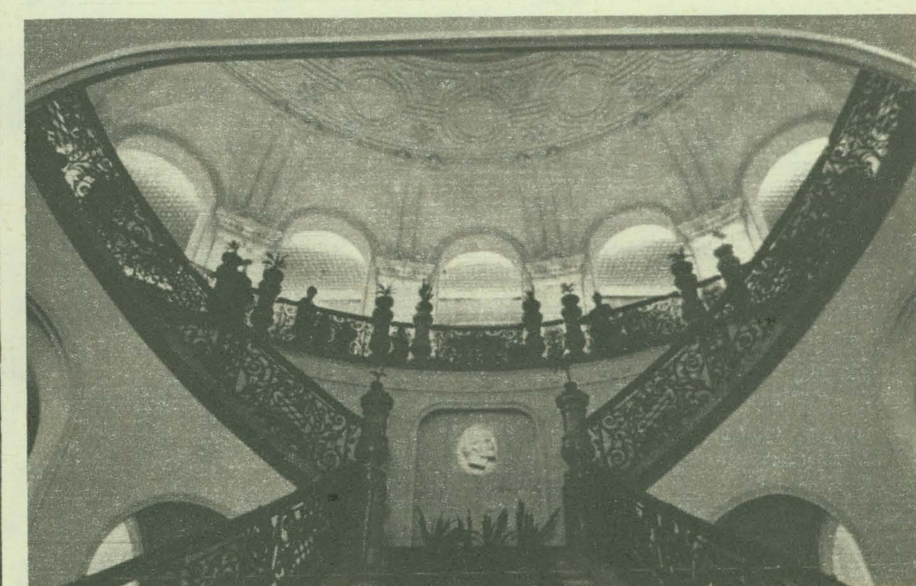

Здесь создаются известные автобусы «Икарус».

Вместе с мамой.

В Доме советской науки и культуры.

Индекс 70663

Цена номера 30 коп.